

Международный научный
и общественно-политический журнал

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА

SOCIETY AND ECONOMY

№6, 2021

Журнал учрежден академиями наук – участниками
Международной ассоциации академий наук

Выходит 12 раз в год.

Главный редактор – член-корреспондент РАН
К. Микульский

Редакционная коллегия: д. э. н. **А. Алирзаев**, академик НАН Беларуси
Е. Бабосов, академик НАН Украины, иностранный член РАН **В. Геец**, д.э.н.
Р. Джабиев, академик АН Республики Таджикистан **М. Диноршоев**,
академик РАН **В. Журкин**, член-корр. РАН **И. Иванов**, д.э.н.
С. Калашников, академик АН Республики Таджикистан **Н. Каюмов**,
академик НАН Кыргызской Республики **Т. Койчуев**, д.э.н. **П. Кохно** – зам.
гл. редактора, академик НАН Республики Казахстан **А. Кошанов**,
д. филос. н., иностранный член РАН **Нгуен Зуй Куи**, академик РАН
А. Некипелов, академик НАН Беларуси **П. Никитенко**, академик НАН
Грузии **В. Папава**, академик РАН **Б. Порфириев**, д. э. н. **А. Расулов**,
академик АН Молдовы **А. Рошка**, академик НИА Республики Казахстан
О. Сабден, **В. Соколин**, д. филос. н. **О. Тогусаков**, академик АН Республики
Узбекистан **Р. Убайдуллаева**, академик НАН Украины **Ю. Шемщученко**,
д. э. н. **Е. Ясин**.

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий Князев. Как повысить инвестиционную активность бизнеса?	5
Павел Кохно, Алина Кохно. Государственные ассигнования на национальные программы требуют интегральной оптимизации	21
Яков Долгов. Закономерность возникновения цифровых денег в информационном обществе	39
Тимур Шарифьянов. Пространственный подход к определению цифровой экономики	48
Михаил Жариков. Формирование нового канала конкуренции валют по линии цифрового юаня	61
Светлана Адашкевич. Агропромышленный комплекс Беларуси: его роль в формировании ВВП страны	73
Сергей Большаков, Юлия Большакова. Государственная семейная политика в странах Европы: выбор приоритетов и дифференциация мер поддержки	94

CONTENTS

Yu. Knyazev. On the incentives intensifying business investments	5
P. Kohno, A. Kohno. Budget allocations for national programs require integrated optimization	21
Ya. Dolgov. The emergence of digital money as inherent to information society	39
T. Sharifyanov. Spatial approach to the definition of digital economy	48
M. Zharikov. An emerging new currency competition channel via the digital yuan	61
S. Adashkevich. Agro-industrial complex of Belarus: its role in the formation of the country's GDP	73
S. Bolshakov, Yu. Bolshakova. Family policy in European countries: selecting priorities and differentiating support measures	94

Журнал «Общество и экономика» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук по специальностям: 08.00.00 – экономические науки; 22.00.00 – социологические науки.

Научно-организационная работа по изданию журнала
осуществляется при поддержке
Международного научно-исследовательского института
социального развития

© 2021

Юрий Князев

доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института экономики
Российской академии наук (г. Москва, Россия)
(e-mail: kyuk151@rambler.ru)

КАК ПОВЫСИТЬ ИНВЕСТИЦИОННУЮ АКТИВНОСТЬ БИЗНЕСА

В статье излагаются четыре главных направления работы по стимулированию бизнеса к увеличению вложений капитала в новые хозяйственные проекты: содействие развитию объектов инфраструктуры; упрощение административных требований к инвестиционным проектам; применение льготных форм финансирования проектов; мобилизация собственных источников инвестирования. Автор дает положительную оценку мерам государства, направленным на облегчение инвестиционной деятельности бизнеса, отмечает их недостаточную эффективность и предлагает дополнить их целенаправленной ориентацией на реализацию проектов по развитию приоритетных производств отечественной продукции на плановой основе с широким использованием государственно-частного партнерства как важнейшего средства выполнения плановых задач в условиях частнособственной рыночной экономики.

Ключевые слова: инвестиционная активность бизнеса, направления ее улучшения, стимулирование инвестпроектов, развитие отечественного производства, усиление плановых начал, государственно-частное партнерство.

DOI: 10.31857/S020736760015389-6

Одной из наиболее актуальных задач экономической политики в современной России считается ускорение темпов социально-экономического развития страны. Необходимость ее решения усугубляется тем, что после мирового финансово-экономического кризиса, несмотря на частичное восстановление хозяйственной активности в отдельные годы после 2009 г., когда российский ВВП сократился на 7,8%, экономика страны оказалась в состоянии длительной стагнации. Такая ситуация тем более нетерпима, что усиливается отставание России от большинства стран мира: в то время как мировая экономика в 2010–2019 гг. выросла на 25%, в том числе в развитых странах – примерно на 15%, в развивающихся – на 40%, в России рост ВВП составил всего 5% (ежегодный прирост был равен в среднем 0,5%) [2, с.39].

Предпринимавшиеся в последние годы попытки ускорить экономический рост в России так и не увенчались успехом. Поставленная в мае 2012 г. в Указе Президента В.В. Путина «О долгосрочной государственной экономической политике» [3] задача увеличить темпы роста ВВП на основе повышения производительности труда к 2018 г. в 1,5 раза была конкретизирована в майском Указе 2018 г. «О национальных и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [4] как необходимость достичь к этому сроку среднемировых темпов роста ВВП и перешла затем в июльский Указ

2020 года «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [5], расширивший горизонт хозяйственного прогнозирования.

Непосредственным поводом для продления до 10 лет срока выполнения новых задач стала потребность в уточнении целевых показателей макроэкономического развития, изложенных в предыдущих президентских Указах. В то же время появление июльского Указа свидетельствует, на наш взгляд, об осознании необходимости стратегического подхода к преодолению возникшей по причине коронавирусной пандемии кризисной ситуации в стране, которая наверняка будет длительной и потребует немалых усилий и средств для нормализации положения в экономике и социальной сфере.

Скромные результаты достижения устанавливавшихся предыдущими президентскими Указами показателей и возросшее понимание того, что причиной этого были не только неблагоприятные объективные условия, но и отсутствие действенного механизма выполнения поставленных задач, заставили уделять гораздо большее внимание конкретному процессу достижения намечаемых целей.

Поэтому не случайно, что вопросы реализации обозначенных в президентских Указах текущих и перспективных целей вышли на передний план. Это касается и поставленных в рамках пяти главных целей на период до 2030 г. задач обеспечения темпов роста ВВП страны выше среднемирового уровня и реального увеличения объема инвестиций в основной капитал не менее чем на 70%, по сравнению с 2020 г.

В этом контексте важным организационным мероприятием стало проведенное 23 декабря 2020 г. расширенное заседание обновленного Государственного совета, посвященное вопросам стратегического развития Российской Федерации [1]. Проведение этого заседания в разгар эпидемии продемонстрировало озабоченность руководства страны ее социально-экономическими перспективами, несмотря на занятость первоочередными задачами борьбы с инфекцией и устранением последствий внезапно возникшего хозяйственного кризиса.

В докладе на этом заседании первого заместителя председателя Правительства А. Белоусова в числе трех главных направлений ускорения экономического роста названо увеличение объема инвестиций с упором на преемственные вложения средств в новые технологии и оборудование. Среднегодовые темпы прироста инвестиций должны составить в 2022–2024 гг. не менее 5,3%, т.е. в 1,7 раза выше темпов роста ВВП. К 2024 г. общий объем инвестиций должен вырасти на 21%, а к 2030 г. – на 70%. Этому будет способствовать механизм соглашений о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК), который заработал совсем недавно, но уже подписано 25 таких соглашений на общую сумму 1120 млрд руб., из которых почти 900 млрд будет инвестировано до 2024 г. В результате этого будет создано более 23 тыс. новых рабочих мест. Всего должно быть заключено не менее 1000 СЗПК на 14 трлн руб. Стали

применяться и другие механизмы поощрения инвестирования. Разворачивается система поддержки инвестиций средних компаний в субъектах Федерации. Так называемый инвестиционный пакет используется для улучшения условий инвестирования бизнес-объединениями. Появились такие новые финансовые инструменты, как эмиссия «вечных» облигаций по линии РЖД в объеме 313 млрд руб., инфраструктурные облигации для финансирования дорожного строительства, «зеленые» облигации для улучшения экологии [1].

Столь большое внимание к вопросам инвестирования объясняется тем, что рост экономики невозможен без дополнительного вложения капитала. В современной России необходимость многократного увеличения инвестиций подтверждают следующие статистические данные: в 2018 г. износ основных фондов в добывающей промышленности составлял 57,7%, в обрабатывающей – 49,6%; коэффициент обновления станков и оборудования был ниже 5%; инвестиции осуществляли не более 7% высокотехнологичных производств [6. С. 234, 296, 406].

Задача наращивания инвестиций в основной капитал неоднократно ставилась в президентских Указах. Однако ощутимых сдвигов в этом направлении достичь не удалось.

Мерам по стимулированию инвестиционной активности было посвящено состоявшееся 11 марта 2021 г. совещание, на котором были подняты важные вопросы, относящиеся к этой сфере [8]. В своем вступительном слове президент В. Путин обозначил четыре ключевых направления, по которым ведется постоянная работа в плане активизации инвестиционной деятельности в стране, и указал на препятствия, мешающие добиться намеченного прорыва в этой области. В ходе активного обсуждения этой проблематики представители бизнеса вносили свои предложения, которые оценивались присутствующими членами правительства. Рассмотрим подробнее состояние дел по каждому из этих направлений.

Первое направление – развитие инфраструктуры, где ответственность государства особенно велика. Только в рамках национальных проектов строительства автомобильных дорог и магистральной инфраструктуры уже израсходовано 538 млрд руб., что означает увеличение на 20% средств федерального бюджета, выделяемых на эти цели. Группа AEON осуществила за прошедшие пять лет капиталовложения в транспорт, другую инфраструктуру и химические производства в размере 200 млрд руб. и планирует вложить еще 300 млрд в следующее пятилетие [8]. Такие вложения напрямую содействуют развитию экономики и повышению качества жизни граждан.

Второе направление – усиление долгосрочной предсказуемости условий реализации проектов. С 2015 г. начал использоваться прописанный в Законе о промышленной политике механизм специального инвестиционного контракта (СПИК). Появилась его усовершенствованная модель СПИК 2.0, по которой планируется заключить первые соглашения в 2021 г.

Российским и иностранным инвесторам предложен также механизм соглашения о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК), по которому знаковые проекты получают т.н. дедушкину оговорку – фиксированные налоговые условия на срок до 20 лет, причем вложения инвесторов в транспортную, энергетическую, социальную, коммунальную и цифровую инфраструктуру могут быть компенсированы государством за счет будущих налоговых поступлений.

Благодаря использованию СЗПК в ближайшие пять лет отрасль искусственных удобрений, например, увеличит инвестиции на 1,6 трлн руб. Уже подписано 5 СЗПК на общую сумму 430 млрд руб. Будут открыты новый калийный рудник, фосфатная база, войдут в строй новые производственные комбинаты, откроются более 10 тыс. рабочих мест, бюджет получит больше доходов от налогов. Стабилизационная оговорка в рамках СЗПК дает гарантию неизменности налогового и регуляционного режимов. Всего за период с 2013 г. будет инвестировано 3 трлн руб., производственные мощности вырастут на 70% и выпуск удобрений увеличится вдвое – на 15 млн т, что равно российским потребностям четырех лет. Инвестпроект строительства завода метанола на Дальнем Востоке с объемом инвестиций 55 млрд руб. тоже реализуется в рамках СЗПК, он принесет более 500 млрд руб. несырьевого экспорта [8].

Неоднократно в ходе совещания звучали предложения масштабировать СЗПК в регионах для малых и средних проектов и перейти к использованию цифровых платформ заключения и сопровождения этих соглашений. Эти предложения пока не получили поддержки членов правительства. По мнению министра финансов А. Силуанова, СЗПК не может быть массовым инструментом, это штучный продукт. Таких крупных проектов должно быть около ста стоимостью по 3 млрд руб. и выше. В этом деле нельзя переусердствовать. Есть неприемлемые попытки подвести под СЗПК проекты трехлетней давности вместо предложения новых.

Значительную роль в повышении инвестиционной активности играют фонды развития. По словам председателя Внешэкономбанка И. Шувалова, идет объединение этих фондов, которых сейчас 11. Один из них работает в составе ВЭБ. Банк оценивает риски и вынужден брать часть их на себя. Поэтому у ВЭБ образуются убытки, за что его критикуют. Необходимо узаконить такую практику, которую применяет и Минфин, беря на себя часть рисков и выкупая ценные бумаги у госмонополий.

Успешным является опыт инвестирования в нефтехимические проекты средств Фонда национального благосостояния (ФНБ). Поэтому предлагалось распространить его на другие отрасли, расширяя сотрудничество государства и частного бизнеса, которые должны быть равными партнерами. Такое партнерство осуществляется и с Российским фондом прямых инвестиций (РФПИ). Под его эгидой появились закрытые инвестиционные фонды, осуществляющие соинвестирование в промышленные компании. Завершена подготовка норма-

тивной базы Фонда фондов, сфокусированного на инвестиции в высокотехнологические проекты. Уже 10 представителей крупного бизнеса подтвердили свое участие в нем. Это даст возможность диверсифицировать структуру российской экономики. В 2021 г. заработает Инфраструктурный фонд с капиталом 600 млрд руб. Создается механизм, обеспечивающий доступ малых и средних предприятий (МСП) к рынкам акционерного капитала. Используются такие новые формы, как специальные компании по слиянию и поглощению (SPAC), и другие финансовые инструменты.

В 2021 г. по всей территории страны запускается механизм компенсации инвестиционного вычета по реализуемым проектам – две трети доходов, недополученных региональными бюджетами из-за предоставления бизнесу таких вычетов, будут покрываться за счет федерального бюджета. Такое предложение было высказано в Послании Президента Федеральному Собранию в 2020 г.

Глава Российского фонда прямых инвестиций К. Дмитриев напомнил о том, что Инфраструктурный фонд выдает краткосрочные субсидии на низкорентабельные проекты и что будут выдаваться гарантии под будущие поступления от региональных налогов на новые проекты. Эти два инструмента позволят нарастить объем инвестиций, в том числе из-за границы. Для внутренних инвесторов создается Фонд фондов, который будет содействовать реализации всех проектов по линии РФПИ.

Третье направление – последовательное снижение расходов инвесторов при реализации проектов. Избыточное техническое и административное регулирование в промышленном строительстве ведет к подорожанию и увеличению сроков строительства. Отказ от него позволит сэкономить до 30% затрат на этапе строительства, на 12–18 месяцев (в полтора раза) сократить его сроки.

В соответствии с принятым на совещании в Тобольске решением оптимизировать строительные процедуры, в том числе в промышленности, уже отменено 3000 различных ограничительных административных процедур и намечено еще 3800 к отмене в ближайшее время.

Высоко оценил активное взаимодействие делового сообщества и правительства представитель РСПП Д. Пумпянский. Он приветствовал регуляторную гильотину – устранение избыточного нормирования в промышленном строительстве, лицензировании и обеспечении безопасности. Сейчас средний срок реализации инвестиционного проекта в России почти на полтора года больше, чем в ЕС. Для его сокращения можно было бы согласовывать проектную документацию, экологические параметры и градостроительные экспертизы по принципу одного окна (так можно сэкономить не меньше года), перевести все процедуры от проектировки до выдачи разрешения на строительство в цифровой формат, без оформления на бумаге. Необходимо также сократить сроки подключения объектов к инфраструктурным сетям, которые сегодня занимают от полутора до двух лет. Благодаря этим нововведениям начнется реализация

капиталоемких проектов, которые считались неокупаемыми, таких, например, как производство плоского проката из нержавеющих и коррозионно-стойких марок стали (сейчас 95% его импортируется). Необходимо для борьбы с дис-криимиационной политикой Запада в шельфовых и арктических углеводород-ных проектах ускоренно внедрить новые материалы и технологии для добычи и транспортировки сырья, обустройства, сервиса и инфраструктуры.

Четвертое направление – облегчение доступа компаний к финансовым ре-сурсам на реализацию инвестпроектов, использование в этих целях всего спектра финансовых инструментов. Необходимо делать более доступными для них не только кредиты, но и облигационные займы. В 2020 г. российские ком-пании разместили на рынке рекордный объем своих облигаций. Нужно также создавать благоприятные условия для привлечения акционерного капитала на российских фондовых биржах. Важно увеличивать объем собственных средств предприятий за счет расширения продаж производимой продукции, в том числе и на внешних рынках. Многие экспортно ориентированные пред-приятия воспользовались благоприятной ценовой конъюнктурой, возникшей к концу 2020 г. на мировых рынках металлов (стали, меди, никеля) и удобр-ений, чтобы отыграть кризисные потери и достичь по ряду позиций многолет-него максимума продаж. Тем самым они создают солидный инвестиционный ресурс для реализации проектов, важных для достижения национальных це-лей развития. Бизнесменам необходимо работать на перспективу, не гоняясь за сиюминутной выгодой, используя созданную в России систему господ-держки всех предприятий – больших, средних и малых, что успешно практи-ковалось в кризисный период пандемии. В 2020 г. мировой ВВП сократился на 3,5%, а российский несколько меньше – на 3,1%. У нас были задействова-ны как денежно-кредитные рычаги (ключевая ставка Банка России была сни-жена на 2 п.п. до исторического минимума в 4,25%), так и бюджетное финан-сирование в объеме примерно 4,5% ВВП. Это позволило преодолеть спад и начать восстановление экономики, о чем свидетельствуют рост внутреннего спроса и снижение безработицы. В IV кв. 2020 г. на 1,2% выросли инвестиции в основной капитал, хотя за весь год они сократились на 1,4% (по сравне-нию с показателями предыдущего года) [8].

В качестве успешного опыта использования собственных средств для капи-таловложений на совещании приводился пример компании «ФосАгро», в ко-торой с 2013 г. начался новый инвестиционный цикл и было вложено в общей сложности 1,3 трлн руб. На эти цели расходовалась почти вся полученная прибыль. Выпуск удобрений вырос более чем на 35%. Значительно увеличился экспорт, несмотря на повысившиеся до 50% импортные пошлины в США и ЕС. В России потребление удобрений выросло за эти годы в полтора раза.

О сочетании собственного финансирования инвестиций и помощи ин-ститутов развития говорит опыт объединения «Фарма», которое в 2020 г.

систематически и последовательно инвестировало в создание новых лекарств и их производство. Еще в 2013 г. началась работа по созданию препарата для лечения аутоиммунных заболеваний «Артлегия». Подобные инвестиции несут высокие риски, и получить заемные средства практически невозможно. Долгосрочный кредит был получен от ВЭБ. Этот препарат оказался полезен и для борьбы с COVID-19 – благодаря ему были сохранены здоровье и жизнь более 200 тыс. пациентов. В 2011 г. была запущена Минпромторгом программа «ФАРМА 2020». В строительство завода по производству химсубстанций «Фармаславль» было вложено 5 млрд руб. Кредитную поддержку оказал Фонд развития промышленности (ФРП). Более 1 млн пациентов были обеспечены препаратами для лечения легких и средних форм COVID-19. Москва предложила поучаствовать в офсетном контракте по производству препаратов для нужд города. Это был один из первых проектов СЗПК. Во втором квартале 2020 г. были запущены сразу три масштабных проекта по строительству и модернизации производств в Ярославле, Ростове Великом и Москве с объемом инвестиций более 17 млрд руб. Построен самый большой в Европе биотехнологический комплекс в экономической зоне «Технополис Москва», который сейчас выпускает вакцину от коронавируса. Создан инструментарий поддержки и компенсации издержек CAPEX за счет будущих налоговых обязательств новых предприятий. На совещании предлагалось этот позитивный опыт распространить не только на инфраструктуру, но и на производственную сферу, а также создать налоговый механизм, стимулирующий предприятия направлять текущую прибыль в новые инвестпроекты.

Участники совещания вносили предложения о совершенствовании механизмов инвестиционной деятельности, которые комментировались членами правительства. Хотя шире стали применяться налоговые и иные льготы для новых инвестпроектов (обнулено большинство налогов, взимавшихся в первые годы после запуска объектов, ритмично выделяются субсидии на инфраструктуру), однако этих мер недостаточно и нужны новые.

Предлагалось ввести контрциклическое хеджирование – в период падения мировых цен ВЭБ мог бы кредитовать компании, а они в период высоких цен будут возвращать полученные кредиты. Председатель Банка России Э. Набиуллина согласилась, что институты развития могут брать часть рисков на себя. Но она считает, что надо использовать не только кредиты, но и корпоративные облигации, объем которых сейчас 16 трлн руб., и 25% всех привлеченных компаниями средств приходится на облигации. Должен больше использоваться и корпоративный капитал – акции на фондовых рынках. Контрциклический механизм уже действует в виде бюджетного правила – средства накапливаются в ФНБ при высоких ценах на нефть, а при низких они тратятся. Банки это тоже делают с помощью специальных буферов. Перекладывать же эти риски на бюджет неправильно. По словам министра финансов А. Силуанова, предложение

о контрциклическом хеджировании означает, что вершки хотят забирать себе, а корешки в случае риска относить за счет бюджета РФ, что не совсем корректно. Этим занимаются хедж-фонды, банки, а государство предоставляет льготы по кредитам и займам и тем самым увеличивает свое участие.

Отмечалось также, что, хотя все инвестиционные проекты разные, они ранжируются банками по коэффициентам в узких пределах от 100 до 130. Прозвучало предложение понизить коэффициенты до 50–80, что позволит удешевить проекты, а в банках высвободится часть средств для более широкого спектра проектов. В своем комментарии Э. Набиуллина сказала, что нельзя требовать от банков работать в убыток даже ради инвестирования. Она уточнила, что сейчас установлены риск-веса от 80 до 130% в зависимости от фазы проекта – в инвестфазе больше рисков, чем в фазе эксплуатации, поэтому условия кредитования разные. Это объективно обусловлено и снижать требования нельзя.

Председатель группы АЕОН Р. Троценко предложил осуществить следующий налоговый маневр. Ставка налога на прибыль едина для всех – 20% независимо от того, как прибыль инвестируется. Разрешенный налоговый вычет имеет ряд недостатков: он невелик, право вводить его предоставлено регионам, которые сами определяют список отраслей, срок его применения ограничен. Поэтому предлагается дать предприятиям возможность половину суммы прибыли инвестировать в строительство новых мощностей и техническое перевооружение, освободив эту часть прибыли от уплаты налога. Для компенсации выбывающих средств можно повысить на 2% налог на прибыль в пользу регионов, кроме того вырастут поступления от НДС, т.к. увеличатся расходы на строительство и приобретение оборудования. Бизнес платит налог на недвижимое имущество в размере 2,2%, и с увеличением такого имущества приходится платить еще больше. Срок окупаемости инвестиционного проекта в России 10–12 лет, за это время 20–25% стоимости проекта уходит на платежи по налогу на имущество, когда еще нет никакой прибыли.

Комментируя это предложение, министр экономического развития М. Решетников выразил обеспокоенность, что стабильность бюджетов регионов будет подорвана в случае их зависимости от налога на прибыль. Уже применяется налоговый вычет при инвестировании, СЗПК тоже увеличивают нагрузку на федеральный бюджет. Есть и другие инструменты: ТОРы, особые экономические зоны. Сейчас регионы могут не возвращать долги в федеральный бюджет, а направлять эти средства на финансирование региональных проектов. Таким образом поддержано уже 160 проектов на 280 млрд руб.

А. Силуанов высказался за сохранение налога на недвижимое имущество, по линии которого субъектам Федерации стабильно поступает порядка одного триллиона руб. из 12 трлн их бюджетных доходов. Налог на прибыль во многом зависит от конъюнктуры, и на него опираться нельзя. Вряд ли регионы

будут пользоваться возможностью повышать ставку налога на прибыль. Они и сейчас не очень применяют налоговый вычет при инвестировании, хотя в федеральном бюджете предусмотрено 27 млрд руб. на компенсацию 75% этого вычета. В 2020 г. на эти цели израсходован всего 1 млрд руб. Много инструментов поддержки создано в льготных зонах, а инвесторы туда тем не менее не приходят. Успешно идет субсидирование процентной ставки по кредитам, на что расходуется 300 млрд руб.

Министр считает, что сейчас надо от смягчения бюджетной и кредитно-денежной политики переходить к нормальным условиям, так как инфляция выросла до 5,7%. Но ставки по кредитам нельзя повышать и сокращать привлекаемых заемных денег для реализации проектов. Чтобы процентная ставка, которая влияет на стоимость облигаций федеральных займов, не увеличивалась, надо уменьшать бюджетный дефицит. Для увеличения инвестирования можно задействовать средства ФНБ, объем которых превысил лимит в 7% ВВП. Очень востребованы государственно-частное партнерство и концессии, и здесь государство готово предоставлять госгарантии и средства ФНБ. Использовать эти инструменты можно не только для инфраструктурных проектов, но и в других сферах, когда это в общих интересах. Для успешной работы ВЭБ и других фондов развития их надо докапитализировать, что и предусмотрено в планах на 2025–2026 гг. Достаточность капитала позволит им вкладывать больше средств в новые проекты. Финансовых инструментов у нас много, надо ими активнее пользоваться, заявил А. Силуанов. Но не надо создавать суперльготных условий для бизнеса, он должен уметь рисковать, а перекладывать риски на государство можно только по тем проектам, в которых оно крайне заинтересовано.

Председатель объединения «Опора» обратил внимание на то, что малые и средние предприятия (МСП) также являются важными инвесторами. Их сегодня 5,7 млн числится в госреестре. Если каждое хотя бы на миллион увеличит инвестиции, то их общий объем вырастет на 5,7 трлн руб., что равно 5% ВВП. Надо разрешить фермерам строить производственные и обслуживающие объекты на их землях для переработки их продукции и привлечения туристов, ускорить принятие соответствующих законов. Надо также законодательно поддержать кооперативы на селе, их в СССР было 18 тыс., а сейчас менее 800. Нужны также малоформатные и мобильные виды торговли – проект такого закона есть. Квота МСП в госзакупках увеличится с 20 до 25% к 2024 г., но надо бы ускорить принятие этого решения. Это поможет высокотехнологичному бизнесу, как и офсетные контракты (их уже заключено на 1 млн руб.). Средние предприятия в 2020 г. пользовались поддержкой Фонда развития промышленности, для них снижен порог до 100 млн руб. и разрешено участие на рынке Москвы. Излишне жестким является требование возврата валютной выручки при экспортре, штрафы достигают 100%. Это большой риск для экспортёров, если

покупатель вовремя не оплатит товар. Хорошо зарекомендовали себя кредиты ФОТ 2.0 и ФОТ 3.0, но инвестиционные проекты надо кредитовать по ставке ЦБ.

В. Путин заметил, что изменение порядка использования сельхозземель – очень тонкая тема, не должно создаваться лазеек для перепрофилирования сельскохозяйственных угодий. А. Силуанов добавил, что уже отменен возврат валютной выручки по рублевым контрактам, а к 2024 г. он будет аннулирован полностью. Штрафы за нарушения существенно снижены. Двигаемся к цели аккуратно, чтобы не ухудшить платежный баланс. Намечен переход к контролю за сомнительными валютными операциями.

Председатель РСПП А. Шохин поддержал С3ПК для высокотехнологичных, энергоэффективных, цифровизированных проектов с высокой производительностью труда, экологически и климатически нейтральных. Он не согласился с тем, что все стимулирующие институты уже есть и надо лишь научиться ими пользоваться. Бизнесом многие институты остаются не востребованными, поэтому надо достраивать их и вводить новые. Поддержал налоговый маневр и использование ФНБ как гарантированный источник средств для ГЧП и концессий. Надо совершенствовать С3ПК, СПИК 2.0 и другие механизмы. Напомнил, что в РСПП работают группы «Разработка новой стратегии социально-экономического развития», «Новая высокотехнологическая экономика», «Агрессивное развитие инфраструктуры», которые разрабатывают соответствующие дорожные карты. Считает, что механизм корпоративных программ повышения конкурентоспособности (КППК) надо продлить до 2030 г., а также завершить реформу контрольно-надзорной деятельности и запустить реформу разрешительной системы.

В заключительном слове В. Путин подчеркнул, что самым сильным ответом на санкции Запада является не импортозамещение, а создание конкурентных условий для ведения бизнеса внутри страны и привлечения инвестиций не только отечественных, но и иностранных. Он призвал бизнес работать в России, избегая внешней непредсказуемости, и направлять прибыль на финансирование национальных проектов. Отметив, что ФНБ будет ежегодно пополняться на 180–200 млрд руб., президент попросил представить конкретный план использования средств ФНБ, в том числе на инфраструктурные проекты. Для этого нужно провести инвентаризацию имеющихся проектов и скорее запустить наиболее необходимые и эффективные.

Из представленного обзора тем, затрагивавшихся на мартовском совещании, можно сделать заключение, что государством делается немало для создания более благоприятных условий для повышения инвестиционной активности бизнеса по многим направлениям. Возникает вопрос, почему же эти меры пока не приносят должного результата. По нашему мнению, это происходит потому, что практикуется неправильный подход к отбору инвестиционных проектов. Стимулирование инвестиционной деятельности по существу пущено на самотек: выбираются

проекты из числа предлагаемых бизнесом без учета их вклада в решение главной для страны задачи — преобразования отраслевой структуры экономики из экспортно-сырьевой в индустриально-инновационную, способную обеспечить выход России на ускоренную траекторию развития.

Финансовую поддержку государства по-прежнему получают в основном традиционные сырьевые производства на освоенных месторождениях полезных ископаемых (нефтегазовый комплекс, металлургия, химические удобрения, лесозаготовка, выращивание зерновых), приносящие высокую экспортную выручку и стабильные доходы в государственный бюджет. Эту инерцию можно переломить только по инициативе государства целенаправленным развитием производств, перерабатывающих отечественное сырье в готовую продукцию и выпускающих соответствующее отечественное оборудование.

Напомним, что только благодаря поддержке государства удалось сохранить в нашей стране отечественное автомобилестроение, авиапром, судостроение, космонавтику, атомпром, обеспечить прогресс в агропромышленном комплексе, фармацевтике и некоторых других областях. Все достижения в импортозамещении обязаны государственному вниманию и помощи. В трудный 2020 год исключительно благодаря целенаправленной работе Минпромторга и Фонда прямых инвестиций удалось в короткие сроки наладить массовое производство защитных масок и перчаток, аппаратов искусственной вентиляции легких, лекарств и вакцины от коронавирусной инфекции. Этот ценный опыт может быть использован и для налаживания производства любой необходимой для развития нашей экономики продукции.

Очевидно, что без государственной помощи, при засилье на российском рынке сетевых производственных и сбытовых ТНК, частный бизнес не может освоить какое-либо серьезное производство. Для разработки и выпуска новой продукции государство обязано дать частникам соответствующие ориентиры. Предпринимательскому сообществу должны быть предложены те направления развития отечественного производства, в которых заинтересовано государство. Более того, оно обязано инициировать крупные проекты и предложить принять участие в их реализации частным инвесторам и производителям. Вот что сказал на мартовском совещании министр экономического развития М. Решетников: «Мне кажется, на сегодняшний момент у нас скорее дефицит не в инструментах, у нас дефицит в проектах. И нам нужно более активное взаимодействие с бизнесом, что называется, паковать эти проекты, используя все инструменты нашей поддержки, и максимально быстро запускать их в работу» [8].

У нас нет недостатка в выборе приоритетных отраслей и производств, способных преодолеть технологическое отставание от передовых стран, и задача сводится к определению последовательности их развития с учетом имеющихся лимитов средств и времени. Бизнесу самостоятельно трудно решить эту грандиозную

задачу. Невозможно себе представить, что предприниматели сами зададутся целью возродить станкостроение или наладить выпуск бытовой электроники. Для этого у них нет достаточных накоплений и научно-производственного потенциала для освоения современных видов продукции, способных конкурировать с импортными аналогами хотя бы на внутрироссийском рынке.

Непременным условием организации новых производств является гарантированный сбыт освоенной продукции, при отсутствии которого не возможен бизнес в рыночной экономике. Чрезмерная открытость миру российского рынка привела к его захвату мощными транснациональными корпорациями и иностранными сетевыми торговыми компаниями. В свободной конкуренции потеснить их отечественный бизнес не в состоянии, так как его аналогичная продукция на первых порах ее освоения не будет конкурентоспособной по соотношению цена-качество. Необходима политика разумного протекционизма с применением алгоритма постепенного сокращения импорта и его замещения отечественными изделиями, при этом не будут страдать российские потребители. Импортозамещение должно быть не только вынужденным в ответ на западные санкции, но и плановым, соответствующим стратегии структурного оздоровления нашей экономики. Для переориентации потребителей с импортной на отечественную продукцию полезно расширить практику преимущественного приобретения отечественных изделий авиационными перевозчиками, судоходными компаниями, строительными и сельскохозяйственными организациями, предприятиями, обновляющими свой станочный парк.

Обозначение стратегических целей социально-экономического развития крайне необходимо для качественного преобразования народного хозяйства и укрепления безопасности страны. Достичь этих целей невозможно без плановой деятельности государства, обеспечивающей решение намеченных задач в установленные сроки. С помощью одних только президентских указов это невозможно сделать, так как поставленные в них цели носят выборочный характер, продиктованы текущей конъюнктурой, основаны на использовании ограниченных бюджетных средств, сориентированы не на рост производства, а на решение преимущественно социальных задач, а главное – не имеют четкого механизма достижения этих целей.

Такой подход оставляет за рамками планового регулирования развития страны огромный массив денежных средств, сосредоточенных в Банке России и коммерческих банках, а также свободных ресурсов корпораций. Для реализации крупных национальных проектов необходимо не только наличие бюджетных средств для первоначальных ассигнований, но и мобилизация имеющихся производственных мощностей и привлечение дополнительных инвестиций, источники которых имеются в изобилии у компаний и банков, не знающих где и как их можно вложить в реальный сектор хотя бы с минимальной прибылью. Поэтому они пока предпочитают инвестировать свои свободные денежные

средства в приобретение облигаций и акций на фондовых биржах и в валютные спекуляции, приносящие неплохой доход. Юридические лица имеют на банковских депозитах огромную сумму в размере более 14 триллионов рублей (по состоянию на 2018 г.) [7. С. 8], которая могла бы быть использована для вложений в привлекательные для бизнеса деловые проекты в производственной сфере, которые, к сожалению, пока отсутствуют в президентских Указах.

Для решения масштабных и разнообразных задач хозяйственного строительства нужен комплексный подход и объединение всех имеющихся материальных, административных и научно-исследовательских ресурсов. Назрела необходимость введения целостной системы планирования, возглавляемой федеральным плановым органом, задачей которого станет разработка алгоритма плановой деятельности в условиях российской рыночной экономики. Помимо прежних работников Госплана, занимавшихся составлением межотраслевых балансов, в их число могли бы входить сотрудники отделов стратегического планирования разных российских ведомств и выпускники вузовских факультетов экономики, финансов, менеджмента. Для научного обоснования планов могут использоваться наработки Института народнохозяйственного прогнозирования и Института экономики Российской академии наук, как и разных факультетов многих вузов, занимающихся вопросами социально-экономического стратегирования и планирования на профессиональной основе. Специальные подразделения планирования должны быть созданы во всех федеральных и региональных министерствах и ведомствах, которые участвовали бы в общей работе по инвентаризации имеющегося производственного и инфраструктурного потенциала, разработке многовариантных планов и стратегий, мониторинге и корректировке их выполнения.

Понятно, что в рыночных условиях планирование может проводиться только по ограниченному списку приоритетных проектов, в то время как текущая хозяйственная деятельность будет идти своим чередом с использованием краткосрочных рыночных критериев.

Ключевой для рыночной экономики является проблема выполнения принимаемых планов. Для этого могут использоваться присущие индикативному планированию бюджетные, налоговые и денежно-кредитные рычаги. Но этого недостаточно для выполнения задач, требующих не мягкой корректировки эволюционных процессов, а создания новых направлений развития экономики, налаживания выпуска современных высокотехнологичных видов продукции. Нужны более действенные средства, которые в то же время не будут нарушать самостоятельность частного бизнеса и станут добровольно привлекать его к выполнению плановых задач.

В рыночных условиях основным средством выполнения государственных планов может стать государственно-частное партнерство (ГЧП). Инициируемые государством производственные и инфраструктурные проекты станут

привлекательными для частного бизнеса, если они будут включены в народнохозяйственные планы и иметь государственные гарантии достаточного финансирования, налаживания массового производства и обеспечения сбыта новой продукции прежде всего на обширном внутреннем рынке.

ГЧП широко распространено в мире и пока ограниченно используется в России. Но идея такого партнерства постепенно пробивает себе дорогу. Она фактически присутствует в принятом в 2014 г. Законе о промышленной политике, статья 16 которого посвящена «специальному инвестиционному контракту», заключаемому между частным инвестором, обязующимся создать новое производство, и государственным органом, стимулирующим эту деятельность. В нем оговариваются срок действия соглашения (до 10 лет), характеристики осваиваемой или модернизируемой продукции, перечень мероприятий по реализации контракта, объем инвестиций, меры государственного стимулирования. Условия контракта считаются настолько твердыми, что они не могут изменяться новыми законами, принимаемыми до истечения срока его действия [9].

Практически государственно-частное партнерство начинается с подписания общего соглашения об участии сторон в реализации конкретного производственного проекта. Затем заключаются контракты о его совместном финансировании на долевой основе. Опыт работы инвестиционных фондов, как отмечалось на мартовском совещании, показывает, что на один рубль их капиталовложений привлекается до пяти рублей частных инвестиций, а значит совместные вложения намного выгоднее обычного освоения бюджетных средств. Бизнес также заинтересован в долевом финансировании, являющемся гарантшей успешности общего проекта и льготного банковского кредитования.

Разработка и реализация совместных проектов в рамках ГЧП включает помимо долевого инвестирования проведение строительно-монтажных работ, налаживание выпуска новой продукции и ее реализацию с использованием государственных заказов, госзакупок, взаимообязывающих коммерческих контрактов о строительных работах и товарных поставках, заключаемых между частным бизнесом и государственными органами.

Работа плановых отделов федеральных и региональных министерств и ведомств, которые будут заниматься непрерывным сопровождением процесса выполнения запланированных задач по каждому проекту, должна начинаться с выявления заинтересованных бизнес-структур на местах, продолжаться в режиме согласования всех условий подготовительной и дальнейшей деятельности и заканчиваться пуском реального производства и обеспечением сбыта массовой продукции.

Помимо конкретных проектов социально-экономического развития народнохозяйственные планы должны содержать мероприятия общего характера, улучшающие ситуацию на микроуровне. Для повышения обеспеченности предприятий собственными инвестиционными ресурсами, которых явно не хватает для

текущего и тем более для расширенного воспроизведения, можно было бы единовременно пополнить их явно недостаточные амортизационные фонды средствами из целевой эмиссии Банка России путем выдачи желающим компаниям долгосрочных беспроцентных кредитов на приобретение современного оборудования с погашением их в течение 10 лет равными долями. Тем самым предприятия могли бы приобретать современное высокопроизводительное оборудование в долг аналогично ипотечному кредитованию населения.

Для повышения нормы инвестирования и инновационного обновления производства необходимо полностью освободить от корпоративного налога часть прибыли, используемой для капиталовложений в любых формах. Выбывающие бюджетные доходы смогут возмещаться за счет других налогов преимущественно на состоятельных граждан и увеличения общей налоговой базы в результате роста производства.

В заключение необходимо подчеркнуть, что достижение обобщенных и комплексных целей невозможно без их конкретизации на уровне реального производства. Только комплексная планово-управленческая деятельность государства с широким использованием государственно-частного партнерства сможет обеспечивать скординированное решение задач отраслевого, территориального и инновационно-технологического развития.

В отличие от бухгалтерского, экономический подход к планированию предполагает ориентацию на обязательный прирост богатства страны, позволяющий значительно увеличить траты на социальные нужды и повысить уровень жизни всего населения. А это невозможно без увеличения совокупного национального дохода и прежде всего той его части, которая создается производительным трудом в реальном секторе экономики и которая обеспечивает прирост доходов в обширном секторе услуг. Поэтому планирование должно концентрироваться прежде всего на развитии производств, создающих новый натуральный продукт, удовлетворяющий жизненные потребности людей и покрывающий растущие нужды отечественных производителей. Низкие темпы роста ВВП нашей страны объясняются преимущественно тем, что до сих пор не обозначены те приоритетные отрасли, в которых, помимо сырьевых, будет создаваться добавленная стоимость и продукция которых будет востребована прежде всего на внутреннем рынке и по возможности за рубежом.

Ускоренный рост приоритетных направлений в обрабатывающей промышленности, а также сельского хозяйства и производственной инфраструктуры позволит повысить доходность всей экономики, а значит – увеличить финансовые и технологические возможности для развития социальной сферы и повышения уровня жизни российских граждан.

Литература

1. Заседание Государственного совета Российской Федерации 23 декабря 2020 г. URL: kremlin.ru
2. Князев Ю.К. Исходные предпосылки социально-экономической стратегии «Россия-2030» // ЭТАП: Экономическая Теория, Анализ, Практика. 2020. № 2. С. 36–50.
3. О долгосрочной государственной экономической политике. Указ президента Российской Федерации № 596 от 7 мая 2012 г.
4. О национальных и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года. Указ президента Российской Федерации № 204 от 7 мая 2018 г.
5. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года. Указ президента Российской Федерации № 474 от 20 июля 2020 г.
6. Россия в цифрах // М.: Росстат. 2019.
7. Селезнев А. Специфика федерального бюджета на 2019–2021 гг. // Экономист. 2019. № 1. С. 8.
8. Совещание о мерах по стимулированию инвестиционной активности 11 марта 2021 г. URL: kremlin.ru
9. Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации». ФЗ № 488 – РФ от 31.12.2014 г.

Yuriy Knyazev (e-mail: kyuk151@rambler.ru)

Ph.D. in economics, professor, principal researcher,
Institute of Economics (RAS) (Moscow, Russia)

ON THE INCENTIVES INTENSIFYING BUSINESS INVESTMENTS

The paper considers the ways of stimulating businesses to increase capital investments into new economic projects. The most important of the ways are: assistance in the development of infrastructure facilities; trivializing administrative requirements for investment projects; ensuring privileged forms of project financing; encouraging the use of entrepreneurs' own resources.

Government measures facilitating business investment are positively assessed by the author; he also emphasizes their low effectiveness and proposes to supplement them with prioritization of domestic industries producing on the plan basis; the broad use of state-private partnership is supposed to be an important means of plan fulfillment in the context of market economy with prevailing private owners.

Keywords: investment activity of business, directions of activity improvement, stimulation of investment projects, domestic production development, planning enhancement, state-private partnership.

DOI: [10.31857/S020736760015389-6](https://doi.org/10.31857/S020736760015389-6)

© 2021

Павел Кохно

доктор экономических наук, профессор,
директор Института нечётких систем (г. Москва, Россия)
(e-mail: pavelkohno@mail.ru)

Алина Кохно

кандидат экономических наук,
начальник лаборатории Института нечётких систем (г. Москва, Россия)
(e-mail: pavelkohno@mail.ru)

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ АССИГНОВАНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОГРАММЫ ТРЕБУЮТ ИНТЕГРАЛЬНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ

В статье исследуется зависимость темпов хозяйственного прогресса от экономических возможностей государства. Предложена методика системной увязки государственных расходов на национальные программы (программы). Данная методика базируется на управленииском подходе к оценке эффективности использования бюджетных средств и применяется на этапе планирования, а также реализации программы. Ключевой принцип функционирования рассмотренной методики состоит в том, что существует устойчивая связь между степенью внутрипрограммной и межпрограммной увязки мероприятий и эффективностью расходуемых на программы мероприятия финансовых ресурсов. Благодаря разработанной методике государственный заказчик получает действенный инструмент для оценки степени координации мероприятий программы с мероприятиями других смежных программ.

Ключевые слова: экономика государства, национальные программы, высокопроизводительное производство, темпы роста, финансово-экономические показатели, пропорции расходов, оценка увязки по ресурсам, эффективность бюджетных средств.

DOI: 10.31857/S020736760015390-8

Начиная с 400-х годов до рождения Христова, научная мысль философов древнего мира (Платон¹, Аристотель², Цицерон³) обратилась к систематизации видов государственного устройства и формированию возможных вариантов его финансового обеспечения. Классики Нового времени в XVI-XVII вв. дополнили труды античных авторов, изложив теорию государственного управления в современных понятиях, с примерами стратегий и тактик правителей из современного им мира (Макиавелли⁴, Боден⁵, Гоббс⁶, Монтескье⁷ и др.). Однако классики политологии не отразили вопрос оптимизации государственных затрат на обеспечение поступательного развития экономик государств. Для европейских же авторов более позднего времени вопросы капиталистических отношений, буржуазных

¹ Платон. Государство // М.: Издательство АСТ. 2019.

² Аристотель. Политика // М.: Азбука. 2015.

³ Марк Туллий Цицерон. О государстве. О законах // М.: Академический проект. 2016.

⁴ Никколо Макиавелли. Государь // М.: Азбука. 2018.

⁵ Жан Боден. Шесть книг о государстве // М.: Мысль. 1999.

⁶ Томас Гоббс. Левиафан или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // М.: Рипол-Классик. 2017.

⁷ Шарль Луи де Монтескье. О духе законов // М.: Рипол-Классик. 2018.

революций и классовой борьбы затмили этот «периферийный» вопрос. Тем не менее, гармония государственного управления экономикой и оптимизация денежных средств на её поддержание на должном уровне не осталась в стороне от исследований средневековых учёных.

Об этом говорит, в частности, теория золотого сечения (золотые пропорции), которая утверждает, что для больших количеств малоистинных знаний, когда энтропия их истинности равна $0,38$ (т.е. где большая доля хаоса), нет смысла создавать сложные оптимизационные алгоритмы, а следует использовать пропорции Фибоначчи⁸. Точка энтропии истинности $0,38$ – это есть точка минимально структурированного знания. Знание с этой точки отсчета начинает уменьшать энтропию и увеличивать истинность.

Поэтому курсор линейки золотого сечения гармонии государственного управления (государственного вмешательства в экономику⁹) движется, как правило, между следующими теориями:

Дирижизм (фр. diriger – управлять) – политика активного вмешательства в управление экономикой со стороны государства в середине сороковых годов XX в. во Франции. Принципам дирижизма противоположен принцип невмешательства (*laissez-faire*, с фр. – позвольте-делать) – это есть принцип экономического либерализма и минимизации государственного регулирования.

Либерализм (от лат. *liberalis* – свободный) – это провозглашение прав и свобод каждого человека высшей ценностью и правовой основой общественного и экономического порядка. В настоящее время в России в сознании масс понятие «либерал» твёрдо ассоциируется с понятием «компрадор», «западник», «предатель интересов России». Адепты противодействия государственному вмешательству в экономике, либертарианцы, исповедуют стратегию «Государство – ночной сторож».

Этатизм (от франц. *État* – государство) – направление общественной мысли, абсолютизирующее роль государства в обществе и предполагающее широкое и активное государственное вмешательство в экономическую и социальную жизнь общества.

Солидаризм (от фр. *solidaire* – действующий заодно) – буржуазная политическая концепция, выдвинутая в противовес концепции К. Маркса о борьбе классов, ведущей к революции и ниспровержению капиталистического строя, и проповедующая необходимость солидарности и стремления к компромиссу, социальному сотрудничеству и духовному доверию среди различных слоёв общества, объединённых в группы интересов.

⁸ Иванус А.И., Кохно П.А. Золотые пропорции предприятий оборонно-промышленного комплекса // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2014. № 2. С. 11–19.

⁹ Подробно см.: Звягин, А.А. Золотые пропорции государственно-рыночных соотношений в монографии: «Империя нового социализма» Параграф 6.4. / авторы Кохно П.А., Кохно А.П. // Москва: Издательский дом «Граница». 2021. С. 211–216. 306 с.; Кохно П.А., Костин А.Л. Союзное государство. Книга 7. Интеграция по золотому сечению // Москва: «Гелиос АРВ». 2006. 656 с.

Корпоративизм – буржуазная политическая теория, построенная на основе солидаризма и этатизма, направленная против любых либеральных и демократических идеологий, отстаивающая постулат о том, что элементарными ячейками общества являются не отдельные лица, а только объединённые в корпорации определённые социальные группы активных граждан. В данном обществе государство имеет главенствующее положение во всех проявлениях жизнедеятельности, а стабильность (стабилизация) достигается за счёт солидаризации этих корпоративных объединений.

Стабилизация: небольшой (2%–3% годовых), но увереный экономический рост. Парламент фактически является назначенным, не члены корпораций в парламент не допускаются, его функции – юридическое оформление законов. Вместо идеологии, любое проявление которой запрещено в корпоративном государстве, населению предлагается институт традиционной религии (где церковь также рассматривается как корпорация) и патриотизм без идеологической окраски.

В конце XIX века немецкий ученый А. Вагнер обосновал неотвратимость опережающего роста государственных расходов сравнительно с увеличением национального продукта. Закон Вагнера аргументировался неизбежным увеличением финансовых затрат властей на все более усложняющееся государственное управление, здравоохранение и образование, стимулирование научно-технического прогресса, старением населения и, соответственно, расширением расходов социальной направленности, ростом государственного долга и необходимостью его адекватного обслуживания. И надо признать, что в небольшой степени его прогностическая гипотеза, состоящая в том, что эластичность государственных расходов по ВВП (национальному доходу) в долгосрочном периоде станет выше единицы, в дальнейшем подтвердилась.

Постоянное нарастание социальной напряжённости в странах с рыночной экономикой, потребность во всемерной поддержке прогрессивных структурных сдвигов в части опережающего роста наукоемких отраслей порождали все новые функции государства, реализация которых требовала дополнительных финансовых затрат. В статье¹⁰ справедливо сказано: «Правительство способно управлять ростом, а расходы бюджета обладают выраженным эффектом для экономического роста». Не случайно власти многих относительно бедных стран с догоняющим типом развития и по сей день продолжают активно использовать закон Вагнера, наращивая долю ВВП, перераспределяемого через бюджетную систему. Но, признавая неизбежность относительного наращивания государственных расходов по мере прогресса смешанной экономики, роста уровня жизни населения, ученым приходилось осознавать и неотвратимость наступления некоего предела их дальнейшего расширения и, соответственно, вытеснения частного сектора государственным.

¹⁰ Скрыпник Д.В. Бюджетные правила, эффективность правительства и экономический рост // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2. С. 25.

Зависимость темпов хозяйственного прогресса от масштабов государства (она получила в литературе название кривой Арми–Рана) имеет вид параболической функции с присущей ей точкой оптимума. Если закон Вагнера характеризует прямую связь между динамикой национального продукта и уровнем правительственные затрат, то кривая, обоснованная Р. Арми и Р. Раном, выражает обратную зависимость темпов экономического роста ($\Delta Q/Q$) от доли государственных расходов в ВВП ($\Delta G/\Delta Q$). Причем связь эта выглядит весьма противоречиво:

- в нормальной зоне (от нуля до точки С) бюджетная экспансия государства, проводимая на этапе выхода национальной экономики из состояния спада, сопровождается неуклонным, хотя и неуклонно замедляющимся в диапазоне от Q1 к Q2 ростом ВВП – в связи с позитивным результатом расширяющихся правительственные вложений в образование, здравоохранение, культуру и другие сферы формирования человеческого капитала, а также в результате положительных последствий запуска в обстановке неполной занятости эффекта мультипликатора государственных расходов;
- но после точки С (обоснованной Д. Скалли) и вхождения уровня государственных расходов ($\Delta G/\Delta Q$) в запретную зону в результате избыточного расширения государственного сектора наступает радикальный перелом в динамике национального продукта. При запредельном раздувании масштаба государства темпы расширения последнего ($\Delta Q/Q$) начинают отчетливо затухать: вначале (между Q2 и Q1) довольно плавно, а затем после прохождения точки В все более стремительно.

Как видим, влияние производительных расходов государства на экономический рост заведомо не выглядит однокаправленным: до определенного предела увеличение таких расходов ускоряет рост, а после достижения этого предела начинает его замедлять. Подобное замедление, по нашему мнению, обусловлено следующими двумя комплексами причин.

Первый комплекс обусловлен неуклонным нарастанием налоговой нагрузки на национальную экономику, требующуюся для расширения государственных социальных и инвестиционных программ, и ее усиливающимся негативным влиянием на хозяйственную динамику.

Вторая комбинация причин связана с неуклонно нарастающей, по мере расширения государственной активности, угрозой увеличения структурного бюджетного дефицита, а значит, появления того или иного сочетания наращивания государственного долга и ускорения инфляционных процессов в стране.

Несомненный ущерб для экономического роста может в этом случае вызвать и резкое удорожание обслуживания накопившейся внешней задолженности в результате ослабления национальной валюты, что неизбежно отразится на недофинансировании правительственные программы, обеспечивающих экономическое развитие. В тот момент, когда в экономике страны достигается

критическое значение показателя $\Delta G/\Delta Q$, понимание фискальными властями указанных выше многочисленных факторов должно приводить их к осознанному выбору в пользу сокращения государственных расходов, которое в данной ситуации выглядит вполне обоснованным в плане противодействия реальной угрозе дальнейшего торможения хозяйственной динамики.

Наилучшая пропорция между расходами правительства и ВВП и, соответственно, предельный уровень этих расходов, конечно же, не могут быть идентичными для всех стран, а также различных этапов их хозяйственного развития. К тому же даже при сходном состоянии экономической конъюнктуры в различных странах точка Скалли имеет самые различные количественные очертания, а кривая Арми–Рана может стать «худенькой», «толстенькой», «присевшей» и «привставшей». Тогда как в странах с либеральной экономикой даже небольшое повышение $\Delta G/\Delta Q$ способно превысить некий «лимит терпимости» общества, чем мгновенно «убивает» восходящую динамику ВВП, в странах с социально ориентированной экономикой даже существенное завышение этого индикатора вполне может сопровождаться дальнейшим ускорением хозяйственного развития. Поэтому необходима методика системной увязки государственных расходов на национальные проекты (программы).

Рассмотрим эти проблемы на примере оборонно-промышленного комплекса. Предлагаемая ниже методика базируется на управлеченческом подходе к оценке эффективности использования бюджетных средств и применяется на этапе планирования, а также реализации программы. Одними из важнейших принципов организации управления национальными проектами (Программами – НП) являются обеспечение сбалансированности объемов финансирования мероприятий данной Программы, а также обеспечение целевого и эффективного использования финансовых ресурсов, выделяемых на реализацию Программы. Главным методом разработки национального проекта является научно-обоснованный метод программно-целевого планирования (далее – ПЦП) развития высокотехнологичного промышленного комплекса, в первую очередь, оборонно-промышленного комплекса.

На современном этапе использование метода ПЦП для разработки НП имеет следующую особенность – вместо использовавшегося ранее принципа «от задач к финансам» реализуется подход «от выделяемых ресурсов к множеству возможных альтернативных (всех возможных) вариантов решаемых задач с оценкой их реализуемости, эффективности обеспечения производства приоритетных образцов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ), последствий и влияния на состояние и перспективы развития ОПК, включая его экспортный потенциал».

Основной целью разработки НП является создание сбалансированного по срокам, ресурсам и возможностям промышленности плана разработок

и создания производственных мощностей для технического оснащения Вооруженных Сил и других войск РФ приоритетными образцами ВВСТ.

От степени увязки всех требуемых документов и программ в значительной степени зависит эффективность реализации программных мероприятий. Актуальность и новизна данного подхода к оценке эффективности Программы заключается в том, что механизм учета положений, требований указанных документов в части системной увязки мероприятий НП по целям, задачам, направлениям развития, государственным заказчикам, ресурсам и срокам, а также по обеспечению координации мероприятий проекта НП с мероприятиями государственных программ в настоящее время отсутствует.

При разработке управленческого подхода потребовалось решить задачи алгоритмизации и формализации следующих процедур: анализа соответствия проекта положениям концептуальных документов, системной увязки мероприятий проекта по целям, задачам, направлениям развития, государственным заказчикам, ресурсам и срокам; координации мероприятий НП с мероприятиями других программ, затрагивающих сферу военно-технического обеспечения обороноспособности и безопасности Российской Федерации.

Основными информационными источниками для разработки и реализации управленческого подхода являются: концептуальные и программные документы в области военно-технического и промышленного обеспечения безопасности Российской Федерации; полномочия федеральных органов исполнительной власти, Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации при формировании и оценке качества проекта; данные отечественных и зарубежных источников, позволяющие провести анализ действующих методологических подходов по оценке государственных программ в части увязки их мероприятий по целям, задачам, направлениям развития, заказчикам, ресурсам и срокам, а также координации их мероприятий с мероприятиями других программ.

Одним из важнейших направлений системной увязки мероприятий проекта является оценка увязки по ресурсам. Управленческий подход к оценке эффективности использования бюджетных средств реализуется на уровне Государственного заказчика и заключается в формализованном представлении требуемых и расчетных показателей степени системной увязки мероприятий Программы с точки зрения возможности реализации мероприятий в установленные сроки и в рамках имеющегося ресурсного обеспечения, а также с точки зрения влияния возможных отклонений финансовых показателей Программы на ее эффективность.

Предлагаемый основной подход заключается в формализованном представлении требуемых и расчетных показателей оценки степени системной увязки мероприятий Программы и планируемых затрат с точки зрения возможности реализации мероприятий в установленные сроки, а также их увязки

с задачами Программы ($ЗП_i$), и индикаторами по основным мероприятиям Программы ($ИП_i$). При этом показатель оценки степени системной увязки мероприятий Программы и планируемых затрат предлагается определять по величине количественного показателя K , соответствующего отношению достигаемого целевого показателя ($ДЦП_{сум}$) к величине заданного целевого показателя ($ЗЦП_{сум}$):

$$K_{сум} = \frac{ДЦП}{ЗЦП_{сум}}$$

Достигаемый целевой показатель рассчитывается как общая стоимость мероприятий Программы (или i -й группы мероприятий Программы), которые:

- 1) относятся к множеству мероприятий, зависимых друг от друга по задаче (при оценке степени увязки по задачам $ЗП_i$);
- 2) являются увязанными между собой по ресурсам, срокам их выполнения и индикаторами по основным мероприятиям Программы.

Заданный целевой показатель представляет собой общую стоимость мероприятий Программы (или i -й группы мероприятий Программы), которые удовлетворяют только требованию 1), т.е. относятся к множеству мероприятий, зависимых друг от друга по задаче. В качестве правила (табл. 1) предлагается считать:

Таблица 1
Оценка степени увязки мероприятий Программы и планируемых затрат

Качественная оценка степени увязки мероприятий Программы и планируемых затрат	Количественные показатели $K_{сум}$
не достигается	0,0 – 0,2
достигается в незначительной степени	0,2 – 0,5
достигается частично	0,5 – 0,8
в основном достигается	0,8 – 1,0
достигается	1,0

– системная увязка мероприятий Программы и планируемых затрат «*достигается*», если нет мероприятий Программы, зависимых друг от друга, но не увязанных по ресурсам, по срокам их выполнения и индикаторам по основным мероприятиям Программы;

– системная увязка мероприятий Программы и планируемых затрат «*в основном достигается*», если доля мероприятий, зависимых друг от друга, но не увязанных по ресурсам, срокам их выполнения и индикаторам не превышает 0,2;

- системная увязка мероприятий Программы и планируемых затрат «*до-стигается частично*», если доля мероприятий, зависимых друг от друга, но не увязанных по ресурсам, срокам их выполнения и индикаторам от 0,2 до 0,5;
- системная увязка мероприятий Программы и планируемых затрат «*до-стигается в незначительной степени*», если доля мероприятий, зависимых друг от друга, но не увязанных по ресурсам, срокам их выполнения и индикаторам от 0,5 до 0,8;
- системная увязка мероприятий Программы и планируемых затрат «*не до-стигается*», если доля мероприятий Программы, зависимых друг от друга, но не увязанных по ресурсам, срокам их выполнения и индикаторам от 0,8 до 1.

В целях получения количественной оценки степени системной увязки мероприятий Программы и планируемых затрат предлагается следующий порядок действий:

1. На основании анализа Программы выбрать задачи ($ЗП_i$, $i = 1, 2, 3$), для которых могут быть сформированы множества мероприятий, зависимых друг от друга по ресурсам, по срокам их выполнения и индикаторам. Для отработки оценки системной увязки мероприятий Программы выбраны:

а) следующие задачи $ЗП_i$:

ЗП1. Создание производственных мощностей для обеспечения реализации ГПВ по производству приоритетных образцов ВВСТ и комплексного плана ВТС.

ЗП2. Развитие промышленных базовых и критических технологий, необходимых для реализации ГПВ по производству приоритетных образцов ВВСТ и комплексного плана военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами.

ЗП3. Совершенствование организационно-технологической структуры и институциональной структуры ОПК, государственного регулирования и контроля деятельности ОПК.

б) следующие группы мероприятий Программы:

ГМ1. Группа мероприятий, предусматривающих техническое перевооружение в обеспечение развития промышленных базовых и критических технологий, реконструкцию действующих и создание новых производств для обеспечения производства приоритетных образцов, предусмотренных ГПВ, включая создание мобилизационных мощностей для производства новых видов ВВСТ, а также создание отечественных экономически обоснованных импортозамещающих производств.

ГМ2. Группа мероприятий, предусматривающих создание опережающего научно-технологического задела в интересах обороны и безопасности страны и форсирование развития инновационного потенциала ОПК.

ГМ3. Группа мероприятий по завершению институциональных преобразований ОПК.

ГМ4. Группа мероприятий по развитию кадрового и интеллектуального потенциала ОПК в интересах создания и производства приоритетных образцов ВВСТ.

ГМ5. Группа мероприятий по развитию системы управления деятельностью ОПК.

ГМ6. Группа мероприятий по развитию военно-технического сотрудничества и решению проблем импортозамещения.

ГМ7. Группа мероприятий по повышению качества продукции военного назначения.

ГМ8. Группа мероприятий по совершенствованию информационного обеспечения деятельности ОПК.

в) следующие индикаторы:

ИП1. Уровень производственно-технологической готовности организаций отраслей ОПК для обеспечения производства приоритетных образцов ВВСТ в соответствии с заданиями ГПВ.

ИП2. Доля реализованных промышленных критических и базовых технологий для обеспечения производства конкурентоспособной продукции военного назначения.

ИП3. Доля активной части обновленных и новых основных производственных фондов интегрированных структур ОПК.

ИП4. Доля промышленной продукции, произведенной организациями, входящими в состав интегрированных структур, в общем объеме продукции, произведенной организациями ОПК.

ИП5. Доля организаций ОПК, имеющих сертификат на систему менеджмента качества, признаваемый на внешнем рынке.

ИП6. Прирост экспорта продукции военного назначения.

2. Уяснить содержание задач Программы. Для каждой задачи (ЗП_i) сформировать выборку мероприятий. Для выборки, соответствующей конкретной задаче, определить количество (N) и общую стоимость мероприятий ($C\Sigma$).

3. Уяснить содержание мероприятий Программы. Для каждой выборки определить:

а) стоимость мероприятий Программы, зависимых друг от друга, но не связанных по ресурсам – СЗП_i(Ресj);

б) стоимость мероприятий Программы, зависимых друг от друга, но не связанных по срокам – СЗП_i(Ср1j):

в части готовности новых критических базовых и промышленных технологий;

в части готовности базы производственных мощностей;

в части готовности учебно-материальной базы;

в части готовности мощностей технического обслуживания и ремонта;

в) стоимость мероприятий, зависимых друг от друга, но не обеспечивающих достижение установленных индикаторов и показателей СЗП_i (Си1j).

4) По каждой задаче рассчитать критерии, которыми являются количественные показатели системной увязки мероприятий Программы и планируемых затрат.

$$K_{3Пk(i)} = 1 - \frac{\sum_{j=1}^n (C_{3Пk(i)Pecj} + C_{3Пk(i)Cpj} + C_{3Пk(i)Иnj})}{\sum_{j=1}^n (C_{3Пk(i)j})}, \text{ где:}$$

$K_{3Пk(i)}$ – критерий (количественный показатель) увязки мероприятий Программы по ресурсам, срокам для задачи $3П_k$;

$i = 1, I$ – порядковый номер группы мероприятий Программы;

$j = 1, n$ – порядковый номер мероприятия в соответствующей группе мероприятий Программы;

$k = 1, K$ – порядковый номер задачи Программы;

$C_{3Пk(i)Pecj}$ – стоимость мероприятий, не увязанных по ресурсам;

$C_{3Пk(i)Cpj}$ – стоимость мероприятий, не увязанных по срокам;

$C_{3Пk(i)Иnj}$ – стоимость мероприятий, не увязанных по индикаторам.

Расчет критерия с использованием показателей стоимости $C_{3Пk(i)j}$ исключает необходимость применения весовых коэффициентов относительно важности программных мероприятий, как это потребовалось бы с использованием показателей количества мероприятий $N_{3Пk(i)j}$. Если на одно мероприятие приходится две и более неувязок (по индикаторам, по ресурсам, по срокам), в расчете одного критерия следует использовать одну величину стоимости. Примерная форма выходного документа «Количественная оценка системной увязки мероприятий Программы и планируемых затрат» приведена в табл. 2.

Таблица 2
Количественная оценка системной увязки мероприятий Программы и планируемых затрат

Идентификатор	Содержание задачи Программы	Оценки увязки мероприятий и планируемых затрат по группам мероприятий Программы			
		ГМ1	ГМ2	ГМ3	ГМ4
ЗП1	Создание производственных мощностей для обеспечения реализации ГПВ по производству приоритетных образцов ВВСТ	0,95	0,85	0,75	–
		в основном достигается	в основном достигается	частично достигает-ся	не оценивается
ЗП2	Создание производственных мощностей для обеспечения реализации комплексного плана ВТС	1,0	0,85	0,75	0,88
		достигается	в основном достигается	частично достигает-ся	в основном достигается

ЗП3	Развитие промышленных базовых технологий, необходимых для реализации ГПВ по производству приоритетных образцов ВВСТ и комплексного плана военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами	0,95	0,75	0,68	0,72
		в основ-ном дости-гается	частично до-стигает ся	частично до-стигает ся	частично до-стигает ся
ЗП4	Развитие промышленных критических технологий, необходимых для реализации ГПВ по производству приоритетных образцов ВВСТ и комплексного плана военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами	—	—	—	0,98
		не оцени-вается	не оцени-вается	не оцени-вается	в основ-ном до-стигает ся
ЗП5	Совершенствование организационно-технологической структуры ОПК	—	—	—	0,99
		не оцени-вается	не оцени-вается	не оцени-вается	в основ-ном до-стигает ся
ЗП6	Совершенствование институциональной структуры ОПК, государственного регулирования и контроля деятельности ОПК	1,0	—	0,77	0,83
		до-стигает ся	не оцени-вается	частично до-стигает ся	в основ-ном до-стигает ся

Проводя экспертизу затрат по Программе, государственный Заказчик должен также иметь инструмент для оценки степени координации мероприятий Программы с мероприятиями других смежных программ, чтобы исключить излишние затраты,ываемые в аналогичных мероприятиях других программ. Основной подход заключается в формализованном представлении требуемых и расчетных показателей оценки степени координации мероприятий Программы с мероприятиями $MPl(l)$ смежных программ. При этом показатель оценки степени координации предлагается определять по величине количественного показателя $K_{КМП}$, соответствующего отношению достигаемого целевого показателя ($ДЦП_{КМП}$) к величине заданного целевого показателя ($ЗЦП_{КМП}$), как показано в табл. 3.

$$K_{\text{кмп}} = \frac{ДЦП_{\text{кмп}}}{ЗЦП_{\text{кмп}}}$$

Таблица 3

Показатели оценки координации мероприятий Программы и других смежных программ

Качественная оценка координации мероприятий Программы и других смежных программ	Количественный показатель
не скоординированы	0
скоординированы незначительно	0,2
скоординированы частично	0,5
в основном скоординированы	0,8
скоординированы	1

Достигаемый целевой показатель рассчитывается как общее количество или общая стоимость мероприятий Программы (или i-й группы программных мероприятий), которые удовлетворяют следующим требованиям:

1) относятся к множеству мероприятий Программы, координируемых с мероприятиями исследуемой k-той целевой программы;

2) являются увязанными по заказчикам, по ресурсам и по срокам их выполнения.

Заданный целевой показатель представляет собой общее количество или общую стоимость мероприятий Программы (или i-й группы программных мероприятий), которые удовлетворяют только требованию 1), т.е. относятся к множеству мероприятий, координируемых с мероприятиями k-той целевой программы.

В качестве правила предлагается считать:

- мероприятия Программы «скоординированы» с мероприятиями k-той целевой программы, если нет мероприятий Программы, подлежащих увязке с мероприятиями другой целевой программы, и не увязанных по заказчикам, по ресурсам или по срокам их выполнения;

- мероприятия Программы «в основном скоординированы», если доля мероприятий Программы, зависимых от k-той целевой программы, но не увязанных по заказчикам, по ресурсам и по срокам их выполнения не превышает 0,2;

- мероприятия Программы «скоординированы частично», если доля мероприятий Программы, зависимых от k-той целевой программы, но не увязанных по заказчикам, по ресурсам и по срокам их выполнения от 0,2 до 0,5;

- мероприятия Программы «скоординированы в незначительной степени», если доля мероприятий, зависимых от k-той целевой программы, но не увязанных по заказчикам, по ресурсам и по срокам их выполнения от 0,5 до 0,8;

- мероприятия Программы «не скоординированы», если доля мероприятий Программы, зависимых от k-той целевой программы, но не увязанных по заказчикам, по ресурсам и по срокам их выполнения от 0,8 до 1.

В целях определения и получения количественной оценки степени координации мероприятий проекта Программы с мероприятиями других целевых программ предлагается следующий порядок действий:

1. На основании анализа целевой программы выбрать мероприятия $MPk(l)$, для которых могут быть сформированы множества мероприятий Программы, подлежащих координации по заказчикам, ресурсам и срокам выполнения.

2. Уяснить содержание мероприятий. Для каждого мероприятия $MPk(l)$ сформировать выборку мероприятий Программы из групп мероприятий. Для выборки, соответствующей конкретной задаче, определить количество N и общую стоимость мероприятий C_{Σ} .

3. Уяснить содержание мероприятий Программы. Для каждой выборки определить: количество и стоимость мероприятий Программы, зависимых от мероприятия $MPk(l)$, но не увязанных по заказчикам; количество и стоимость мероприятий Программы, зависимых от мероприятия $MPk(l)$, но не увязанных по ресурсам (в части дублирования друг друга); количество и стоимость мероприятий Программы, зависимых от мероприятия $MPk(l)$, но не увязанных по срокам.

4. По подразделам Программы по формуле рассчитать критерии, которыми являются количественные показатели координации мероприятий проекта Программы с мероприятиями других целевых программ.

$$K_{Mpk(i)} = 1 - \frac{\sum_{j=1}^n (C_{Mpkli(3akj)} + C_{Mpkli(Pecj)} + C_{Mpkli(Cpj)})}{\sum_{j=1}^n (C_{Mpkli(j)})}, \text{ где:}$$

$K_{Mpk(i)}$ — критерий (количественный показатель) координации мероприятий i -й группы мероприятий Программы с l -м мероприятием k -й программы по заказчикам, ресурсам и срокам;

$i = 1, I$ — порядковый номер группы мероприятий Программы;

$j = 1, n$ — порядковый номер мероприятия в группе мероприятий Программы;

$k = 1, K$ — порядковый номер смежной целевой программы;

$l = 1, L$ — порядковый номер мероприятия, с которым координируются мероприятия Программы;

$C_{Mpkli(3akj)}$ — стоимость мероприятий, не увязанных по заказчикам;

$C_{Mpkli(Pecj)}$ — стоимость мероприятий, не увязанных по ресурсам;

$C_{Mpkli(Cpj)}$ — стоимость мероприятий, не увязанных по срокам.

5. Рассчитать обобщенный критерий координации мероприятий Программы с мероприятиями других смежных программ:

$$K_{MP} = 1 - \frac{\sum_{k=1}^K (K_{MPk})}{K}, \text{ где:}$$

k – порядковый номер мероприятий целевых программ по выбранному перечню для оценки;

K – общее количество мероприятий.

Расчет критерия с использованием показателей стоимости $C_{MPk(j)}$ исключает необходимость применения весовых коэффициентов относительно важности программных мероприятий, как это потребовалось бы с использованием показателей количества мероприятий $N_{MPk(j)}$. Если на одно мероприятие Программы приходится две и более неувязок (по заказчику, по ресурсам, по срокам), в расчете одного критерия следует использовать одну величину стоимости.

Примерная форма выходного документа «Количественная оценка координации мероприятий Программы с мероприятиями, например, Программы «Национальная технологическая база», приведена в табл. 4.

Таблица 4

**Количественная оценка координации мероприятий исследуемой Программы с мероприятиями
Программы «Национальная технологическая база»**

Идентификатор	Содержание мероприятий целевых программ	Оценки координации мероприятий по группе мероприятий			
		ГМ1	ГМ2	ГМ3	ГМ4
МП1(1)	Создание производственных мощностей для обеспечения реализации ГПВ по производству приоритетных образцов ВВСТ и комплексного плана ВТС	–	0,95	–	–
		не оценивается	в основном скординированы	не оценивается	не оценивается
МП1(2)	Развитие промышленных базовых и критических технологий, необходимых для реализации ГПВ по производству приоритетных образцов ВВСТ и комплексного плана военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами	–	1,0	–	–
		не оценивается	скоординированы	не оценивается	не оценивается
...
МП1(N)	Реконструкция и техническое перевооружение лабораторно-испытательной базы	–	–	0,65	0,84

Следовательно, в дополнение и развитие традиционного подхода к оценке эффективности Программы и денежных средств на ее реализацию разработан порядок разработан порядок проведения нового вида экспертных работ: экспертиза, анализ и оценка степени увязки затрат (по целям, задачам Программы, времени, источникам, получателям и мероприятиям Программы). Данная новация обусловлена необходимостью реализации одного из важнейших принципов организации управления Программой: обеспечение сбалансированности объемов финансирования мероприятий, а также согласованного (в рамках Программы и с другими программами) целевого и эффективного использования финансовых ресурсов, выделяемых на реализацию Программы.

Предлагаемый в статье основной подход заключается в формализованном представлении требуемых и расчетных показателей оценки степени системной увязки мероприятий Программы и планируемых затрат с точки зрения возможности реализации мероприятий в установленные сроки, а также их увязки с задачами Программы, и индикаторами по основным мероприятиям Программы. Ключевой принцип функционирования рассмотренного подхода состоит в том, что существует устойчивая связь между степенью внутрипрограммной и межпрограммной увязки мероприятий и эффективностью расходуемых на программные мероприятия денежных средств.

При этом показатель оценки степени системной увязки мероприятий Программы и планируемых затрат предлагается определять по величине специально рассчитываемого количественного показателя, соответствующего отношению достигаемого целевого показателя к его заданной величине. Достигаемый целевой показатель рассчитывается как общая стоимость мероприятий Программы, которые относятся к множеству мероприятий, зависимых друг от друга по задаче (при оценке степени увязки по задачам), а также являются увязанными между собой по ресурсам, срокам их выполнения и индикаторами по основным мероприятиям Программы.

Благодаря разработанному данному подходу государственный заказчик и эксперты получают действенный инструмент для оценки степени координации мероприятий Программы с мероприятиями других смежных программ, обеспечивающий своевременное и упреждающее выявление нецелесообразных затрат, уже понесенных (запланированных) в аналогичных мероприятиях других программ.

Важно отметить, что согласно результатам моделирования, приведенного в статье¹¹, увеличение государственных расходов на национальную экономику на 1% ВВП при сохранении общей суммы этих расходов на неизменном уровне приводит к росту российского ВВП на 1,1 п.п., а аналогичных расходов на образование – на 0,8 п.п., в то время как сходный прирост расходов на национальную оборону и социальную политику порождает сокращение национального продукта на 2,1 и 0,7 п.п. соответственно.

¹¹ Балаев А. Влияние структуры бюджетных расходов на экономический рост в России // Экономическая политика. 2018. Т. 13. № 6. С. 8–35.

В случае превалирования производительных расходов над непроизводительными даже заметный циклический бюджетный дефицит, связанный с проведением кейнсианской бюджетной экспансии, становится не только мощным антикризисным фактором, но и надежным способом восстановления долгосрочной сбалансированности бюджетной системы страны.

Заметно улучшает показатель $\Delta Q/Q$ использование государственных средств (например, в форме субсидий) на поддержку не добывающих, а обрабатывающих отраслей отечественной экономики, создающих продукцию с высокой долей добавленной стоимости. Будучи намного менее капиталоемкими и характеризуясь относительно непродолжительным сроком окупаемости капитальных вложений, эти отрасли имеют к тому же сильную межотраслевую сцепку, поощряя ускоренное развитие все более удаленных от них в производственно-технологических цепочках смежных промежуточных отраслей.

Таким образом, выше предложена интегральная оптимизация государственных ассигнований на национальные программы. Однако, как показывает практика, в современных условиях для повышения конкурентоспособности своей продукции на внутреннем и мировых рынках высокотехнологичные промышленные предприятия должны обладать таким объемом денежных средств, который позволяет не только осуществлять модернизацию производства с целью разработки и изготовления обновленной конкурентоспособной продукции, но и формировать спрос у покупателей данной продукции.

А это возможно осуществить в определённой степени при помощи учёта потребительских предпочтений покупателей данной продукции высокотехнологичными компаниями, то есть клиентского капитала. На сегодняшний день для оценки клиентского капитала существует несколько метрик. Наиболее широко используемыми в практике управления клиентским капиталом являются метрики RFM, SOW (доля в покупках), PCV (ценность клиента за прошлые периоды времени) и, наиболее продвинутая, CLV (пожизненная ценность клиента).

Для расчета величины пожизненной ценности клиента нужно определить чистый денежный поток, который фирма ожидает получить от него за все время сотрудничества, а затем привести эту сумму к текущему времени, осуществив операцию дисконтирования. Есть целый ряд метрик, построенных на базе CLV. Например, СЕС (вклад новых клиентов в клиентский капитал компании) определяется увеличением клиентского капитала компании от вновь привлеченного клиента, СЕЕ (эластичность клиентского капитала) представляет собой отношение изменения клиентского капитала компании (в % от исходного значения) к изменению расходов на маркетинг (в % от исходного значения).

В рамках данной статьи представлен результат оценки по метрике CLV, потому что она дает возможность определить действия, направленные на максимизацию клиентского капитала компании. Метрики же СЕЕ и СЕС служат в первую очередь для оценки эффективности маркетинговой деятельности, что менее интересно

с точки зрения разработки инструментария по управлению клиентским капиталом¹². Чтобы рассчитать пожизненную ценность клиента (CLV), используется формула, предложенная Гултой и Леманном¹³:

$$CLV = \sum_{r=0}^{\infty} \frac{(p - c)^* r^t}{(1+i)^t} = m * \frac{r}{(1+i-r)}, \text{ где:}$$

c – прямые затраты на удовлетворение нужд клиента;

p – цена реализации;

r – коэффициент удержания клиентов;

i – ставка дисконтирования.

Другими словами, оценка CLV определяется величиной маржи (*m*), умноженной на мультипликатор маржи (*r/[1+i-r]*). Как правило, коэффициент удержания клиентов в первом приближении принимается равным 0,9, а ставка дисконтирования будет равняться 0,375. Данный подход определяет среднее значение CLV и использует общедоступные данные, чтобы получить информацию о средней маржинальной прибыли и средних затратах на маркетинг высокотехнологичных предприятий и компаний.

В целом, поиск оптимального соотношения государственных расходов и ВВП неразрывно связан с решением задачи повышения эффективности государственных затрат: чем выше последняя, тем масштабнее могут стать инициированные властями национальные проекты. И, наоборот, в случае низкой эффективности этих затрат полезным может быть признано серьезное урезание перечня государственных программ.

Мы считаем, безусловно, необходимым наращивание в обозримой перспективе бюджетных средств на развитие экономики и социальной сферы, но при одном непременном условии – оптимизации структуры государственных расходов и повышения эффективности их использования на проекты и программы оборонно-промышленного комплекса. Поиск количественных параметров этой оптимизации и методов повышения эффективности государственных затрат стал бы очень важным вкладом в обеспечение устойчивого инновационного роста отечественной экономики и укрепления обороноспособности страны.

Авторский анализ мировой практики неоднократно подтверждал и подтверждает ныне, что верхняя и нижняя границы государственного присутствия в экономике не могут быть одинаковыми для всех стран¹⁴. Поэтому при выборе долгосрочной стратегии управления экономикой для нашей страны нельзя

¹² Каганов Ю.Т., Соколянский В.В., Волосникова М.С., Ишимцев В.И. Оптимизация параметров интеллектуального капитала на основе искусственной иммунной системы на примере компаний ИТ-сектора // Естественные и технические науки. 2015. № 6; Помогаева К.Ю., Бровченко Е.А. Разработка алгоритма отбора молодых специалистов на стажировки в компании высокотехнологичных отраслей // Экономика труда. 2018. № 3. С. 885–894.

¹³ Gupta S., Lehmann D.R. Customers as Assets // Journal of Interactive Marketing. 2003. № 17. Р. 9–24.

¹⁴ Кохно П.А., Енин Ю.И. О закономерностях развития мировой экономики // Общество и экономика. 2020. № 10. С. 5–36.

не учитывать особенности России-цивилизации. Более чем тысячелетняя история страны свидетельствует, что центральная власть (государство) всегда являлась не надстройкой для оказания тех или иных услуг обществу (полицейских, военных, бюрократических и т. д.), а выступала становым хребтом и основой развития самого общества.

Авторский расчёт фаз решения стратегических задач управления человеческими ресурсами показал скорое наступление фазы отрезвления от реформаторского угара. Эта историческая фаза, с отечественными особенностями, характерна своим практическим осмыслением путей и рамок решения поставленной сверхзадачи, усиления роли государства и началом экономического роста. Можно уверенно сделать вывод:

— на фоне глобального экономического кризиса переход от всевластия свободного рынка к дирижизму есть общемировой тренд, а в силу отечественных особенностей — единственная действенная мера по защите интересов большинства населения и обеспечения экономического развития страны.

Pavel Kohno (e-mail: pavelkohno@mail.ru)

Grand Ph.D. in Economics, Professor

Director of the Institute of Fuzzy Systems (Moscow, Russia)

Alina Kohno (e-mail: pavelkohno@mail.ru)

Ph.D. in Economics,

Head of Laboratory at the Institute of Fuzzy Systems (Moscow, Russia)

BUDGET ALLOCATIONS FOR NATIONAL PROGRAMS REQUIRE INTEGRATED OPTIMIZATION

In the article the dependence of economic progress rate on economic capacity of the state is investigated, and the method of systemic coordination of budget expenses on national projects (programs) is offered. This method is based on administrative approach to the assessment of the efficiency of budgetary funds use and is applied at planning and implementation stages of the program.

The key principle of its functioning implies that there is a stable relationship between the degree of program coordination and the efficiency of the financial resources spent on it. The method provides governmental bodies with an efficient tool for assessing the extent of coordination of actions between the programs and program parts.

Keywords: economy of the public sector, national programs, high-performance production, growth rates, financial and economic indicators, expense ratios, resource coordination assessment, efficiency of budgetary funds.

© 2021

Яков Долгов

аспирант Тверского государственного университета (г. Тверь, Россия)
(e-mail: yakov.birnov@mail.ru)

ЗАКОНОМЕРНОСТЬ ВОЗНИКОВЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ДЕНЕГ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассмотрен процесс глобальной информатизации общества, который динамично развивается благодаря сети интернет и технологии блокчейн. Это приводит к следующему технологическому укладу общества и сопровождается увеличением объема информации в традиционных областях деятельности человека. Данные процессы порождают необходимость в развитии традиционных денег и возникновение иих новых видов и форм, таких как цифровые валюты.

Ключевые слова: интернет, блокчейн, цифровые деньги, цифровая экономика, IoT, киберсистема, экосистема, фиатные деньги, информационные технологии.

DOI: 10.31857/S020736760015392-0

В современных условиях переход к следующему технологическому укладу сопровождается лавинообразным увеличением объема информации в традиционных областях деятельности человека [1]. Такая ситуация складывается практически во всех сферах человеческой деятельности. В то же время появляются новые области человеческой деятельности, преимущественно связанные с созданием информационно-сетевой среды, в которой деятельность человека полностью или в основной своей части основана на многообразии информационных технологий [2].

Таким образом, процесс глобальной информатизации общества открывает для человека перспективу колossalного усиления его познавательных возможностей, возможностей по предвидению и соответственно повышения эффективности деятельности. В этих условиях информация является важнейшим ресурсом как государств, развитых в экономическом, научном и технологическом плане, так и организаций и отдельных людей. Вместе с тем, наряду с преимуществами, этот глобальный процесс порождает и многочисленные проблемы, одной из которых является проблема информационного неравенства. Суть этой проблемы состоит в том, что создаваемая в настоящее время информационно-сетевая среда оказывается в различной степени доступна разным странам, организациям и отдельным людям. При этом те, кто способен эффективно использовать возможности новой информационно-сетевой среды и созданного информационного ресурса для своего развития, получают существенные преимущества перед теми, кто сделать этого не может. Ярким примером создания информационного ресурса для своего развития является глобальная информационно-сетевая среда Интернет.

Интернет (Internet) – это всемирная информационная система связи, соединяющая между собой множество компьютерных сетей на всей планете. Интернет стал базой для архитектуры цифровых бизнес-моделей [3]. Исходной точкой любой цифровой бизнес-модели является инновационная идея, основанная на осознании сути существенной проблемы, которая может быть решена посредством новых интернет-технологий лучше, чем с использованием классических бизнес-моделей. Такая цифровая бизнес-модель, основанная на нематериальных, информационных цепочках создания стоимости может быть охарактеризована как логика, по которой действует то или иное предприятие в рамках сетевой экономики. При этом оно непрерывно создает стоимость посредством цифровых, информационных процессов, основанных на указанных выше инновациях.

Базовая архитектура цифровых бизнес-моделей представляет собой, таким образом, необходимую платформу для цифровых стартапов (новых предприятий с инновационной бизнес-идеей в рамках сетевой экономики), а также для перевода классических бизнес-моделей в цифровую форму. Такие базовые платформы цифровых бизнес-моделей состоят из следующих основных элементов – информации, коммуникации и транзакции. В зависимости от роли и места того или иного элемента базовые платформы можно разделить на:

- цифровую логистику (транзакционный уровень: акцент на закупки);
- цифровой магазин (транзакционный уровень: акцент на продажи);
- цифровая торговая площадка (транзакционный уровень: акцент на торги);
- цифровое сообщество (информационный уровень: акцент на коммуникацию);
- цифровую компанию (информационный уровень: акцент на кооперацию) [4].

Эти платформы могут пересекаться, создавая смешанные формы, определяемые термином «интернет вещей». Определений термина «интернет вещей» много, но можно выделить их общую часть.

Интернет вещей (Internet of Thing, IoT) – это динамическая самоконфигурируемая глобальная сетевая инфраструктура, основанная на стандартных интероперабельных протоколах связи, в которой физические и виртуальные «вещи», бесшовно интегрированные в информационную сеть, имеют идентификаторы, физические атрибуты и виртуальные личности, которые могут стать активными участниками бизнес-процессов, а сервисы обеспечивают взаимодействие с этими «умными объектами» с учетом вопросов безопасности и конфиденциальности.

Основатель Европейского совета по IoT Роб Ван Краненбург говорит: IoT – концепция пространства, в котором все из аналогового и цифрового

миров может быть совмещено – это переопределит наши отношения с объектами, а также свойства и суть самих объектов.

Основные положения концепции IoT таковы:

- вещи – это разнородные физические объекты;
- вещи обмениваются информацией с помощью программного обеспечения, установленного в самих вещах и воспринимают окружающую среду;
- связь по большей части осуществляется без проводов;
- обмен информацией контролируется;
- взаимодействие и совместимость вещей, обеспечиваются протоколом передачи данных, определяющим единообразный способ передачи сообщений и обработки ошибок и позволяющего разрабатывать интерфейсы, не привязанные к конкретной аппаратной платформе и производителю.

Благодаря этому «умные вещи» могут взаимодействовать как на уровне отдельной комнаты, так и в масштабах целого города или даже региона.

Сфера применения интернета вещей сегодня практически неограниченная. Активнее всего развивается промышленный интернет вещей [5]. По мнению аналитиков Juniper Research, количество подключений к промышленному IoT во всем мире увеличится до 36,8 млрд в 2025 году.

Таблица 1
Концептуальная схема глобальной экосистемы IoT, состоящей из сложно соединенных мас-сивов сущностей, систем и модулей

IoT	Технологии	Киберфизические системы
		Активные метки RFID
		Пассивные метки RFID
	Безопасность	Приватность
		Руководство
		Межсетевые экраны
		Закономерности
		Заплаты
		Сети
	Инфраструктура	Хранение
		Облака
		Wi-Fi
		Очки
	Носимые устройства	Имплантанты
		Мониторы здоровья
		Умные наручные часы
		Текстильные дисплеи
		Источники питания
		Встроенные приложения
	Программное обеспечение	Операционные системы
		Гиперсеть
		Стандарты

Инструменты	Аналитика
	Автономия
	Умные офисы
	Умные здания
	Умные заводы
	Умные дома
	Умная бытовая техника
	Умные транспортные средства
	Умный общественный транспорт
	Умные города
	Умные системы освещения
	Умные системы теплоснабжения

Примечание: составлено автором.

Ключевым стимулом роста промышленного IoT является умное производство, на которое к 2025 году придется около 22 млрд подключений. Основные стимулы роста – появление smart-предприятий, умных ЖКХ-сервисов, разворачивание инфраструктуры сотовых сетей пятого поколения, рост количества потребительских умных гаджетов: носимые устройства, бытовая техника, видеокамеры и т.д.

IoT-платформы должны отвечать единым стандартам, чтобы любую вещь можно было интегрировать в любую платформу. Сейчас существует более 450 различных платформ, и их количество продолжает расти.

Но Интернет вещей продолжает развиваться, и можно выделить следующие этапы его развития.

Этап первый – умные вещи и самостоятельные гаджеты.

Этап второй – умные дома и локальные сети из умных вещей, которые самостоятельно общаются между собой.

На третьем этапе вся «умная» инфраструктура объединяется в одну большую сеть и возникают умный город, цифровой регион – которые раскрываются на следующем этапе.

Этап четвертый – от Интернета вещей к Интернету всего. Понятие Интернет всего (Internet of Everything или IoE) предложено компанией Cisco – это объединение людей, процессов, данных и вещей, «повышающее ценность сетевых соединений до небывалого уровня». Под «интернетом всего» подразумевается совокупность «интернета вещей» и традиционных устройств, таких как компьютеры, смартфоны и планшеты. Таким образом, IoE объединяет людей, процессы, данные и вещи, которые становятся узлами в интеллектуальной сети, где они общаются друг с другом. IoE является наиболее инновационным и повсеместным технологическим прогрессом, который превращает информацию в действия создающие новые беспрецедентные экономические возможности для бизнеса, отдельных лиц и стран. Драйверами рынка «интернета всего» является появление новых типов подключенных устройств (часы,

очки, connected TV, автомобили и др.). Также на рынок влияет рост объемов данных в глобальной сети, развитие облачных технологий и высокоскоростных интернет-сетей и т.д.

Экономика IoE окажет глубокое влияние на следующие основные аспекты деятельности человека:

1. Люди будут подключаться к Интернету более релевантными способами, генерировать данные и взаимодействовать с устройствами не только через персональные компьютеры и социальные сети, но и через датчики, размещенные на человеке или одежде, и сами станут узлами в сети.

2. Промышленные устройства, потребительские товары, корпоративные активы будут подключены к Интернету или друг к другу, получая информацию из окружения, станут более контекстно-зависимыми, познавательными и интеллектуальными.

3. Вместо необработанных данных подключенные устройства будут отправлять обработанные данные более высокого уровня на соответствующие серверы для более быстрой оценки или интеллектуального принятия решений.

4. Нужная информация будет доставляться нужному человеку в нужное время. Предприятия, основанные на информационных технологиях, будут принимать решения и совершенствовать стратегии рабочих процессов, полагаться на данные, и поэтому будут конкурировать за данные для принятия решений.

В целом, можно предположить, что с течением времени IoE будет охватывать уже не только вещи и людей, но и процессы и данные. Опираясь на эти тенденции, можно представить следующий уровень абстракции – Интернет чего угодно (Internet of Anything, IoA) – сеть, с которой соединяются вещи всех видов, образуя единую глобальную программную экосистему, включающую в себя глобальную Internet Operating System, большинство элементов для строительства которой уже имеются сегодня.

Киберфизические системы (Cyber-Physical Systems, CPS) объединяют кибернетический и физический миры путем интеграции вычислительных и физических процессов с помощью датчиков и исполнительных устройств [6,7]. Такие системы являются координируемыми, распределенными и соединенными с глобальными сетями. Датчики или краудсорсинговые приложения передают информацию о реальном мире в киберпространство, а киберприложения и сервисы, интерпретируя ее, влияют на окружающую среду в режиме реального времени.

Кибербиологические системы (Cyber-Biological Systems, CBS) добавляют к Интернету вещей информацию из мира живых организмов. Так, датчики, имплантированные в людей, уже сегодня позволяют врачам дистанционно следить за здоровьем пациентов, а телемедицина достигла такого уровня, что человеческие организмы уже киберинтегрированы. Их вполне можно считать кибербиологической системой.

В рамках IoA может работать операционная система Интернета – единая программная экосистема, поддерживающая все многообразие показаний датчиков, системных состояний, эксплуатационных условий и контекстов данных. Это должна быть очень надежная, высокомасштабируемая, широко распределенная и фрагментированная, в высшей степени адаптивная универсальная среда, реагирующая на данные с учетом контекста. Компоненты архитектуры IoA уже появляются: флэш-память, NoSQL, Sync, мобильные и носящие устройства, Hadoop, объектное хранение, виртуализация и облака, программно-конфигурируемые сети и конвергентные инфраструктуры и др.

Таким образом, **в настоящее время мы видим масштабный устойчивый процесс перехода от рыночной экономики к цифровой (инфраструктурной) экономике** на базе создаваемых глобальных социально-цифровых платформ (экосистем). При этом индустриальная экономика (относительно простого и нетворческого труда) переходит в инновационную экономику (преимущественно творческого труда). В этих условиях суверенитет таких глобальных социально-цифровых платформ будет, в отличие от суверенитета рыночной экономики, опираться не на эмиссию валюты в соответствии с потребностями экономики страны, а на так называемую цифровую валюту. Причина этого – обращение всего денежного потока исключительно в виртуальном пространстве. Цифровые валюты, разрабатываемые уже сегодня, в значительной степени заменят сегодняшние традиционные деньги. Поэтому при переходе к социально-экономическим цифровым платформам современная концепция денег может значительно измениться.

При этом возникает проблема «доверия» к цифровым валютам при взаимных расчетах, учете и взаимной ответственности при совершении транзакций в социально-экономических цифровых платформах, которые будут охватывать уже не только вещи и людей, но и процессы и данные. Очевидно, что физические деньги очень мало приспособлены для выполнения этих функций. Доверие в рамках IoA – это, как минимум, функция алгоритмов, датчиков, интерфейсов, интероперабельности, безопасности и приватности в беспроводной гиперсетевой среде. Масштабируемость с точки зрения сетевых эффектов (по закону Меткалфа, ценность сети растет пропорционально квадрату количества пользователей) дополнительno затрудняет определение доверия, даже когда речь идет лишь о нескольких узлах/транзитных участках/ветвях. Гетерогенность усугубляет проблемы, связанные с интероперабельностью. Поэтому концепция доверия в IoA нуждается в переопределении. Должна быть создана распределенная база данных, опирающаяся на Интернет и использующая все его достоинства, в которой автономно хранятся неизменяемые данные о всех действиях без возможности изменить или уничтожить предшествующие записи.

Таким требованиям в настоящее время в наибольшей степени отвечает быстро развивающаяся технология блокчейна, использующаяся в транзакционных приложениях нового поколения, которая, благодаря алгоритму коллективного консенсуса и распределенному децентрализованному «гроссбуху», создает доверие, ответственность и прозрачность среди всех участников [8]. Блокчейн – это многофункциональная и многоуровневая информационная технология, предназначенная для надежного учета различных активов [9]. Эта технология охватывает все сферы экономической и социальной деятельности. В том числе финансы, экономику и денежные расчеты, а также операции с материальными и нематериальными активами. По сути, это новая организационная парадигма для координации любого вида человеческой деятельности.

Анализ отмеченных выше тенденций позволяет сделать вывод о существовании следующих закономерностей в процессе становления информационного (постиндустриального) общества.

Первая закономерность – возрастание роли и места информации и информационных технологий в современном обществе, что ведет к снижению материалоемкости и энергоемкости экономики и смене параметра управления в социально-экономических цифровых системах. В доиндустриальном обществе таким параметром было вещество (материал), в индустриальном обществе – энергия, а в информационном (постиндустриальном) обществе эту функцию выполняют информация и информационные технологии.

Из первой закономерности непосредственно вытекает вторая закономерность – информация и информационные технологии являются единой базой для деятельности в современных социально-экономических цифровых системах, перераспределяя функции между человеком и интеллектуальными информационными системами, что приводит к децентрализации и пространственному рассредоточению деятельности и информационных ресурсов.

В соответствии с этими закономерностями любая деятельность человека и/или интеллектуальной информационной системы сопровождается все более растущим объемом информации, которая требует сбора, обработки, осмыслиния, представления и реализации зачастую в реальном масштабе времени. В зависимости от того, где и для какой конкретной деятельности потребителями интеллектуальной информационной системы используется информация, выделяют pragматический, семантический и синтаксический аспекты информации [2].

Прагматический аспект связан с достижением поставленной цели с использованием получаемой информации. Если источник выдает информацию требуемого качества, то поведение или функционирование ее потребителя или интеллектуальной информационной системы меняется в желаемом направлении или дает потребный результат.

Семантический аспект позволяет оценить потребителю смысл получаемой информации и ее значение для удовлетворения конкретной своей потребности или для начала (прекращения) функционирования интеллектуальной информационной системы в том или ином режиме.

Синтаксический аспект связан с конкретным процессом, в котором осуществляется сбор, обработка, передача, преобразование, представление, ввод или вывод и т.п. информации. В зависимости от этого информация представляется в виде специальных знаков и символов, образующих информационный ресурс, используемый потребителем или интеллектуальной информационной системой для обеспечения своей деятельности.

Исходя из этого, возникает третья закономерность – информация и информационные технологии в информационном (постиндустриальном) обществе играют ведущую роль в непосредственном удовлетворении материальных и духовных потребностей человека, а также опосредованно используются как доминирующий фактор производства нужных ему продуктов в новом технологическом укладе и в силу этого становятся третьим видом потребительной стоимости.

Производство, обмен и потребление информации в информационном (постиндустриальном) обществе являются важнейшим видом деятельности, а информация является наиболее значимым ресурсом, непосредственно удовлетворяющим потребности людей и входящим в различные товары и услуги в виде потребительной стоимости, удовлетворяющей общественную потребность и становящейся в условиях информационного (постиндустриального) общества также меновой стоимостью.

Поэтому как внутри социально-экономических цифровых экосистем, так и внутри государства закономерно возникают цифровые валюты, которые являются законченным выражением развития этого вида потребительной стоимости. В отличии от фиатных цифровые валюты, на наш взгляд, обладают следующими дополнительными преимуществами при использовании в современных социально-экономических цифровых системах [4, 8, 9]:

- возможность проведения практически мгновенно и за низкую цену простых и безопасных платежей в децентрализованных и/или пространственно рассредоточенных системах цифровой коммерции и производства;
- возможность проведения платежей между узлами Интернета всего или Интернета чего угодно, которые являются людьми и/или интеллектуальными информационными системами;
- возможность создания электронной прибавочной стоимости путем проведения экстренных микроплатежей между узлами Интернета всего или Интернета чего угодно для компенсации доставленного неудобства (издержек) или за предоставление выгод;

- возможность децентрализованного сбора и накопления денег для финансирования стартапов вместо привлечения венчурного капитала.

Подытоживая выше сказанное, делаем вывод о том, что новейшие достижения в информационных технологиях, а также в производстве, обмене и потреблении информации в информационном (постиндустриальном) обществе становятся третьим видом потребительной стоимости, что закономерно приводит к появлению цифровых валют и их стремительному распространению в современных социально-экономических цифровых системах.

Литература

1. Шваб К. Технологии Четвертой промышленной революции / перевод с английского // Дэвис. 2018. 320 с.
2. Советов Б.Я. Информационные технологии / Учеб. для вузов // 2008. 263 с.
3. Глэсс Р., Лейкерт Б. Торговля 4.0. Цифровая революция в торговле: стратегии, технологии, трансформация. / перевод с немецкого // М.: Альпина Паблишер. 2018. 346 с.
4. Kollman T. Akzeptanz innovativer Nutzung // 1998. 246 с.
5. Грингард С. Интернет вещей: Будущее уже здесь // Перевод с английского // М.: Альпина Паблишер, 2016. 188 с.
6. Simmon E. et al. A Vision of Cyber-Physical Cloud Computing for Smart Networked Systems [Электронный ресурс] // URL: http://www.nist.gov/customcf/get_pdf.cfm?pub_id=914023 (дата обращения: 02.04.2021).
7. National Science Foundation. Cyber-Physical Systems: Program Solicitation. NSFdoc. 14–542. 2014. [Электронный ресурс] URL: <http://www.nsf.gov/pubs/2014/nsf14542/nsf14542.pdf> (дата обращения: 02.04.2021).
8. Лелу Л. Все о технологии десятилетия / перевод с французского А.Н. Степановой]. 2018. 256 с.
9. Свон М. Блокчейн: Схема новой экономики // 2018. 240 с.

Yakov Dolgov (e-mail: yakov.birnov@mail.ru)
post-graduate student of Tver State University (Tver, Russia)

THE EMERGENCE OF DIGITAL MONEY AS INHERENT TO INFORMATION SOCIETY

The article examines the process of global informatization of society, which is dynamically developing owing to the Internet and blockchain technology. This leads to a new technological paradigm and is accompanied by an increase in the amount of information in the traditional areas of human activity. These processes give rise both to the need for the development of conventional money and to the emergence of new types and forms, such as digital currencies.

Keywords: Internet, blockchain, digital money, digital economy, IoT, cyber system, ecosystem, fiat money, information technology.

© 2021

Тимур Шарифьянов

независимый исследователь (Россия)

(e-mail: timur.sharifyanov@gmail.com)

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В работе рассматривается региональный подход к определению феномена цифровой экономики. Использованы методы компаративного и междисциплинарного анализа. Предложена пространственно-структурная модель цифровой экономики. Подход к формированию пространственно-структурной модели, инфраструктурно детерминирован и в то же время технологически нейтрален.

Пространственно-структурная модель позволяет сделать вывод о том, что различные территориальные фрагменты экономической системы находятся в различной стадии своего развития. Стадия развития экономической системы зависит от наличия и типа инфраструктуры экономики. Предложен критерий (необходимое условие) перехода экономики на цифровую стадию развития и дано определение инфраструктуры больших данных.

Результаты исследования могут быть использованы для планирования размещения инфраструктурных элементов в пространстве региона.

Ключевые слова: Цифровая экономика, цифровая инфраструктура, институциональная регионалистика, цифровое неравенство.

DOI: 10.31857/S020736760015393-1

С 70-х годов прошлого столетия экономисты и социологи отмечают усиление роли информации в социально-экономическом развитии, переход к глобальной информационной экономике и обществу знания. Поднимаются вопросы соотношения (равенства или взаимной принадлежности) понятий “информация” и “знание”. Кроме того, возникает вопрос о роли технологии – является ли она причиной или же следствием общественного развития.

С одной стороны, комплексность понятия “информационная экономика” оправдывает неоднородность своего смыслового наполнения и позволяет гибко подходить к решению прикладных задач с позиций различных подходов. Так, например, решая задачи региональной экономики и анализируя неравномерность процессов информатизации отдельных пространственных фрагментов хозяйственной системы, можно прогнозировать влияние информационных диспропорций на экономический потенциал и инновационный потенциал территорий.

С другой стороны, бурная цифровизация социально-экономических процессов требует решительных мер по интеграции национальной экономики в глобальную экономику, где компактная группа стран-лидеров концентрирует инновационный потенциал и создает экономику экспорта технологий на основе возобновляемых источников сырья [1]. Национальная программа

“Цифровая экономика Российской Федерации” предполагает опережающие по отношению к ВВП темпы роста инвестиций в НИОКР, чтобы не допустить аутсайдерских позиций России в новой цифровой экономике [2].

Совокупность существенных возможностей и угроз для национальной экономики требует принятия стратегических решений и концентрации значительных экономических ресурсов для прорыва в группу стран – технологических лидеров. Множества и семейства терминов вошли в производственные отрасли и бизнес-среду, применяются в правительственные документах. Элементы цифровой экономики, концепции Smart country, индустрии 4.0, будучи де факто факторами экономического роста, недостаточно изучены и неоднозначно определены современной наукой.

Ежегодный доклад ООН о влиянии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на экономику [3], ранее известный как «Доклад об информационной экономике», в 2019 был опубликован под названием «Доклад о цифровой экономике». Означает ли это, что дефиниция цифровой экономики является преемницей понятия информационной экономики или заменяет его?

Одним из региональных аспектов преобразования экономических систем с конца прошлого столетия выступала проблема цифрового неравенства. В нашей стране цифровое неравенство рассматривалась преимущественно в пространственном аспекте сельско-городского цифрового неравенства. Недуги государственных программ по обеспечению доступности универсальных услуг связи в пространстве России привели к эксклюзии более 10 млн граждан из цифровой экономики.

Понятие цифровой экономики и особенности ее пространственной локализации. Не углубляясь в историю информационной экономики и цифровой экономики, выделим некоторые их характеристики, существенные с точки зрения пространственного подхода.

Обобщая некоторые подходы к информационной экономике [4, 5], можно сделать вывод, что информационная экономика и цифровая экономика – это состояние, в которое переходит экономической системы в результате научно-технического прогресса [6] и общественного развития [7].

Рассмотрение цифровой экономики как стадии развития экономической системы позволяет предположить, что переход в эту стадию происходит неравномерно (не одновременно) в пространстве, и экономика некоторых пространств остается нецифровизированной, неинформатизированной, неиндустриализированной, или даже немеханизированной (Рис. 1). Для описания неравномерности цифровизации экономической системы в пространстве воспользуемся концепцией опорного каркаса территории Г.М. Лаппо [8].

Действительно, в крупных городах, которые составляют основной каркас расселения, наблюдается агломерационный эффект. Агломерационный

эффект проявляется в создании рыночными институтами множества современных товаров и услуг, конкурирующих между собой по функциональным и стоимостным характеристикам. Это цифровизированная территория с изобилием инфраструктуры – цифровых платформ и центров НИОКР, производящих и монетизирующих технологии и большие данные. По мере удаления от узлов каркаса вдоль вектора «центр-периферия» падают общий и удельный платежеспособный спрос, возрастают издержки на связующую инфраструктуру доставки вещественных товаров и цифровых услуг, снижается количество устройств, поддерживающих передовые стандарты беспроводной передачи (цифровых) данных [9]. Экономика на этой территории уже вошла в фазу информационной, но еще не стала цифровой. Двигаясь далее вдоль вектора “центр-периферия”, мы дойдем до населенных территорий, где нет инфраструктуры для доступа в интернет и даже телефонии, где нет газа, а на самой периферии и электричества. Продвигаясь таким образом от узлов каркаса расселения к периферийным территориям регионов (от России-1 к окраинам России-3 теории четырех Россия Н. Зубаревич [10]), удаленных от городов, межтерриториальных дорог, мы видим неоднородность экономической системы в пространстве с точки зрения ее перехода в очередную стадию развития.

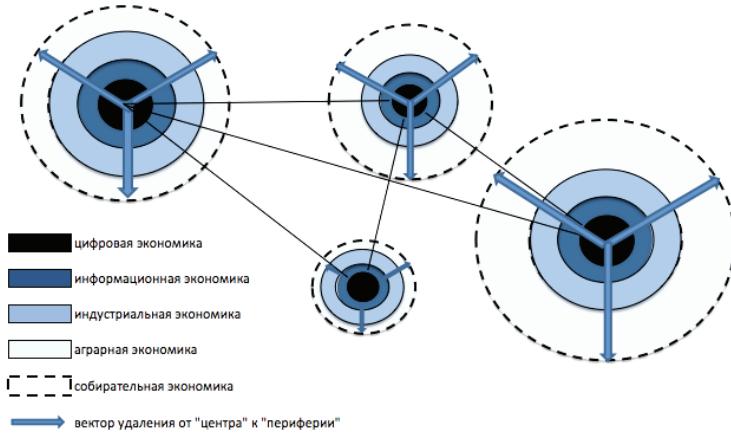

Рис. 1. Пространственная неоднородность стадий развития экономической системы

Эта неоднородность согласуется с центр-периферийной моделью Д. Фридмана [11], согласно которой “центр – полюс роста” концентрирует на себе экономические ресурсы пространства для прорыва в создании инноваций, которые впоследствии должны диффузировать на периферию и подтянуть ее экономику. В таком случае, почему же не работает вторая часть центр-периферийной модели и почему экономика периферии застревает на доцифровой и даже доинформационной стадии? Это связано с дефицитом связующей инфраструктуры диффузии инноваций от центра к периферии [10],

который особенно характерен для России – страны с наименьшей плотностью населения и наибольшим дефицитом связующей инфраструктуры.

Структура и инфраструктура цифровой экономики. Позиционирование цифровой экономики именно как стадии развития экономической системы не противоречит подходу к цифровой экономике как к сектору экономики (отраслевой подход) [12, 3]. На каждой стадии развития экономической системы инновации формируют технологический сектор, который меняет систему производства, структуру занятости, социальную сферу и переводит экономическую систему на новую стадию развития.

Например, разработка технологии управления электрическим током, генерации и распространения электроэнергии – это энергетический сектор экономики. Будучи сектором, электроэнергетика проникает во все секторы промышленности, бытовую сферу, создает рынок электротоваров, увеличивает долю занятых в индустриальном производстве, преобразует социальные процессы – ведет к усилению урбанизации и классовой борьбы, и переводит всю экономическую систему на индустриальную стадию.

Аналогично компьютерные технологии и сети передачи данных – это сектор экономики, который автоматизирует управление технологическими процессами, наращивает информационный труд в структуре занятости, ускоряет глобализацию и переводит экономическую систему на стадию информационной экономики.

Технологии больших данных и искусственного интеллекта дегуманизируют производственную систему, создают большой спрос на специалистов по анализу данных, виртуализируют систему социальных коммуникаций и контактов и переводят экономическую систему на стадию цифровой экономики.

Таким образом, известные теоретические подходы к объяснению стадий развития экономической системы: технологический, экономический, на основе структуры занятости, культурный и пространственный [13] – дополняют друг друга и гармонично интегрируются в последнем.

Предложим структуру цифровой экономики в контексте центр-периферийной модели и инфраструктурной проблематики диффузии цифровой экономики вдоль вектора центр-периферия (Рис. 2). Инфраструктурой для создания инновационных цифровых технологий выступают центры НИОКР, расположенные в крупнейших городских агломерациях и особых экономических зонах.

Цифровые платформы служат цифровой инфраструктурой для целого ряда услуг, в том числе в качестве торговых площадок («Амазон»), магазинов приложений («Эпл»), сайтов социальных сетей («Фейсбук») и поисковых систем («Гугл»). Платформизация воздействует не только на характер операций в определенных секторах экономики, но и на способность компаний быстро расширяться, влияя тем самым на структуру секторов экономики [3]. Операторы

цифровых платформ обладают возможностями для регистрации больших данных, связанных активностью пользователей платформ.

Операционные платформы – это инфраструктура многосторонних рынков, обеспечивающая многосторонние транзакции («Амазон», «Алибаба», «Фейсбук» и «иБэй», «Убер», «Диди чусин» или «Эйрбнб»).

Инновационные платформы – инфраструктура разработчиков кодов и контента («Андроид», «Линукс»), научные установки.

Цифровым сервисам необходимы не только локальные агломерационные рынки, но и территориально удаленные рынки, а для этого необходима связующая цифровая инфраструктура. Более того, для формирования цифрового продукта потребителю на удаленном рынке цифровая платформа (в качестве сырья) потребляет данные от контекстного окружения удаленного рынка. Например, для того, чтобы оказать телемедицинский сервис по мониторингу и поддержке состояния здоровья жителя малого населенного пункта на периферии региона, необходимо считывать контекстные данные – микроклиматические характеристики, двигательную активность, количество потребляемой воды, состав нутриентов и принятых активных веществ. Или, например, для оказания услуги управления пассажирскими перевозками этому же потребителю, необходимо считывать данные о дорожной обстановке, наличии и параметров ближайших автотранспортных средств. То есть для доступа к территориальным рынкам цифровым платформам необходимы данные и связующая инфраструктура. И наоборот, потребителю на территории удаленной от центра – каркаса необходимы сервисы цифровых платформ, а значит и цифровой доступ к ним. География цифровой экономики ограничена связующей инфраструктурой.

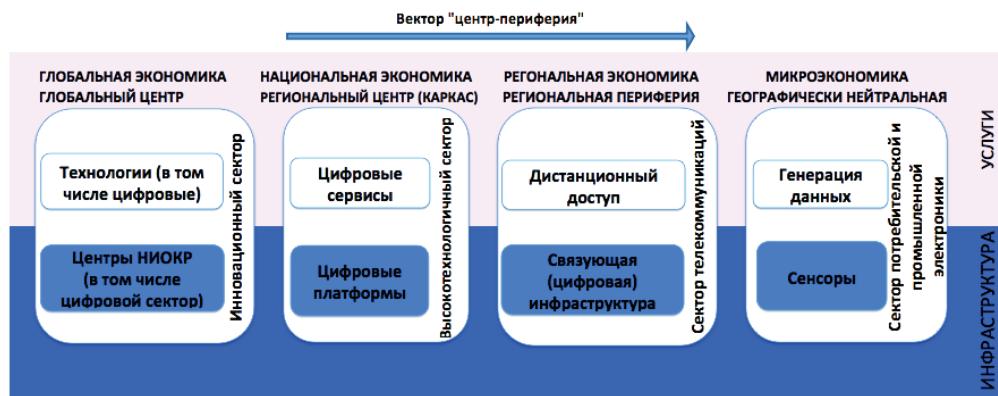

Рис. 2. Пространственно-структурная модель цифровой экономики

Данные и информация. Как размежевать цифровую экономику и информационную экономику? Воспользуемся известными подходами к определению

перехода от индустриальной к информационной экономике для анализа перехода от информационной к цифровой экономике.

Технологический подход (неошумпетерианство) предполагает отклонение от равновесия экономической системы, в результате разработки инновационных технологий, и ее последующую стабилизацию на новом технологическом уровне. В качестве меры входа на новую стадию развития экономической системы, предлагается рассматривать сам факт распространения новых технологий и соответствующие продукты потребления.

В развитии технологического подхода можно предложить разграничение информационных и цифровых технологий через различие экономических характеристик информации и цифровых данных.

Информация носит заведомо прагматический экономический характер в конкретный момент времени, характеризуется асимметричностью и является частью рыночного информационного механизма (парадокс Стиглица) [14]. Информация снижает неопределенность принятия экономических решений, а ее полезность определяется себестоимостью на получение, обработку, передачу и использование (теория поиска информации Я. Маршака) [15]. Информация преимущественно носит качественный характер, синтезируется в знание посредством известных алгоритмов и аналитического аппарата.

Данные в отличие от информации не подчиняются парадоксу Даймонда и сохраняют коммерческую привлекательность даже в случае установления всех переменных величин и закономерностей. Ценность данных определяется количественными, а не качественными характеристиками (К. Шенон, У. Уивер). Продуктивность технологий данных определяется количеством продуцируемых данных, т.е. объем продаж data-продуктов пропорционален объему данных. Цифровые данные формируются независимо от экономических стимулов, модели монетизации, прикладная коммерческая ценность не предопределена, скрытые закономерности, неизвестные корреляции устанавливаются на основе технологий обработки данных, технологий искусственного интеллекта. Отличия данных от информации выражается в превосходстве их объемов, скорости продуцирования, разнообразии форматов, неискаженности (непосредственности получения), а недостатки связаны с несистемностью продуцирования (разорванности во времени), раскалиброванности сенсоров, ценности только в сочетании с контекстными данными [16].

Социально-экономический подход исходит из роста экономической значимости сначала информационной, а затем цифровой деятельности. Изменение структуры доходов компаний сектора ИКТ, а именно снижение доли выручки от информационных услуг и рост доли выручки от цифровых услуг [17] являются признаком наращивания экономической значимости цифровых данных.

Объем мирового рынка больших данных вырастет с 138,9 млрд долларов США в 2020 году до 229,4 млрд долларов США к 2025 году при совокупном

годовом темпе роста (CAGR) в течение прогнозного периода в 10,6% [18]. На стадии цифровой экономики большие цифровые данные и их обработка технологиями искусственного интеллекта приводят к возникновению огромного рынка потребительской и промышленной электроники интернета вещей и промышленного интернета. Согласно прогнозу J'son and Partners, количество устройств интернет вещей в России удвоится и составит 42 млн единиц к 2022 году. В денежном выражении рынок устройств интернет вещей будет расти ежегодно на 4%.

В рамках экономического подхода к выделению цифровой стадии развития экономической системы воспользуемся выделением секторов информационной экономики, предложенным Марком Поратом. Он выделяет первичный информационный сектор в экономике, где информация является конечным продуктом, вторичный информационный сектор, где информация – промежуточный продукт. В развитие такого представления о структуре информационной экономики, можно выделить цифровой сектор, где данные выступают промежуточным продуктом и являются сырьем для других секторов экономики – информационного сектора, сектора знаний и т.п.

Такое наступление информационного общества характеризуется перетоком занятости из промышленного производства в сферу услуг, отмечает главенством профессионального персонала, появлением новых классов интеллектуалов и интеллигенции [7]. При переходе к цифровой стадии развития экономической системы также наблюдаются качественные изменения в структуре занятости населения – возникает существенный спрос на специалистов по обработке данных [19], причем выделяется востребованный сегмент аналитиков данных с ученой степенью.

По мнению М. Кастельса, информационная стадия экономической системы становится еще более капиталистической, чем любая другая экономика в истории. Собственники сохраняют своё доминирующее положение в системе производства по отношению к классу наёмных рабочих, вертикальные перемещения в системе социальной иерархии становятся еще более ограниченными. Существуют и противоположенные взгляды, согласно которой информационная стадия экономической системы характеризуется более гомогенной общественной структурой, где демократичный доступ к информации открывает возможности для обогащения при отсутствии накопленного капитала [20]. Синтетические модели [21] относят к субъектам информационной экономики “информационных собственников”, “новых профессионалов” и “информационных бедняков”.

На цифровой стадии развития экономики (постмодернизм И. Дзялошинского), трансформируется и социальная стратификация, элементами которой становятся “цифровая элита”, “цифровые аборигены”, “рожденные цифровыми” и “цифровые изгои”. На этой стадии наблюдается количественное [22] и качественное преобладание виртуальной жизни над реальной. Наряду с виртуализацией экономики

происходит и виртуализация социальных отношений: реальная коммуникация инфильтрует, ее замещает виртуальное социальное взаимодействие. Виртуальные двойники превосходят свои прототипы реального мира — они социально успешны и способны на более открытую коммуникацию.

Становление просьюмеризма, предсказанное Э. Тоффлером [6], начинается на информационной стадии развития экономики — создание блогосферой информационного медийного контента значительно доминирует над средствами массовой информации. Просьюмеризм совершает новый скачок на цифровой стадии развития экономики, когда все экономические агенты (и принадлежащие им устройства интернет вещей) становятся источником больших данных, приобретают и монетизируют соответствующие права собственности на цифровые данные.

На информационной стадии развития экономики информационные и геоинформационные технологии становятся основой сектора здравоохранения. А на цифровой стадии развития экономики телемедицина, киборгизация человеческого организма и биотехнологии открывают новые рынки человеческого бессмертия (запись виртуального двойника — носителя сознания на клонированный организм).

Пространственный подход, опираясь преимущественно на количественные характеристики данных, позиционирует передачу цифровых данных в пространстве как фактор «объединения местностей», который снижает экономические ограничения пространства и времени, влияет тем самым на организацию пространства.

Н. Зубаревич на основе центр-периферийной модели Джона Фридмана и на основе анализа факторов «второй природы» институциональной модели Пола Кругмана [23] делает заключение, что диффузия инноваций от центра к периферии в России ограничена дефицитом связующей инфраструктуры. Такое заключение объясняет, почему площадь цифровизированного экономического пространства меньше площади информатизированного экономического пространства, которая в свою очередь меньше площади индустириализированного экономического пространства.

В развитии пространственного подхода для определения перехода экономики на цифровую стадию предложим пространственно-структурную модель цифровой экономики (Рис. 2). Модель выделяет инфраструктурный уровень — фактор создания цифровых технологий на глобальном и национальном каркасах, а также фактор диффузии «цифровой экономики» от центра к периферии.

Предложенная **пространственно-структурная модель цифровой экономики** содержит простой критерий (необходимое условие) перехода экономики на цифровую стадию развития: оснащение точки пространства инфраструктурой доступа к технологиям больших данных является необходимым условием перехода экономики этой точки на стадию цифровой экономики.

Определение: инфраструктура больших данных (big data) это комплекс взаимосвязанных НИОКР, платформ (систем обработки), связующей инфраструктуры и сенсоров (последние – часть потребительской и промышленной электроники), которые обеспечивают производство, передачу, обработку и хранение неорганизованных цифровых данных. К недостаткам такого определения относится неопределенность минимального объема производимых данных, который в свою очередь зависит от прикладных экономических задач в данной точке пространства. В качестве альтернативного подхода к определению инфраструктуры больших данных можно предложить дефиницию на основе требования по функциональной целостности и непрерывности жизни виртуального двойника данной точки пространства.

Предложенные критерий и определение позволяют ответить на открытые вопросы к школе пространственного подхода: «Что есть точка входа в сеть?» и «Что первично – сеть или информационные потоки».

Ответом на вопрос локализации точки входа в сеть является интерфейс взаимодействия пользовательского или промышленного устройства (сенсоризированного) и связующей инфраструктуры. В настоящее время стеки таких интерфейсов включены в отраслевые документы – рекомендации.

На вопрос о первичности сети или информационных потоков в пространственном подходе к определению перехода на стадию цифровой экономики, предложенная модель отдает предпочтение «сети» (то есть инфраструктуре цифрового доступа), поскольку инфраструктура обработки и хранения больших данных де facto существует в «центре» и с ее формированием успешно справляются рыночные механизмы, а вот связующая инфраструктура от центра к периферии на территории России развита недостаточно.

Определение цифровой экономики через поддерживающую инфраструктуру совпадает с подходом Томаса Мезенебурга [24].

Общие черты и различия между информацией и данными как экономическими категориями.

К общим экономическим характеристикам информации и данных можно отнести ежегодное двукратное снижение себестоимости обработки информации (первый закон Мура) и производства данных (второй закон Мура); действие сетевого эффекта, т. е. увеличение ценности информации и цифровых данных для потребителя с увеличением количества потребителей; возникновение права собственности как на информацию, так и на данные.

Различие экономических характеристик между информацией и данными кроме количественных характеристик, заключается в стоимостных характеристиках, которые рассмотрены в теории асимметрии информации, а теория Я. Маршака [15], парадокс П. Даймонда, парадокс Стиглица имеют отношение к информации, но не распространяются на данные. Себестоимость данных в большей степени дегуманизирована и состоит преимущественно из издержек

на инфраструктуру. В цифровой экономике возникает новая «цепочка создания стоимости данных», звеньями которой выступают компании (операторы данных), занимающиеся сбором, обобщением, хранением, анализом и моделированием данных. Институт прав собственности на данные в цифровой экономике дополняется коллективными правами собственности на данные, а также фондами цифровых данных в качестве основы для создания нового «общего пространства цифровых данных» [3].

Ключевая характеристика информационного этапа развития экономической системы – децентрализация экономических систем, сетевизация институционального ядра экономики [25].

Ключевая характеристика цифрового этапа развития экономической системы: перераспределение экономической деятельности между материальным пространством и его цифровым двойником. В 1995 году американский ученый Николас Негропонте сформулировал концепцию цифровой экономики «двигайте биты, а не атомы», что означает перенос экономических операций из материального пространства в цифровое для снижения логистических издержек и прочих «недостатков» материального мира.

Технологические и отраслевые детерминанты информационной экономики и цифровой экономики. Исходя из пространственного подхода, мы рассматриваем (авторская позиция) цифровую экономику как стадию развития экономической системы, следующую после стадии информационной экономики и характеризующуюся множеством качественных изменений.

Технологическая среда цифровой экономики – это совокупность методов и средств продуцирования, регистрации, обработки, передачи, хранения и анализа цифровых данных в интересах ее пользователей. Такое определение дополняет синтетическое определение ИКТ [26] методами и средствами продуцирования и регистрации данных, поскольку они могут приобрести коммерческую привлекательность (стоимость) или социальную значимость в результате их контекстно-аналитической обработки, в то время как информация собирается по запросу для извлечения выгоды на основе известной модели монетизации.

Доклад о цифровой экономике [3] выделяет в структуре технологической среды собственно данные и цифровые платформы, использующие бизнес-модели, основанные на применении данных.

Федеральный проект “Цифровые технологии” утверждает перечень сквозных цифровых технологий: большие данные, нейротехнологии и искусственный интеллект, системы распределенного роста, квантовые технологии, новые производственные технологии, промышленный интернет, компоненты робототехники и сенсорика, технологии беспроводной связи, технологии виртуальной и дополненной реальностей.

Таким образом, сложность понятия цифровая экономика предполагает множественность подходов к её определению.

Пространственный подход к цифровой экономике как стадии развития экономической системы удобен для описания неоднородности экономической деятельности в пространстве и решения задачи по экономическому развитию периферийных территорий.

Предложенная пространственно-структурная модель цифровой экономики построена на концепции каркасно-сетевой структуры территории и институциональной теории Пола Кругмана в интерпретации Н. Зубаревич. Модель позволяет рационально разместить инфраструктурные элементы цифровой экономики в пространстве с точки зрения формирования инноваций и их трансфера на периферийные территории региона. Предложенная модель обеспечивает связанность и экономическую эффективность глобальной, национальной и региональной экономических систем.

Налицо зависимость инклузивности региональной экономики в национальную экономику от связующей центр-периферийной инфраструктуры. Суверенитет национальной цифровой экономики зависит от инфраструктуры НИОКР и цифровых платформ, которые обеспечивают конкурентоспособность национальных цепочек создания стоимости данных по отношению к глобальным цифровым платформам, заинтересованным в доступе к новым территориальным рынкам сырья данных.

Для перехода экономической системы на новую стадию развития необходима новая инфраструктура – новая технологическая среда. Маржинальный анализ и рыночный анализ [27] показывают, что рентабельность связующей инфраструктуры убывает, а величина спроса падает при удалении от каркаса расселения к периферийным территориям региона. В результате совокупная площадь территории, перешедшей на новую стадию развития экономической системы, сокращается. Описанные процессы поляризации типа экономической системы в пространстве приводят к новым виткам урбанизации – миграции населения с периферии регионов на каркас расселения и сжатия экономического пространства.

Литература

1. Стратегия научно-технического развития Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 01 декабря 2016 г. № 642. Паспорт национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации». Утвержден Советом при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).
2. Паспорт национального проекта “Цифровая экономика Российской Федерации”. Утвержден президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16).
3. UNCTAD, Digital Economy Report (United Nations publication, Geneva) https://unctad.org/m/ meetings/en/SessionalDocuments/cicldp54_ru.pdf
4. Махлун Ф. Производство и распространение знаний в США // М.: Прогресс. 1966. 462 с. («The Production and Distribution of Knowledge in the United States». 1962).
5. Корнейчук Б.В. Информационная экономика / Учебное пособие // СПб.: Питер, 2006. 400 с.

-
6. Тоффлер Э. Третья волна /The Third Wave, 1980 // М.: АСТ. 2010. 784 с.
 7. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Перевод с английского // Москва: Academia. 1999. 956 с.
 8. Лаппо Г. М. География городов // М.: Владос, 1997. 480 с. ISBN 5-691-00047-0. (обл.).
 9. Министерство цифрового развития РФ. Приказ об утверждении Концепции построения и развития узкополосных беспроводных сетей связи "Интернета вещей" на территории Российской Федерации. 2019.
 10. Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация // М.: Независимый институт социальной политики. 2010. 160 с.
 11. Friedman John. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela // MIT Press, 1966. 279 p.
 12. Белоусов Ю.В., Тимофеева О.И. Методология определения цифровой экономики // Мир новой экономики. 2019. № 13(3). С. 79–89.
 13. Уэбстер Ф. Теории информационного общества // М.: Аспект Пресс. 2004.
 14. Stigler G. The Economic of Information // Journal of Political Economy. 1961. Vol. 69, 3.
 15. Marchak J., Radner R. Economic Theory of Teams // Conn., 1972.
 16. Leclerc B., Cale J. Big Data. 2020. Routledge. 148 p.
 17. Газета "Коммерсантъ" № 205 от 08.11.2018. С. 10. Большие данные идут на выручку. Сотовые операторы меняют структуру доходов. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3793127>
 18. Big Data Market Published Date: Mar 2020 / Report Code: TC 1521 Marketsandmarket. Analysis. URL: <https://www.marketsandmarkets.com/Market-Reports/big-data-market-1068.html>;
 19. URL: <https://www.forbes.com/sites/louisecolumbus/2017/05/13/ibm-predicts-demand-for-data-scientists-will-soar-28-by-2020/#427b8e5c7e3b>
 20. Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society // Wash.: World Future Soc. 1983. 171 p.
 21. Ермаков М.А. Социальная структура информационного общества: синтетическая модель // Социум и власть. 2014. №4(48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-struktura-informatsionnogo-obschestva-sinteticheskaya-model> (дата обращения: 10.04.2020).
 22. <https://blog.globalwebindex.com/chart-of-the-day/social-media-captures-30-of-online-time/>
 23. Krugman P.R. Geography and Trade // MIT Press, Cambridge. MA. 1991.
 24. Mesenbourg T.L. Measuring the digital economy // United States Bureau of the Census. 2001. P. 190–197.
 25. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества // М.: Весь Мир, 2016. 344 с.
 26. Вершинская О.Н. Существующие Модели построения информационного общества // Информационное общество. 1999. С. 53–58.
 27. Шарифьянов Т.Ф. Расширение территориальных границ цифровой экономики // Вопросы региональной экономики. №1(42). 2020. С. 89–106.

Timur Sharifyanov (e-mail: timur.sharifyanov@gmail.com)
Independent researcher (Ufa, Russia)

SPATIAL APPROACH TO THE DEFINITION OF DIGITAL ECONOMY

The paper considers a spatial approach to the definition of the digital economy phenomenon. The author uses the methods of comparative and interdisciplinary analysis.

In the article a spatial-structural model of digital economy is proposed. The approach to designing such a model is infrastructurally determined and technologically neutral at the same time.

The spatial-structural model allows us to conclude that various spatial fragments of the national economic system have achieved different development stages. Such an economic system development stage depends on the availability and type of infrastructure. The paper justifies the criterion (i.e. the necessary condition) for the economic system transition to the digital stage of development, and the definition of “big data infrastructure”.

The research results are suitable for the purpose of spatial planning of infrastructural elements.

Keywords: digital economics, digital infrastructure, institutional regional studies, digital divide.

DOI: 10.31857/S020736760015393-1

© 2021

Михаил Жариков

доктор экономических наук, доцент, профессор департамента
мировых финансов Финансового университета при Правительстве РФ
(г. Москва, Россия)
(e-mail: michaelzharikoff@gmail.com)

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО КАНАЛА КОНКУРЕНЦИИ ВАЛЮТ ПО ЛИНИИ ЦИФРОВОГО ЮАНЯ

Тема актуальна в связи с массовым распространением цифровых валют и столкновением интересов государственной (централизованной) и частной (децентрализованной) валютных систем, а также задачами финансового контроля процесса функционирования эмиссии, использования и обращения денег в условиях тотальной цифровизации. Автор исследует новое направление интернационализации валюты через цифровую валюту и цифровые платежные системы, выступающие дополнительным элементом стабилизации развития экономики и в частности преодолевающие режим международных санкций. В статье на примере китайского юаня показаны современные направления развития мировой валютной системы на базе цифровой валюты центрального банка.

Ключевые слова: цифровой юань, канал конкуренции валют, платежная инфраструктура, вызовы цифровизации финансов, интернационализация валюты, цифровой шелковый путь, зона валютного сотрудничества, цифровой рубль, прямые расчеты, долларо- и юанецентрические валютные системы.

DOI: 10.31857/S020736760015394-2

Предпосылки эмиссии цифрового юаня. Выпуску цифрового юаня предшествовал период долговременной стабилизации обменного курса действующей национальной валюты Китая к доллару США. После 2015 г., когда страна столкнулась с массовым оттоком капитала, Центральный банк Китая стал постепенно переводить юань на мультивалютную орбиту и осуществлять мониторинг динамики юаня по отношению к 24 валютам развитых и развивающихся стран. Это означает переход юаня на режим мультивалютной корзины. Система обращения юаня характеризуется наступлением периода долговременной стабильности, которая является одновременно эффективной и проблематичной. Это связано с тем, что международные валютные рынки, как правило, воспринимают юань через призму его соотношения с самой значимой валютой в современной мировой валютной системе – долларом США. Поэтому падение юаня по курсу к доллару привлекло много внимания со стороны исследователей, особенно в конце мая 2020 г., когда Центральный банк Китая начал устанавливать ежедневно целевой (таргетируемый) обменный курс на уровне 7,13 юаней за доллар, что является самым слабым курсом, начиная с 2008 года.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Вследствие постоянно растущих трений, столкновений, конфликтов с США многие экономисты прогнозировали его дальнейшее обесценение, девальвацию, хотя юань укрепился к доллару на рубеже 2020–2021 гг. Однако ориентация только на доллар привела к тому, что при анализе перестали учитывать одно важное обстоятельство, а именно: в конце 2015 г. юань был привязан к корзине из 24 наиболее устойчивых валют стран мира, поэтому в дальнейшем потребовалось некоторое время, чтобы разработать механизм функционирования новой системы. Но очевидным стало другое, начиная с середины 2016 г. юань входит в число наиболее стабильных валют в мире, его реальный эффективный обменный курс, т.е. стоимость по отношению к валютам стран-торговых партнеров с поправкой на уровень всего на 0,2% инфляции увеличилась на протяжении последних четырех лет [1. С. 29–30].

Стабилизационная валютная политика проводилась Китаем также на основе расширения использования юаня во внешнеторговых сделках и в качестве резервного актива инвестиционных портфелей нерезидентов. Процесс расширения использования юаня в мировой валютной системе западные экономисты назвали интернационализацией. Есть мнение, что глобальный финансовый кризис заставил Китай начать реализацию задачи по интернационализации юаня для сокращения зависимости от доллара. Однако, несмотря на то что юань наращивает свое присутствие в международных расчетах, резервах и т.д., зависимость Китая от доллара, международной валютной системы, мировой торговли, передовых западных технологий в 2008–2021 гг. значительно возросла. Именно рост этой зависимости вызвал острую необходимость в рамках нового пятилетнего плана повысить качество национальных НИОКР, увеличить мощности производства ключевых компонентов для развития цифровой экономики, усилить экологизацию промышленности и т.д. Для достижения этих задач потребуется достаточно длительное время, поэтому как интернационализация юаня, так и продвижение цифрового юаня в международные платежные системы входят в комплекс целей сверхдолгосрочного порядка [2. С. 250–253].

Тем не менее западные специалисты всерьез рассматривают и более амбициозные задачи, включая выход юаня на позиции международной валюты, которая сопоставима с долларом как ключевой валютой. Некоторые экономисты прогнозируют, что юань станет валютой международного значения наряду с долларом в достаточно обозримой перспективе [3. С. 89–91]. Другие ученые подчеркивают роль финансовой глубины, необходимой для достижения международного признания валюты, и рассматривают интернационализацию юаня как цель сверхдолгосрочного порядка [4. С. 606–625]. Третьи утверждают, что потенциал юаня будет оставаться нереализованным до тех пор, пока Китай не предпримет более глубокие реформы в сфере финансов, движения капитала и торговли валютой [5. С. 346–350].

В пользу попыток Китая по интернационализации юаня свидетельствует ряд тенденций расширения его использования в разных сферах мировой экономики. Так, Центральный банк Китая заключил к настоящему времени 38 соглашений с own с центральными банками других стран. Эти соглашения способствуют развитию взаимной торговли между Китаем и его внешнеторговыми партнерами. Включение юаня в корзину СДР означает, что центральные банки разных стран мира могут использовать юань в диверсификации состава официальных резервов [6. С. 436–440].

С октября 2015 года Китай начал реализацию программы функционирования трансграничной межбанковской платежной системы (CIPS) для того, чтобы можно было конкурировать в сфере международных платежно-расчетных операций с Обществом всемирных межбанковских телекоммуникаций (SWIFT). Согласно национальному законодательству, юань можно акумулировать в офшорных зонах и центрах, например в Гонконге, а также в других финансовых центрах.

В 2013 г. была создана особая линия между Системой валовых расчетов в режиме реального времени, находящейся в управлении Органа кредитно-денежного регулирования Гонконга, и Системой финансовых расчетов Шеньчжэня.

Национальные финансовые рынки Китая становятся более открытыми и либеральными. Либерализации, в частности, способствовало создание систем Stock Connect и Bond Connect, которые устанавливают квоты и пределы участия резидентов и нерезидентов в капитале и обязательствах китайских компаний. Постепенно наблюдается тенденция либерализации этих квот и пределов. В результате торговля юанем стала более широкой.

Китаю принадлежит и инициатива по созданию нового международного финансового института – Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который начал работать в январе 2016 г. Доля Китая в уставном капитале этого банка составляет 30%. К 2018 г. доля юаня достигла 1,7% в международных резервах и юань вышел таким образом на шестое место в ряду валют развитых стран. В январе 2019 г. на юань приходилась 1,24% международных сделок в системе СВИФТ, т.е. он занял восьмое место в числе ведущих валют мира.

В 2020 г. китайская экономика проявила себя как наиболее устойчивая среди крупнейших стран мира. Доля Китая в мировом экспорте выросла, что ускорило рост его вклада в глобальную экономику. Это может способствовать дальнейшей, более глубокой интернационализации юаня. Однако этих условий недостаточно для реализации цели всеобщего выхода юаня на мировой рынок. Дальнейшая либерализация ограничений по текущим операциям с капиталом и административных барьеров при сделках с внутренним юанем является важным фактором роста доверия зарубежных инвесторов к юаню.

Использование национальной валюты для финансирования трансграничных сделок является услугой, которая, как правило, предоставляется международными организациями развития, чтобы сформировать пакет инструментов хеджирования валютного риска и рисков, которые связаны с использованием доллара.

Цифровой юань. Долгий путь Китая к интернационализации юаня может ускориться посредством цифрового юаня, что имеет существенное значение для экономики Китая и других стран мира. Поэтому прежде чем перейти к анализу цифрового юаня, необходимо рассмотреть развитие тенденций, которые обеспечивают передовую роль доллара в мировой экономике.

Появление новых цифровых технологий может стимулировать процесс интернационализации юаня. В 2014 г. Центральный банк Китая начал проводить исследования технологии распределенного реестра блокчейн и других финансовых технологий. В конце 2019 г., возможно, реагируя на появление криптовалюты Facebook, правительство Китая заявило о необходимости создания собственной цифровой финансовой платформы и выхода юаня на позиции лидера в сфере инноваций в рамках технологии блокчейн. Поэтому была начата разработка цифрового юаня как составной части политики государственного капитализма.

Официальные цифровые валюты, основанные на технологии распределенного реестра, могут привести к трансформации мировой валютной системы, к революции в сфере финансовых услуг, банковской деятельности и в глобальной финансовой инфраструктуре. Официальные цифровые валюты, создаваемые в ряде стран, находятся в настоящее время на разных стадиях разработки. Наиболее передовой опыт здесь принадлежит Китаю. Цифровой юань является более развитой валютой по сравнению с долларом. Федеральная резервная система США продвигается в этом направлении гораздо медленнее, чем Китай. Система государственного управления в США отличается от соответствующей китайской структуры в процессуальном и процедурном отношении, особенно по вопросам использования приватных данных.

Цифровой юань на централизованной платформе может привести к ускорению сделок в единицу времени на порядок быстрее возможностей существующей международной финансовой инфраструктуры, которая основана на долларе. Китайская политика может способствовать слиянию интересов государства и бизнеса в направлении ускоренного развития и выпуска цифрового юаня, преодолевая проблему использования частных данных и столкновения позиций многих политических партий по этому вопросу в развитых демократических странах.

В начале 2020 г. в Китае осуществлялись попытки апробации цифрового юаня на уровне отдельных городов и отдельных коммерческих предприятий. Китай добивается лидерства в технологии распределенного реестра и создании

официальной цифровой валюты. Потенциал слияния технологий искусственного интеллекта, цифровых платежей и распределенного реестра может укрепить экономические и стратегические позиции Китая в мире.

Значимость цифрового юаня для мировой валютной системы. В США понимают, что официальная цифровая валюта является привлекательным средством платежа в условиях действия экстерриториальных санкций. Поэтому США разрабатывают соответствующие меры, которые направлены на обеспечение их национальной безопасности и кибербезопасности в свете угрозы, исходящей от некоторых стран, стремящихся к преодолению санкционного давления.

США определяют виртуальную валюту как цифровое представление стоимости, функционирующее как средство обмена, единицы счета, накопления, платежа, существующее без особых гарантий конкретной юрисдикции и не являющееся законным средством платежа. Такое определение цифровой валюты включает понятие криптовалюты, виртуальной валюты, нефиатной валюты и цифровое представление о фиатной валюте. Например, в конце 2018 г. были приняты новые санкции к Ирану, включая ограничения операций с электронными кошельками для обмена биткойна на иранскую фиатную валюту. Чтобы установить корреспонденцию этих кошельков и лиц, которым они принадлежат, США ввели санкции и запретили резидентам заключать сделки купли-продажи с использованием венесуэльской Petro по той причине, что эта криптовалюта предназначена для преодоления американских санкций. Новые инструменты платежных операций в Иране работают для того, чтобы открыть систему Intech для экономических агентов из третьих стран. В 2019 г. Иран заявил о создании национальной виртуальной валюты. По данным СМИ, некоторые страны заинтересованы в использовании иранской виртуальной валюты в качестве средства преодоления санкций. Есть также информация, что эти страны намерены в будущем принимать платежи в иранской цифровой валюте.

Американские санкции распространяются на виртуальный обмен валют и банки, которые обрабатывают платежи с фиатными валютами в рамках биржевой валютной торговли. В 2014 г. были приняты поправки в Закон о пособничестве финансированию террористической и криминальной деятельности, в соответствии с которым все участники сделок с криптовалютами должны регистрироваться как предприятия, предоставляющие денежные услуги, требуя таким образом соблюдения жестких правил ведения отчетности по сделкам, считающимся подозрительными. Законодательство США требует, чтобы виртуальный обмен активами имел документальный характер и осуществлялся в сотрудничестве с компетентными органами. США стремятся обеспечить сокращение возможностей преодоления санкционного режима путем установления обязательств для бирж вести соответствующие отчетные данные и сотрудничать с властями.

В противном случае на них тоже будут распространяться соответствующие санкции.

Американские санкции оказывают существенное негативное влияние на Китай и все больше рассматриваются многими государствами как меры, выходящие за рамки международных соглашений. Одновременно цифровые валюты являются привлекательными для все большего числа стран, которые стремятся преодолеть санкции. Китай является наиболее успешной страной, которая сможет реализовать проект создания виртуальной официальной валюты.

Центральный банк Китая разрабатывает цифровую валюту и стратегии ее развития, по крайней мере, с 2014 г. с одобрения Госсовета Центральный банк ведет активное сотрудничество с финансовыми институтами Китая по созданию первой в мире официальной цифровой валюты, в результате чего он приобретет преимущества и первоходца, а также мировое лидерство в сфере финансовых технологий и инноваций. При этом Китай не создает проект по использованию и регулированию независимых криптовалют по аналогии с биткойном и не ставит перед собой задачу создания децентрализованных валют.

Цифровой юань будет централизованной валютой и находиться под контролем соответствующих органов, которые будут следить за ходом выпуска и обращения цифрового юаня в рамках национальной экономической политики посредством инструментов управления и контроля ресурсов сети Интернет на основе цензуры. Опасения по поводу проекта цифровой валюты Facebook вызвали необходимость разработки цифрового юаня, поскольку Китай не хочет стать объектом влияния со стороны американской компании. Криптовалюта Facebook будет обеспечена, по крайней мере, наполовину долларом, а также другими валютами, без участия юаня, что вызывает беспокойство со стороны китайских властей.

Успешная эмиссия и обращение официальной цифровой валюты обеспечит международное конкурентное преимущество, на основе которого Китай станет лидером в глобальной платежной системе. Цифровой юань первоначально пройдет апробацию на уровне национальной экономики, где можно будет добиться его широкого принятия, поскольку цифровые платежи в стране достаточно эффективно работают. Эффективное использование цифрового юаня в Китае может также способствовать интернационализации китайских мобильных платежных систем. Такие компании, как WeChat, AliPay, ставят перед собой цель выхода на международный рынок. Крупнейшая в мире платежная корпоративная система и одновременно государственная компания Китая UnionPay вышла на мировой рынок и работает в Бразилии, Японии, Израиле. Миллионы юридических лиц за пределами Китая принимают мобильные платежи через систему UnionPay. Правительство Китая предпринимает меры по защите этой компании от конкуренции как внутри страны, так и за рубежом, чтобы любой владелец кредитной карты

на планете имел доступ к платежной карточке UnionPay. В будущем эта компания планирует расширить предложение своих услуг для США.

Использование цифрового юаня в Китае будет этапом, после которого начнется использование цифрового юаня в трансграничных сделках и в других видах экономической деятельности, особенно в рамках инициативы «Один пояс – один путь» [7. С. 278–282]. Здесь также есть потенциал для использования кредитов в цифровом юане. Если цифровой юань будет использоваться в сделках вместе с возможностями реинвестирования доходов от этих сделок в другие активы и с учетом дальнейшей реформы китайских рынков капитала, то это будет существенным фактором, который ускорит дедолларизацию экономики и послужит в итоге этапом на пути к формированию юаноцентричной валютной зоны. Дополнительные выгоды будут создаваться за счет возможностей использования цифрового юаня в качестве объекта накопления и инвестиционного товара и как средства для преодоления санкций США [8. С. 430–448].

Перспективы укрепления позиций цифрового юаня в мировой валютной системе. США рассматривают усилия Китая по созданию цифровой валюты как будущего элемента юаноцентричной мировой валютной системы по следующим причинам. Во-первых, если Китай станет первой страной, которая начнет реализацию цифрового формата международных валютных отношений, то это даст ему возможность разработки своих стандартов и правил. Мир находится на пороге очень серьезных перемен в денежном обращении, кредитной и банковской деятельности [9. С. 6–13].

Статус страны-первоходца означает возникновение выгоды от установления стандартов, которые распространяются на валюту и электронные кошельки, включая такие аспекты, как приватность данных, кибербезопасность, транспарентность, мониторинг центральным банком, координация деятельности центральных банков, международный обмен информаций об уплате налогов и прочие вопросы кредитно-денежной и налогово-бюджетной политики государства. Если эти цели будут достигнуты, то Китай может начать устанавливать технологические правила во многих сферах глобальной экономики, которые регулируют политику использования и предоставления идей, ноу-хау, информации, данных, интеллектуальной собственности. Поэтому цифровой юань следует рассматривать в свете борьбы за гегемонию в мировой валютной системе. Это стратегия, которая преследует цель не только ликвидации роли доллара, но и более широком плане создания новой системы финансовых отношений и торговли. По сравнению с нынешней американоцентричной моделью глобального управления цифровой юань даст Китаю возможность формирования нового синоцентричного мирового порядка [10. С. 173–177].

Во-вторых, цифровой юань – не просто некая криптовалюта или частная валюта, как в случае с Facebook, основанная на корзине валют, его создание планируется как исключительно средство платежа или валюты, работающей

на основе господдержки, валюта, которая будет работать на правах настоящих денег, реализующих все свои функции. Как таковой юань сможет конвертироваться по счетам коммерческих банков или резервироваться в центральных банках. Цифровой юань и электронный кошелек, содержащий цифровой юань, потенциально может позволить обеспечить быструю, легкую передачу, перевод денежных средств. Продавцы и покупатели смогут относительно быстро осуществлять сделки без необходимости прибегать к услугам коммерческих банков, которые являются членами системы СВИФТ, в результате полностью ликвидируется риск действия американских санкций. Выгоды от цифровых денег заключаются в мгновенных денежных переводах, которые приведут к революционным изменениям в сфере финансов и экономики. Успех цифрового юаня позволит создать систему, в центре которой будет находиться Китай, и предполагает использование всеми участниками международных сделок новой валюты, обладающей свойствами мгновенной передачи, конвертации и учета.

В-третьих, использование цифрового юаня может создать основу платежей, которые будут привязаны к будущей системе Интернета вещей, поскольку цифровые валюты дают возможность совершения микроплатежей. Официальные цифровые валюты могут полностью ликвидировать проблему уклонения от уплаты налогов, отмывания денег, криминализации дохода и бизнеса, фальшивомонетничества. Цифровые валюты при полном контроле со стороны суворенного государства будут обеспечивать обмен большими объемами данных, которые можно будет впоследствии использовать для развития технологий искусственного интеллекта. Многие страны тогда смогут осуществлять мониторинг всей экономической деятельности и контролировать расходы потребителей на основе управления поведением. В случае доступности такой информации для кредитно-денежных учреждений возникнет существенное влияние на способность предоставления новых кредитов. Подобный мониторинг государства за обществом может приводить также к накоплению больших баз данных. В отношении валюты Facebook китайское правительство считает, что обращение любой цифровой валюты, связанной напрямую или косвенно с долларом, может создать ситуацию, когда официальные цифровые валюты будут co-существовать с американоцентричными цифровыми валютами, но фактически будет существовать только один управляющий – доллар и правительство США. Китай будет стремиться к обеспечению цифровому юаню роли глобального управляющего, чтобы создать благоприятные социально-экономические и политические факторы для дальнейшего развития Китая.

В мире под влиянием использования официального цифрового юаня может сформироваться новая мировая валюта, альтернативная доллару. Поэтому цифровой юань является приоритетом национальной экономической политики Китая и новым этапом на пути к интернационализации юаня. Цель Китая

по интернационализации юаня была поставлена еще до возникновения идеи о цифровой валюте. Китай реализует эту цель в течение последних десяти лет, чтобы продвигать юань в качестве альтернативы доллару. После мирового финансового кризиса 2008 г. Китай начал осуществлять политику дедолларизации экономики и стремиться к достижению диверсификации портфеля резервов, чтобы снизить зависимость от доллара. Но до сих пор усилия Китая хотя и дают некоторые позитивные результаты, пока не привели к созданию какого-либо сильного противовеса доллару [11. С. 62–64].

Нарастание процесса применения санкций и вмешательство в коммерческие интересы союзников США повышают стимулы поиска альтернативы. Некоторые государства будут искать альтернативы и для СВИФТ. В настоящее время имеется такая альтернатива – китайская система CIPS может стать основой денежных переводов в юанях в целом и цифровом юане в частности. В мире есть и другие альтернативные СВИФТ проекты. Так, в 2019 г. некоторые страны ЕС и Великобритания создали INSTEX – платежную систему, предназначенную для использования вместо СВИФТ. Система INSTEX позволяет осуществлять сделки без участия доллара, в частности с Ираном. Однако пока еще ни одна сделка не была реализована через нее, и эта система не достигла цели по созданию инструмента, позволяющего преодолевать санкционное давление США. По имеющимся данным, попытки ЕС выйти за рамки гегемонии американских санкций провалились. Санкции США практически полностью отключили Иран от международной финансовой архитектуры. США препятствуют ЕС путем установления санкций к компаниям за нарушение режима блокады Ирана. Китай – первое государство, предложившее конкретную альтернативу доллару [12. С. 2–10].

Однако одна только эмиссия цифрового юаня не приведет к достижению Китаем статуса гегемона в мировой валютной системе. Неограниченная свобода осуществления инвестиций, реализуемая мегасубъектами, имеющими долларовые резервы, является фактором противостояния возникающему юанецентричному валютному порядку. Юань не является полностью конвертируемой валютой, и жесткий контроль в Китае за операциями с текущим счетом движения капитала препятствует развитию внутреннего рынка капитала. Еще более значимая проблема состоит в том, что Китай не имеет такого безрискового юаневого актива, как облигации Казначейства США. Центральные банки многих стран мира, как правило, имеют резервы в виде безрисковых активов, выраженных в предпочтаемой валюте. В случае отсутствия такого актива они вынуждены резервировать твердую валюту, которая не приносит дохода в виде процента. Поскольку данная ситуация продолжает существовать, доля юаня в международных резервах будет продолжать сохраняться на низком уровне. Страны Азии тоже будут продолжать опираться на использование иены и доллара, а не юаня.

Для достижения статуса международной конкурентоспособной валюты необходимы серьезные реформы в области рынков капитала, недвижимости, иностранной валюты. Китайские рынки капитала недостаточно открыты по отношению к внешнему миру, и Китаю потребуется продолжать реформировать экономику, и давать разрешение иностранным субъектам осуществлять инвестиции в юанях на внутреннем рынке. Возможность беспрепятственных инвестиций, осуществление репатриации прибыли, полученной на территории Китая, а также свободная конвертация иностранной валюты являются фундаментальными компонентами создания юанецентричной модели мировой валютной системы. В Китае действуют ограничения и для отдельных физических лиц – нерезидентов, которым запрещено иметь на территории Китая имущество, обеспечивающее получение дохода. Нерезиденты, которые проживают и работают на территории Китая, не имеют права иметь в наличии более одного объекта жилищного капитала и не могут взимать с китайских жильцов арендную плату. Ограничения не создают стимулов хранить юань в качестве инвестиционного актива. Если Китай осуществит либерализацию финансового рынка и разрешит напрямую выходить на него резидентам и нерезидентам, то это может стать фактором дальнейшей интернационализации юаня и превращения его в конкурента мировым валютам. Китай также нуждается в укреплении доверия со стороны иностранных инвесторов по поводу того, что их права будут находиться под защитой независимой судебной системы, согласно международным соглашениям о защите прав инвесторов.

Важной привлекательной стороной использования доллара является существование эффективной, беспристрастной судебной системы, которая работает вне политики. Иностранные граждане представляют американскую систему судов как независимую, беспристрастную и способную предотвратить противоправные действия. Поэтому многие китайцы видят превосходство федеральной судебной системы США, которое создает стимулы для инвестиций в США и большой спрос на доллар. Китай должен стремиться к обеспечению юридических, правовых гарантий иностранным инвесторам наравне с резидентами, независимости судебных решений по коммерческим спорам.

В последние годы Китай создал эффективную систему кооперации и сотрудничества с развивающимися странами. Формирование новых альянсов развивающихся стран с ключевой ролью Китая создает стимулы работать с ним. Несмотря на широко распространенное мнение о том, что реализация вызова юаня к доллару потребует нескольких десятилетий, и о том, что Китаю необходимы внутренние реформы для дальнейшей интернационализации юаня, существует вероятность сокращения периода трансформации мировой финансовой архитектуры в пользу юанецентричной системы.

Литература

1. Аюпов А.А., Бадыкова А.Р. Специфика применения национальной криптовалюты в мировой экономике // Вестник ТИСБИ. 2020. № 4. С. 29–41.
2. Волобуева А.В., Паутов Г.В., Титов Ю.Е. Интернационализация юаня: движение к статусу мировой валюты // Экономика и предпринимательство. 2019. № 11(112). С. 250–253.
3. Голубева А.В. Восхождение юаня: как Китай готовится к роли мирового банкира // Новая наука: Проблемы и перспективы. 2016. № 7-1(91). С. 89–91.
4. Ермакова Е.П., Фролова Е.Е. Правовое регулирование цифрового банкинга в России и зарубежных странах (Европейский союз, США, КНР) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2019. № 46. С. 606–625.
5. Зиниша О.С., Алалян А.А. Китайский юань и американский доллар: борьба за лидерство // Аллея науки. 2018. Т. 3. № 5(21). С. 346–350.
6. Козловский В.В. Юань и его место в развивающейся мегаэкономике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 11. № 4. С. 436–440.
7. Лю И. "Цифровой шелковый путь" как инновационная основа глобального проекта "Один пояс, один путь" // Инновации и инвестиции. 2020. № 12. С. 278–282.
8. Маклакова Ю.А. Взаиморасчеты и интеграции: есть ли место для цифровой денежной единицы центрального банка? // Финансы и кредит. 2021. Т. 27. № 2(806). С. 430–448.
9. Митяев Д.А., Агеев А.И., Ершов М.В., Архипова В.В., Вэнъ В., Ли Ч., Цзинцзин Ц., Тин-тин Ч. Расчеты в национальных валютах между Китаем и Россией в постпандемийную эпоху: современное состояние, вызовы и перспективы. Часть II // Экономические стратегии. 2021. Т. 23. № 1(175). С. 6–13.
10. Потапов М.А. Когда юань станет мировой валютой? // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 173–177.
11. Тянь Ю. Эмпирическое исследование влияния риска финансовой системы Китая на процесс интернационализации юаня, основанное на модели VAR // Инновации и инвестиции. 2018. № 7. С. 62–64.
12. Янова С.Ю., Калугина Я.А., Киншин С.В. Цифровой рубль: перспективы и проблемы внедрения // Банковские услуги. 2021. № 2. С. 2–10.

Mikhail Zharikov (e-mail: michaelzharikoff@gmail.com)

Ph.D.in Economics, Professor,

World Finance Department, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

AN EMERGING NEW CURRENCY COMPETITION CHANNEL VIA THE DIGITAL YUAN

The topic is time-relevant due to mass proliferation of digital currencies and clashes between the interests of government-owned (centralized) and privately owned (de-centralized) systems of currency, and also due to the need for financial control over the money issue, use and circulation in the context of total digitization.

The author researches the new direction of currency internationalization via a digital currency and digital payment systems as a supplementary element for stabilizing eco-

nomic development, and particularly as a means of breaking through the regime of international sanctions. The article takes China's yuan as an example to show the present-day trends in the development of the world currency system based on the digital currency of a central bank.

Keywords: digital yuan, currency competition channel, payment infrastructure, challenges of digitization in finance, currency internationalization, digital belt and road initiative, the area of currency collaboration, digital ruble, direct settlements, dollar-and yuan-centric monetary system.

DOI: 10.31857/S020736760015394-2

© 2021

Светлана Адашкевич

(Вроцлавский экономический университет, Польша)

(e-mail: sviatlana.adashkevich@gmail.com)

АГРОПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС БЕЛАРУСИ: ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ВВП СТРАНЫ

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты места АПК в структуре экономики Беларуси и методы государственного управления АПК. Показано, что действующая практика анализа АПК лишь в ограниченной степени отражает реальность. Это создает проблемы оценки структурных преобразований, затрудняет выбор «локомотивов» экономического роста. С использованием метода анализа структурных и динамических преобразований, корреляционных связей делается вывод об ошибочности позиционирования АПК как фактора роста ВВП и о необходимости изменения политики в агропродовольственной сфере.

Ключевые слова: экономическая политика, АПК, структура, управление, анализ, проблемы, экономический рост.

DOI: 10.31857/S020736760014517-7

Реализация стратегии устойчивого социально-экономического развития Беларуси предполагает использование разнообразных мер в области регулирования хозяйственных комплексов. Поэтому критический анализ значимости хозяйственных комплексов, целесообразности выбора отраслевых «локомотивов» национальной экономики и их влияния на экономический рост страны весьма актуален.

Исходными данными для исследования явились материалы официальной статистики, государственные программы социально-экономического развития, документы в сфере аграрной политики. За цель исследования принята верификация гипотезы: агропромышленный комплекс не является фактором экономического роста Беларуси.

Понятие и история АПК Беларуси. В Беларуси общепризнанным считается, что агропромышленный комплекс – это важнейшая часть национальной экономики, так как на долю АПК приходится около 20% основных средств и 30% всех работающих в экономике, а удельный вес АПК в структуре валового внутреннего продукта (далее ВВП) составляет около 30% [1; 2; 3; 4]. Поэтому регулирование параметров его развития является очень важным направлением экономической политики.

Понятие АПК было введено в научный и производственный обиход в начале 50-х годов XX в. В широком смысле АПК – межотраслевой комплекс, объединяющий несколько отраслей экономики, осуществляющих производство и переработку сельскохозяйственного сырья и получение из него готовой

продукции. К АПК относят сельское хозяйство и отрасли промышленности, тесно связанные с сельскохозяйственным производством, осуществляющие перевозку, хранение, переработку сельскохозяйственной продукции, поставку её потребителям, обеспечивающие сельское хозяйство техникой, химикатами и удобрениями, обслуживающие сельскохозяйственное производство. Распространенным также является мнение о том, что в АПК участвует большое число отраслей – от 10 до 80 отраслей экономики [2; 5; 6].

Исследование места АПК в экономике Беларуси стоит начать с изучения вопросов историко-экономического генезиса, что невозможно без учета советского наследия республики.

Распространенным является мнение о том, что начало АПК положено в 70-е годы XX века, когда с целью насыщения рынка продовольствием в СССР были приняты меры, способствующие активизации процессов интеграции колхозов и совхозов с предприятиями промышленности. Однако еще задолго до этого – в 1926 г. в ходе реализации принципов новой экономической политики в СССР была выработана «особая директива о развитии кооперации в переработке сельскохозяйственных продуктов путем передачи сельскохозяйственной кооперации ряда государственных предприятий». Директива привела к созданию предприятий нового типа – агроиндустримальных комбинатов (АИК). В рамках АИК соединялись процессы производства сырья, его переработка, реализация, в результате чего значительно повысилась эффективность работы по сравнению с ранее существовавшими кооперативами [7]. Позднее для регулирования деятельности АИК стали использоваться антирыночные принципы. В итоге VI съезд Советов объявил создание совхозно-колхозных комбинатов нарушением политики советской власти, и в 1931 г. АИК завершили свое существование. Более того, в 1938 г. в СССР было принято постановление Совнаркома «О незаконной организации при колхозах промышленных предприятий», что поставило вне закона аграрно-индустриальную интеграцию вообще. Этим решением правительство на долгие годы прервало органичные связи сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности [8]. Таким образом, идея создания прототипа АПК на практике реализована не была.

Отношение к процессам интеграции сельского хозяйства и пищевой промышленности в истории Беларуси менялось неоднократно. В 60–70-е гг. XX века стало очевидным, что насытить рынок продовольствием можно только путем технологического объединения сельскохозяйственных и промышленных отраслей. Несмотря на то, что период с 1970 г. по 1985 г. принято называть “застойным” для советской, в том числе и белорусской, экономики, началась небывалая диверсификация промышленности в сырьевые зоны, были построены крупные межотраслевые комплексы. Можно сказать, что в этот период в Беларуси интеграция сельского хозяйства и пищевой промышленности приобрела черты хозяйственного комплекса.

В 80-е годы развитие АПК осуществлялось путем создания районных агропромышленных объединений. В то время в республике было создано 196 агрокомбинатов, 195 агропромышленных объединений, 107 агрофирм [11]. Однако эти процессы осуществлялись на принципах командно-административного управления, что препятствовало развитию АПК. Низкая экономическая ответственность и неадаптированность новых хозяйственных образований к рынку привели к их разрушению.

В начале 90-х гг. началась трансформация экономической модели Республики Беларусь, которая была в основном направлена на разрушение всего созданного ранее. Многие сельскохозяйственные и перерабатывающие предприятия находились в кризисном экономическом состоянии. Начало этого десятилетия характеризовалось отсутствием проработанной аграрной политики и видения перспективной модели АПК [1]. Однако уже в 1996 г. была принята Госпрограмма реформирования АПК, определившая вектор развития сельского хозяйства и его переход к рыночной экономике [9].

В 2001 г. развитие АПК осуществлялось на основе положений принятой Программы совершенствования АПК на 2001–2005 гг., которая определила основные направления интенсификации сельского хозяйства и пищевой промышленности [10]. Считается, что в это период начался этап экономического оздоровления и стабилизации АПК [1].

Началом нового этапа в истории белорусского АПК стал 2005 г., когда была принята Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 гг., с которой связана системная проработка стратегии роста эффективности АПК [11]. Взят ориентир на строительство агрогородков – образцовых населенных пунктов, курс на крупнотоварное производство. В ходе реализации Программы создано 1280 агрогородков. По заданию Программы планировалось охватить 1051 молочно-товарную ферму, 103 комплекса по откорму крупного рогатого скота и 51 птицефабрику. Задание это было значительно перевыполнено [1].

Особенностью этого периода являлась реализация ряда указов Президента Республики Беларусь о порядке и условиях присоединения, продажи низкорентабельных сельхозорганизаций, сутью чего являлась передача (присоединение или продажа) убыточных колхозов и совхозов экономически состоятельным субъектам. Процессом структурных преобразований в период с 2004 г. по 2009 г. было охвачено 828 организаций (табл. 1).

Эволюция АПК Беларуси в начале XXI века носила черты перераспределения собственности и централизации управления. В этих процессах активно участвовали предприятия пищевой промышленности, которые укрупнялись путем включения сельскохозяйственных организаций в свои имущественные комплексы. Этот механизм чаще всего представлял собой продажу или присоединение мелких сельхозпроизводителей к крупным сельскохозяйственным

или промышленным предприятиям (88,7% и 10,7% всех имущественных преобразований соответственно). Хозяйствующие субъекты, которые стали экономическими центрами новых крупных образований, получили название предприятий-интеграторов. Такие комплексы сформировали основу АПК Беларусь в ее новейшей истории.

Таблица 1

**Объединение сельскохозяйственных организаций Беларусь
в 2004–2009 гг.**

Область	Присоединение	Продажа	Ликвидация
Брестская	73	4	—
Витебская	148	10	—
Гродненская	76	5	—
Гомельская	165	12	—
Минская	146	51	—
Могилевская	126	7	5
Итого	734	89	5

Источник: разработка автора по [12].

Считается, что принятые в первом десятилетии XXI века меры белорусского правительства по имущественной и финансовой реструктуризации сельскохозяйственных предприятий оказались весьма своевременными и эффективными. В итоге преобразований число сельскохозяйственных организаций сократилось вдвое, производство сосредоточилось в крупных кооперативах и акционерных обществах, на долю которых приходилось к концу 2010 г. свыше 90% товарной продукции сельского хозяйства [1].

Дальнейшее развитие АПК осуществлялось путем реализации Государственной программы устойчивого развития села на 2011–2015 гг. [13]. Основные задачи этого этапа – повышение экономической эффективности АПК, его экспортного потенциала, развитие социальной сферы села. Однако в ходе реализации Программы оказалось, что действующие механизмы роста валовой продукции не способны решить проблему низкой экономической эффективности сельскохозяйственных предприятий. По этой причине принято решение о разработке Госпрограммы развития агробизнеса на 2016–2020 гг. [14]. По своей сути это новая политика, целью которой являлся перевод производственных отношений в АПК на новый уровень с целью роста эффективности.

В настоящее время развитие АПК связано с решением задач обеспечения продовольственной безопасности, для чего принята Доктрина национальной

продовольственной безопасности до 2030 г., которая предусматривает необходимость ежегодного прироста производства сельхозпродукции не менее 3–4% [15].

Таким образом, в истории АПК можно выделить важнейшие этапы (табл. 2).

Таблица 2
Этапы в развитии АПК Беларуси

Этап	Период	Характеристика
Этап I	1970-е годы	Начало агропромышленной интеграции.
Этап II	1980-е годы	Активное развитие АПК, создание агрофирм, агрокомбинатов.
Этап III	1990-е годы	Трансформация модели развития страны, разрушение старой модели АПК.
Этап IV	2000-е годы	Реформирование и оздоровление АПК, строительство агрогородков, курс на крупнотоварное производство.
Этап V	2010-е годы	Курс на повышение экономической эффективности и экспортного потенциала АПК.

Источник: разработка автора по [1; 2; 3].

Исследование показывает, что в разные периоды истории страны АПК являлся и остается объектом управления со стороны государства. При этом обнаружена проблема – отсутствие обоснования или хотя бы описания причин, почему именно АПК является объектом централизованного планирования. Ведь считается, что национальная экономика Беларуси – это совокупность шести хозяйственных комплексов – агропромышленный комплекс, промышленный, строительный, транспорт и связь, комплекс социально-потребительский и комплекс социально-культурных отраслей [16]. Однако лишь в отношении АПК целевые установки и параметры закрепляются в государственных программах, принимаемых Советом Министров, и в указах Президента Беларуси.

Состав АПК Беларуси. В разные периоды своей истории и на разных этапах экономического развития страны АПК являлся и остается объектом внимания и управления со стороны государства. Регулирование АПК осуществляется посредством разработки и реализации госпрограмм, которые предусматривают целевые установки, параметры и направления развития АПК. Однако на этапе изучения содержательной части государственных программ обнаруживаются проблема – неопределенность объекта планирования, или иначе – состава АПК.

Изучение стратегии развития АПК показывает, что в качестве смежных отраслей государством рассматриваются лишь сельское хозяйство и отрасли пищевой промышленности, что вступает в некоторое несоответствие с содержанием литературы по теме исследования.

Традиционно считается, что АПК Беларуси состоит из трех сфер:

- 1) отрасли, производящие средства производства для звеньев АПК;
- 2) сельское хозяйство;

3) отрасли, обеспечивающие доведение сельскохозяйственной продукции до потребителя (Рис. 1).

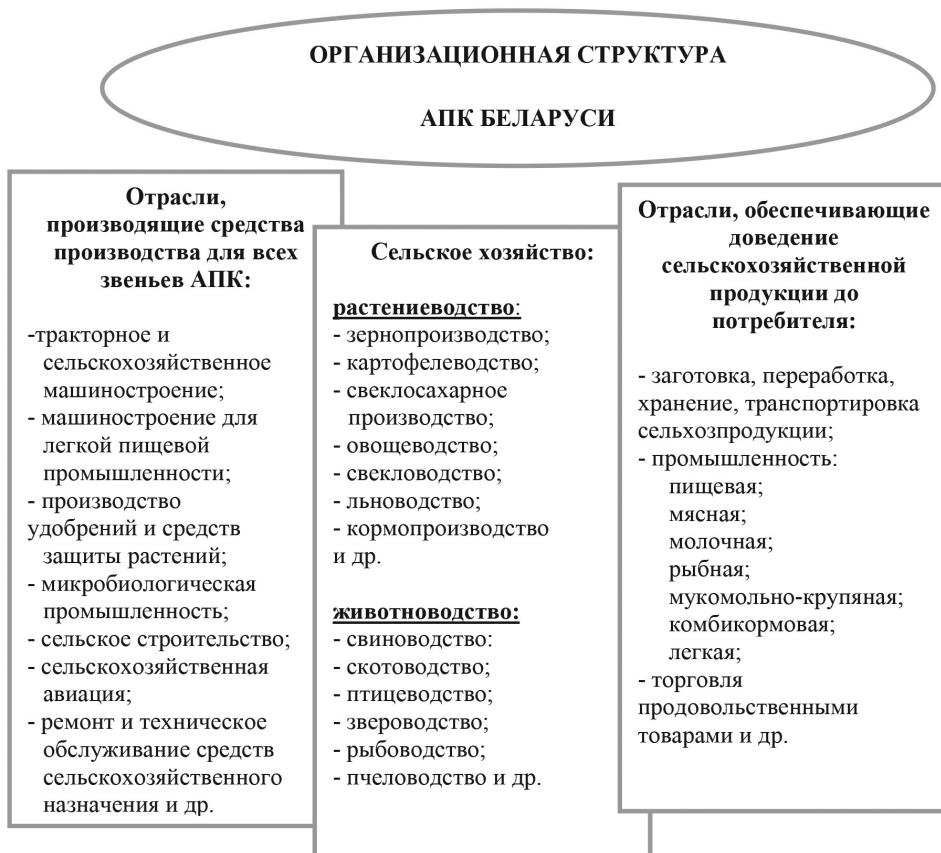

Рис. 1. Организационная структура АПК Беларуси

Источник: разработка автора по [2; 5; 6].

Рисунок 1 характеризует участников цепи «производство средств производства для сельского хозяйства – производство сельхозпродукции – переработка и реализация продукции аграрного происхождения». Считается, что в первой сфере производится около 20% продукции АПК, во второй сфере свыше 50%, в третьей сфере менее 30% [2]. Некоторые авторы дополняют этот состав четвертой сферой – социальной инфраструктурой АПК [5; 6].

В литературе встречаются сведения о том, что в АПК производится около 27% валовой продукции (из них доля сельского хозяйства – 53,4%, пищевой промышленности – 22,7%, строительства – 10,5%, мукомольно-крупяной и комбикормовой промышленности – 6,4%, легкой – 2% и т.д.), АПК формирует третью часть национального дохода, в нем занято 1,5 млн чел [6].

Исследование позволяет подвергнуть сомнению как приведенную на Рис. 1 структуру АПК, так и показатели, характеризующие вклад АПК в экономику. Эти сомнения объясняются наличием методологических проблем, с которыми неизбежно сталкивается исследователь, при оценке элементов АПК: если продукцию растениеводства и животноводства определить несложно, то долю строительных работ, легкой промышленности или торговли в составе АПК определить затруднительно. Предприятия первой и третьей сфер являются многофункциональными. Строительные работы, выполненные для сельскохозяйственного предприятия или городского пляжа, с точки зрения национального учета будут, отнесены к одной группе. При оценке продукции машиностроения для легкой промышленности (например, для текстильной) невозможно определить его будущее использование: для производства ткани из отечественного льноволокна (т.е. на основе сырьевой цепочки АПК) или импортного. Классификационные группы в Системе национальных счетов (СНС) не отражают аграрного происхождения продукта, на основании чего делается вывод: система учета продукта на уровне макроэкономики не позволяет дать оценку не только по сферам, но и по АПК в целом.

Очевидным является необходимость определения дефинитивных границ АПК, его состава и структуры. С этой целью обратимся к содержанию экономической политики в этой сфере. На начальном этапе исследования была принята установка, что хозяйствственный комплекс – это нечто целое, состоящее из набора элементов, которые, вступая во взаимодействие, образуют систему. Направление развития этой системы формирует некий центр принятия решений.

Как было отмечено ранее, в Беларуси функции управления АПК выполняет государство. Параметры развития АПК задаются Госпрограммами, важнейшие из которых (кроме уже упомянутых) – Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития до 2030 г. и Государственная программа социально-экономического развития до 2020 г. [17; 18]. В перечисленных программах термин «АПК» встречается многократно, однако состав комплекса не определен. Поэтому не ясно, что именно является объектом планирования и управления. Анализ содержания госпрограмм приводит к заключению, что термин АПК употребляется не в контексте системы взаимосвязанных отраслей (что подразумевает понятие хозяйственного комплекса), а лишь в контексте параметров развития самостоятельных ВЭД – сельского хозяйства и пищевой промышленности. В целом можно говорить, что концепция государственного стратегического планирования обнаруживает нерешенность проблемы целеполагания: 1) отсутствие четкого понимания состава АПК; 2) отсутствие параметров развития АПК как для межотраслевой хозяйственной системы.

Исходной установкой при корректировке состава АПК принято условие, что любой хозяйствственный комплекс представляет собой нечто целое, состоящее из

набора элементов. Элементы хозяйственного комплекса, вступая во взаимодействие между собой, образуют систему. Для того чтобы задать определенной системе направление развития, должен существовать центр принятия решений. В Беларуси центром управления АПК является государство (в лице Совета Министров и Президента), а аграрная политика определена как одно из направлений экономической политики. Параметры развития хозяйственных комплексов задаются Государственными программами, одна из которых – Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 г. (НСУР-30) [17]. Анализ содержания этого документа обнаруживает, что фактически АПК как система отраслей не является объектом планирования, термин «АПК» упоминается многократно, однако при описании элементов АПК речь идет лишь об аддитивных элементах экономики – сельском хозяйстве и пищевой промышленности. Машиностроение, производство удобрений и прочие отрасли первой сферы (Рис. 1) в показателях развития АПК отражения не нашли.

Другой важный документ – Госпрограмма социально-экономического развития Беларуси на период до 2020 г., разработанная в соответствии с Законом РБ от 05.05.1998 г. «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития РБ», также не определяет показатели развития АПК [18]. Термин «АПК» упоминается лишь в контексте определения параметров развития сельского хозяйства и пищевой промышленности.

Думается, что допустимо сделать вывод о несовершенстве целеполагания в государственном стратегическом планировании, так как отсутствуют целевые параметры развития АПК как для трехсекторной (или четырехсекторной) хозяйственной системы, так и системы вообще. Понятие АПК (как хозяйственного комплекса) отождествляется с сельским хозяйством и пищевой промышленностью (т.е. отраслями национальной экономики). Можно также говорить о выявленных противоречиях: теоретически АПК представляется как многосекторная и многоотраслевая система, а практически государство (в лице Совета Министров и Президента страны) трактует АПК как две независимые отрасли (или ВЭД) – сельское хозяйство и пищевую промышленность.

Как известно, планирование является важнейшим элементом управления. Но в ходе стратегического планирования целевые показатели для АПК как для целостной хозяйственной системы (объем производства, численность занятых, рентабельность и др.) не определяются, из чего следует, что АПК не является объектом государственного управления.

Для устранения выявленной проблемы предлагается внести некоторые поправки в категориальный аппарат. Под АПК Беларуси следует понимать агропродовольственную сферу (далее АПС), которую образуют сельское хозяйство, рыбохозяйственная деятельность и пищевая промышленность (Рис. 2).

Рис. 2. Отраслевой состав агропродовольственной сферы

Источник: разработка автора.

Основу агропродовольственной сферы Беларуси образуют сельское хозяйство и пищевая промышленность. Между этими отраслями сложились традиционные интеграционные связи, объясняющиеся тем, что пищевая промышленность базируется на местных ресурсах аграрного происхождения. Тем не менее эти связи не сформировали хозяйственную систему, так как отсутствует единый для системы вектор развития и общие для хозяйственного комплекса параметры. В силу своей ответственности за продовольственную безопасность эти отрасли регулируются государством. Нет сомнения, что и другие отрасли, не отраженные на Рис. 2, оказывают влияние на АПС страны. Происходит это потому, что отрасли являются элементами большой системы, имя которой не АПК, а национальная экономика Беларуси.

Исследование показывает, что учебно-методическая литература в части представления организационно-отраслевой структуры АПК вступает в противоречие не только с нормативной базой его функционирования, но и с системой национального счетоводства. Беларусь, являясь субъектом международных экономических отношений, с 2011 г. ведет учет макроэкономических результатов не по отраслевому признаку, а по признаку вида экономической деятельности (ВЭД). Поэтому можно представить состав агропродовольственной сферы Беларуси с учетом ВЭД, относящихся к сельскому хозяйству и пищевой промышленности (табл. 3).

Как показывает табл. 3, в соответствии с СНС в составе агропродовольственной сферы можно выделить две секции – А и СА. Секция А представлена сельским хозяйством (растениеводством, животноводством) и рыбохозяйственной деятельностью (рыбоводством и рыболовством). Секция СА в составе агропродовольственной сферы Беларуси – это производство пищевых продуктов и кормов для животных.

Элементы секции СА могут быть не связаны с белорусским сельским хозяйством, как, например, производство табачных изделий, рыбоконсервное производство, производство виноградных вин (в составе напитков) и др.

Таблица 3

Состав АПС Беларуси по видам экономической деятельности

Сельское хозяйство		
Секция	Код ВЭД	Вид деятельности
A	011	Выращивание одно- или двухлетних культур.
	012	Выращивание многолетних культур.
	013	Производство продукции питомников.
	014	Животноводство.
	015	Смешанное сельское хозяйство.
	016	Деятельность, способствующая выращиванию сельскохозяйственных культур и разведению животных.
	031, 032	Рыбоводство и рыболовство.
Производство продуктов питания		
СА	101	Переработка и консервирование мяса и мясосодержащей продукции.
	102	Переработка и консервирование рыбы.
	103	Переработка и консервирование фруктов и овощей.
	104	Производство растительных и животных масел и жиров.
	105	Производство молочных продуктов.
	106	Производство мукомольно-крупяных продуктов, крахмалов.
	107	Производство хлебобулочных, макаронных и мучных изделий.
	108	Производство прочих продуктов питания.
	109	Производство готовых кормов для животных.
	110	Производство напитков.

Источник: разработка автора по [19].

Предложенная в табл. 3 классификация АПС в полной мере соответствует действующей системе национального статистического учета, характеризуется однозначным составом и может быть адаптирована для международных сравнений.

На следующем этапе исследования стоит задача ответить на вопрос, является ли сельское хозяйство и пищевая промышленность хозяйственным комплексом. С этой целью проведен анализ взаимосвязей между показателями динамики производства в сельском хозяйстве и пищевой промышленности Беларуси (Рис. 3).

На Рис. 3 представлены результаты наблюдений, которые иллюстрируют темпы роста валовой продукции изучаемых отраслей за 20-летний период. Исходя из логики взаимосвязи сельского хозяйства и пищевой промышленности, составлена модель, позволяющая определить зависимость темпов роста валовой продукции пищевой промышленности (y) от темпов роста продукции сельского хозяйства (x). На этапе спецификации была выбрана парная линейная регрессия. Оценены её параметры методом наименьших квадратов.

Получено эмпирическое уравнение регрессии и эмпирические коэффициенты регрессии:

$$y = 0.5117 x + 52.3929$$

$$b = 0.5117, a = 52.3929$$

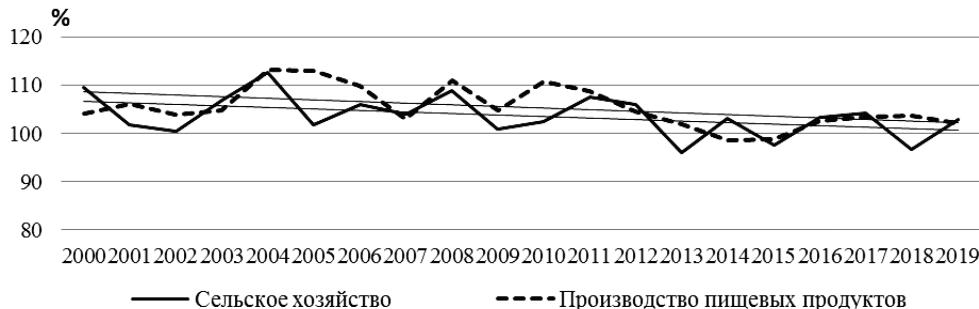

Рис. 3. Темпы роста производства сельского хозяйства и пищевой промышленности Беларуси

Источник: разработка автора по [20, 21].

Интерпретировать результаты корреляционно-регрессионного анализа можно следующим образом: увеличение темпов роста продукции сельского хозяйства на 1% приводит к увеличению темпов роста продукции пищевой промышленности в среднем на 0,51 %. Установлено также, что параметры модели статистически значимы, связь между темпами роста в сельском хозяйстве и пищевой промышленности прямая и в соответствии со шкалой Чеддока может быть оценена как заметная (в случае наличия системных связей, присущих хозяйственному комплексу, связь была бы высокая или весьма высокая). Статистическая значимость уравнения проверена с помощью коэффициента детерминации и критерия Фишера. Установлено, что в период 2000–2019 гг. вариабельность темпов роста пищевой промышленности лишь на 25,77% объясняется вариабельностью темпов роста сельского хозяйства, что подтверждает выдвинутую гипотезу об отсутствии системных связей между сельским хозяйством и пищевой промышленностью.

На начальном этапе исследования было поставлено под сомнение распространенное мнение о том, что самый высокий уровень интеграции характерен для АПК Беларуси [1; 2]. Результаты корреляционно-регрессионного анализа не выявили связей, характерных для хозяйственных комплексов. Таким образом, исследование позволяет признать доказанной гипотезу о том, что в Беларуси АПК в понимании системы высокointегрированных отраслей не сформировался. Использование термина «АПК» является некорректным, так как подразумевает не хозяйственный комплекс, а сельское хозяйство страны и пищевую промышленность. Для устранения этой проблемы предлагается термин агропродовольственная сфера Беларуси, границы которой четко

и однозначно можно очертить на основе СНС и действующей в стране системы статистического учета.

Эффективность политики в агропродовольственной сфере. Рис. 4 показывает удельный вес изучаемых отраслей в структуре ВВП Беларуси в период с 1990 г. по 2019 г.

Как можно увидеть, доля сельского хозяйства в ВВП Беларуси в 2019 г. составляла 6,8% против 22,7% в 1990 г., пищевой промышленности – 6,1% вместо 5,6% соответственно. Совокупная доля изучаемых отраслей в 2019 г. 12,9% против 28,3% в 1990 г.

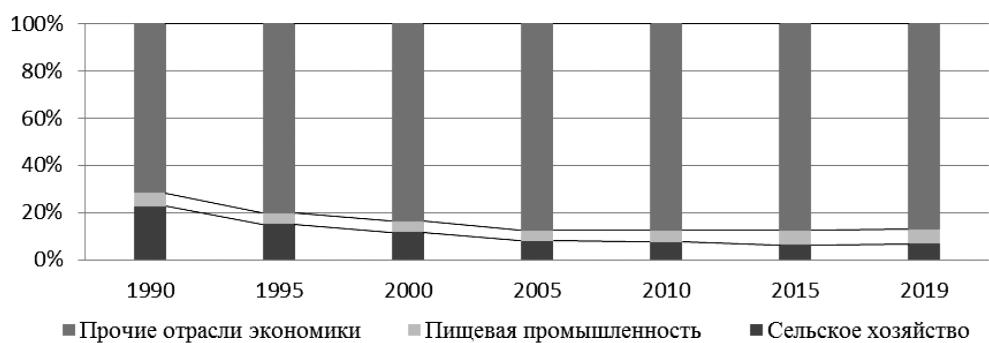

Рис.4. Сельское хозяйство и пищевая промышленность в структуре ВВП Беларуси

Источник: разработка автора по данным [20, 21].

С целью исследования степени влияния сельского хозяйства и пищевой промышленности на экономический рост Беларуси были исследованы взаимосвязи между темпами роста ВВП (у) и темпами роста в сельском хозяйстве (x_1) и пищевой промышленности (x_2). Для того чтобы модель была максимально верифицирована, введен третий фактор, который представляет собой агрегированный темп роста всех отраслей экономики за минусом сельского хозяйства и пищевой промышленности (x_3):

$$y = x_1 y_1 + x_2 y_2 + x_3 y_3 \quad (1), \text{ где:}$$

у – темп роста ВВП Республики Беларусь к предыдущему году;

y_1 , y_2 , y_3 – темпы роста производства в сельском хозяйстве, пищевой промышленности и группе прочих отраслей соответственно;

x_1 , x_2 , x_3 – удельные веса сельского хозяйства, пищевой промышленности и группы прочих отраслей соответственно в ВВП.

Методом корреляционно-регрессионного анализа проверено, какая из независимых переменных (темперы роста сельского хозяйства, пищевой промышленности или агрегированной группы прочих отраслей) делает наибольший вклад в темп роста ВВП. В результате расчетов получено уравнение множественной регрессии:

$$y = 2.781 + 0.06134x_1 + 0.0271x_2 + 0.8842x_3.$$

Дадим экономическую интерпретацию параметров модели:

- 1) увеличение темпа роста сельскохозяйственной продукции на 1% приводит к увеличению темпа роста ВВП в среднем на 0,0613%;
- 2) увеличение темпа роста продукции пищевой промышленности на 1% приводит к увеличению темпа роста ВВП на 0,0271%;
- 3) увеличение на 1% темпа роста в группе прочих отраслей приводит к увеличению темпа роста ВВП в среднем на 0,884%.

На основании полученных результатов анализа сделаем вывод: отрасли агропродовольственной сферы не оказывают существенного влияния на темпы экономики Республики Беларусь.

Как было выявлено ранее, Государственной программой социально-экономического развития до 2020 г. предусмотрен рост продукции животноводства в 2020 г. на 18,3% по сравнению с 2015 г., продукции растениеводства на 9,3% [18]. С учетом сложившейся структуры сельского хозяйства Беларуси, при которой животноводство занимает 54%, а растениеводство 46%, можно определить, что государством запланирован прирост сельского хозяйства на уровне 14% за пятилетие, что соответствует 1,7% ежегодного прироста. Исходя из прогнозных показателей развития отрасли и полученной модели множественной регрессии, несложно определить, что при выполнении ГПСЭР по показателям развития сельского хозяйства республика получит лишь 0,1% прироста ВВП.

Сельское хозяйство и пищевая промышленность – уникальные отрасли. Нет других отраслей, способных их заменить. Их важность не зависит от уровня экономического развития или ресурсного потенциала страны. Не существует человеческого сообщества, в котором бы не заботились о продовольствии. Несмотря на то, что по мере развития стран доля агропродовольственного сектора в ВВП уменьшается, объем производства растет. Этот процесс будет происходить всегда, даже если однажды в Беларуси будет взят курс на децентрализацию агропродовольственной сферы. Однако следует признать, что в условиях современности, когда республика находится на постиндустриальной стадии развития, факторы обеспечения продовольственной безопасности уже не являются факторами экономического роста. Этому есть объяснение.

Теоретически под отраслевой специализацией понимается более высокий уровень концентрации отрасли по сравнению с параметрами других отраслей. То есть отрасли специализации имеют более высокую долю продукции, обладают теми или иными преимуществами [13]. В структуре ВВП сельское хозяйство и пищевая промышленность действительно находятся среди лидирующих отраслей (Рис. 5).

Рис. 5. Отрасли агропродовольственной сферы в ВВП в 2019 г.

Источник: разработка автора по [20, 21].

Как показывает Рис. 5, сельское хозяйство в 2019 г. составляло 6,8%, а пищевая промышленность – 6,2% в структуре ВВП. Кроме того, пищевая промышленность является крупнейшей отраслью промышленности – 24% промышленной продукции в 2019 г.

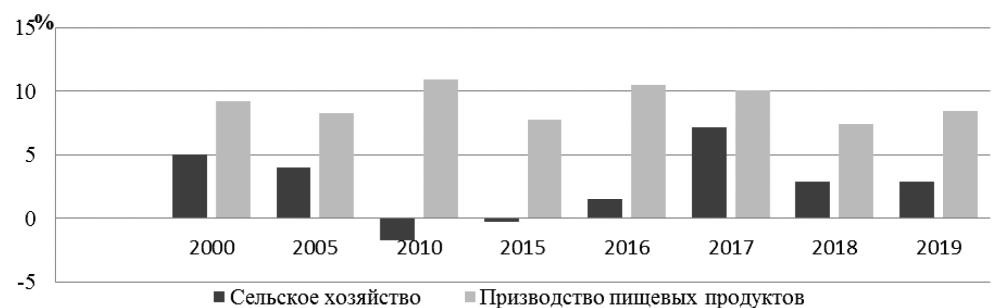

Рис. 6. Рентабельность продаж в отраслях агропродовольственной сферы

Источник: разработка автора по [20, 21].

Пищевая промышленность является крупнейшей отраслью промышленности – 24% промышленной продукции в 2019 г. Отрасль является крупнейшей по объему промышленного производства за последнее десятилетие. С точки зрения валовых показателей специализация экономики в агропродовольственной сфере оправдана, чего нельзя сказать, опираясь на составляющие экономической эффективности. Как показывает Рис. 6, уровень рентабельности в сельском хозяйстве (по сельскохозяйственным организациям без учета фермерских хозяйств) составил в 2019 г. 2,9%, наивысший уровень (7,2%) был достигнут в 2017 г.

Пищевая промышленность характеризуется более высокими финансовыми результатами. Рентабельность продаж колеблется от 7,4% в 2018 г. до 10,9% в 2010 г. Однако едва ли это может обеспечить возможности расширенного воспроизводства в отрасли.

В ходе исследования все же удалось найти черты комплекса между отраслями агропродовольственной сферы Беларуси. Рис. 7 иллюстрирует рост убыточности как сельскохозяйственных организаций, так и предприятий

пищевой промышленности. В 2018 г. около 18% сельскохозяйственных организаций и 28,3% предприятий пищевой промышленности были убыточными. В сравнении с 2011 г. финансовые результаты предприятий, несмотря на активное государственное управление, значительно ухудшились. Все это ставит под сомнение: 1) отраслевые преимущества, на базе которых можно рассматривать эти отрасли в качестве факторов экономического роста; 2) эффективность государственного регулирования агропродовольственной сферы Беларуси.

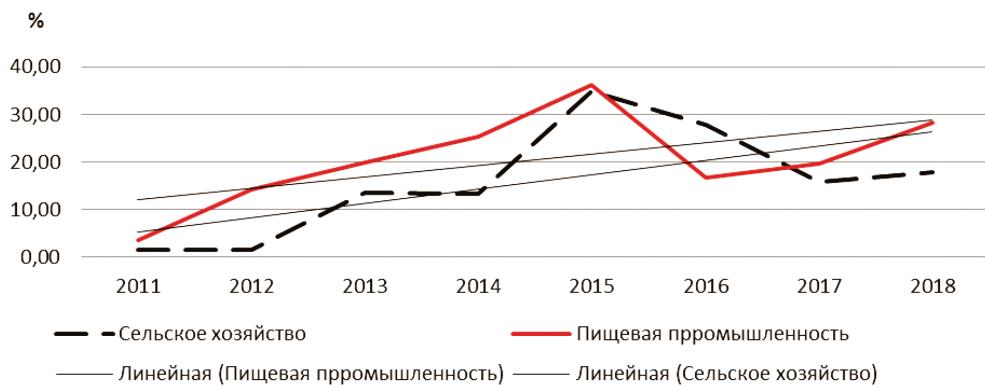

Рис. 7. Удельный вес убыточных организаций (%)

Источник: разработка автора по [20, 21].

Среди индикаторов, которые указывают на целесообразность специализации в отрасли, может быть способность отрасли оказать влияние на рост экспортного потенциала [30. С. 358]. Рассмотрим динамику показателей внешней торговли продукцией агропродовольственной сферы Беларуси (табл. 4).

Таблица 4

Объем внешней торговли сельскохозяйственной продукцией и продуктами питания (млн долл.)

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	Темп роста 2019 г. к 2013 г., %
Экспорт	5782,6	5606,4	4483,0	4231,6	4971,2	5280,1	5576,8	95,8
Импорт	4181,1	4849,0	4448,4	4076,3	4583,8	4424,4	4655,8	111,1
Сальдо	1593,5	757,4	4,6	155,3	387,4	855,7	881,0	55,3

Источник: разработка автора по [23].

Как показывает табл. 4, экспорт сельскохозяйственной продукции и продуктов питания составил в 2019 г. 5576,8 млн. долл., что на 4,2 % меньше уровня 2013 г. Импорт же напротив увеличился за этот период на 11,1% и составил в 2019 г. 4655,8 млн долл. В результате заметных различий в темпах роста

экспорта и импорта структура внешней торговли товарами агропродовольственной группы ухудшилась: сумма сальдо внешней торговли, оставаясь положительной, все же уменьшилась на 44,7%, доля сальдо сократилась с 16,0% в 2013 г. до 8,6% в 2019 г.

Кроме экономических критериев эффективности, существуют естественные, или природно-климатические, причины, которые делают ставку на агропродовольственную сферу несостоительной. Отраслевая специализация как форма производства опирается на ресурсную составляющую. В Беларуси ресурсы сельскохозяйственного производства характеризуются рядом лимитирующих факторов. Так, по сравнению с европейскими странами (Польша, Германия, Франция и др.) растениеводство ежегодно недополучает значительную часть положительных температур. Плодородие почти четверти пашни республики оценивается ниже 25 баллов, что ограничивает возможности получения высоких урожаев [3. С. 5].

В соответствии с НСУР-30 страна взяла курс на создание производств V–VI технологических укладов. В такой экономике экономический рост обеспечивается не за счет сельского хозяйства и пищевой промышленности, а за счет формирования высокотехнологичного сектора [24]. Следовательно, государство, с одной стороны, пропагандирует через СМИ, через систему аграрного образования, через государственные программы статус АПК как локомотива белорусской экономики, с другой стороны, нацеливает на технологический рывок. В этом видится противоречивость экономической политики. Пора признать, что экономический рост Беларуси не зависит (или уже не зависит) от агропродовольственной сферы. Нужно искать новые точки роста, изучать зарубежный опыт, который можно позаимствовать и воплотить в белорусских условиях.

Считается, что высокотехнологичная фаза экономического роста базируется на такой структуре ВВП, для которой характерно преобладание особого рода услуг – это информация, связь, финансовые и страховые услуги, научно-технические, образовательные услуги и др. В табл. 5 представлены услуги, которые с точки зрения ряда исследователей являются индикаторами VI технологического уклада [25; 26].

Данные табл. 5 свидетельствуют, что в структуре ВВП Беларуси совокупная доля высокотехнологичных услуг (строки 4–7) составила в 2018 г. 15,7% и увеличилась за 10 лет на 3,6%. Наиболее быстрыми темпами увеличивается доля информации и связи: за период исследования этот показатель вырос с 2,3% до 5,4%. Как видим, существуют в составе национального экономического комплекса такие ВЭД, которые динамично развиваются и создают тем самым предпосылки для формирования V–VI технологических укладов.

Национальная экономика любой страны формируется как результат целенаправленной деятельности людей. Следовательно, кроме объективных факторов на экономику страны оказывают влияние и факторы субъективные.

Кроме того, экономика формируется на базе того опыта, который страна получила за свою историю. Думается, что ставка на АПК в социально-экономическом развитии Беларуси – это своего рода стереотип, национальный атрибут, сформированный на протяжении многих лет. Этот стереотип оказывает влияние на формирование стратегии государства. Стереотипы статичны, дают ощущение ориентации и трудно поддаются изменениям. Тем не менее в ходе выбора отраслевой специализации следует руководствоваться критериями экономической целесообразности, а не стереотипами.

Таблица 5
Отдельные ВЭД в структуре ВВП Беларуси

ВЭД	2009	2018	+ / -
1. ВВП всего	100	100	X
2. Сельское хозяйство	7,8	6,4	-1,4
3. Пищевая промышленность	4,8	5,9	+1,1
4. Информация и связь	2,3	5,4	+3,1
5. Финансовая и страховая деятельность	3,8	3,5	-0,3
6. Профессиональная, научная и техническая деятельность	2,5	2,8	+0,3
7. Образование	3,5	4,0	+0,5
8. Сумма строк 4-7	12,1	15,7	+3,6

Источник: разработка автора по [23].

Республика Беларусь – страна с переходной экономикой. Для успешной трансформации экономики необходимы перестройка старых институтов, активная государственная поддержка высокотехнологичных отраслей (как монетаристскими, так и протекционистскими методами), поиск новых факторов экономического роста, что, в свою очередь, является фундаментом устойчивого развития социально-экономической системы. В соответствии с классификацией по уровню развития Беларусь относится к странам со средним уровнем развития (в классификации «выше среднего, средний, ниже среднего, низкий») [27]. Международный опыт и многочисленные исследования показывают, что для стран с переходной экономикой и средним уровнем экономического развития факторами экономического роста являются структурные реформы, способствующие активному развитию рыночных институтов [28; 29]. Несмотря на то, что принятая модель развития Беларуси определена как социально-ориентированная рыночная экономика, основанная на конкуренции и развитых институтах рынка, в агропродовольственной сфере сохраняются формы и методы управления, характерные для плановой экономики. Это подтверждает гипотезу о том, что АПК Беларуси, развитие которого определяется не рыночными факторами, а государственным централизованным влиянием, не может рассматриваться в качестве источника экономического роста страны.

В качестве итога проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Политика в агропродовольственной сфере – часть экономической политики Беларуси. Регулирование осуществляется методом разработки и реализации государственных программ, имеющих силу закона.
2. Состав АПК нормативно не определен, а в учебной, методической литературе, научных трудах толкуется неоднозначно.
3. Государственный менеджмент отождествляет АПК с сельским хозяйством и пищевой промышленностью. В ходе исследования системные связи между этими отраслями, характерные для хозяйственных комплексов, не выявлены.
4. Система статистического учета не позволяет оценить результаты АПК, так как учет продукта осуществляется по признаку вида деятельности, а не по признаку аграрного происхождения продукта.
5. Показатели АПК (как структурной единицы экономики) государством не формируются, а Белстатом как субъектом государственного управления не оцениваются. На этом основании сделан вывод: АПК не является ни объектом планирования, ни объектом учета и анализа, ни структурной единицей экономики.
6. Экономика Беларуси – это совокупность ВЭД, поэтому выделение АПК как субъекта экономики и объекта государственного управления в ходе исследования не выявлено, а государством не аргументировано.
7. В связи с тем, что сельское хозяйство и пищевая промышленность являются объектом государственного менеджмента, предлагается использовать термин «агропродовольственная сфера» вместо «агропромышленный комплекс».
8. Отрасли агропродовольственной сферы оказывают несущественное влияние на экономический рост Беларуси, поэтому нет оснований рассматривать их в качестве «локомотива» экономики.
9. Анализ динамики и структуры внешнеторгового оборота, рентабельности и доли убыточных предприятий показывает необходимость совершенствования экономической политики в агропродовольственной сфере.
10. Исследование не ставит под сомнение необходимость государственного регулирования в агропродовольственной сфере, а сделанные выводы характеризуют исключительно АПК Беларуси и не могут быть распространены на АПК других стран или их интеграционные объединения.

Литература

1. Гусаков В.Г., Шпак А.П. Агропромышленный комплекс Беларуси в условиях трансформационной экономики // Бел. эк. журнал. 2018. № 4. С. 51–64.
2. Национальная экономика Беларуси: учебник для студентов / В. Н. Шимов и др. 4-е изд., перераб. и доп. // Минск: БГЭУ. 2012. 649 с.
3. Гануш Г.И. Проблемы и приоритеты выбора в экономике АПК Беларуси: теоретико-прикладные аспекты // Весці Нацыянальнай Акадэміі Навук Беларусі. Серыя аграрных навук. 2016. № 1. С. 5–12.

4. Социально-экономическая модель: становление и развитие: теория, методология, практика. В 2 кн. Кн. 2 / В.Г. Гусаков и др. Нац. акад. наук Беларусь. Ин-т экономики // Минск: Беларуская навука, 2015. 401 с.
5. Тоболич З.А. Экономика предприятий агропромышленного комплекса / Курс лекций // Горки: БГСХА. 2017. 221 с.
6. Экономика Беларуси. [Электронный ресурс]. URL: <https://library.by/beleconomics> (дата обращения: 23.07.2020).
7. Никулихин Я.П. Индустриализация сельского хозяйства СССР // М.-Л.: Госсельхозиздат. 1931. 471с.
8. Важнейшие решения по сельскому хозяйству за 1938–1946 годы // М.: Госсельхозиздат, 1948. 273с.
9. Государственная программа реформирования АПК РБ, Коллегия Кабинета Министров РБ от 06.08.1996. Протокол № 13. Мин., 1996.
10. Государственная Программа совершенствования АПК на 2001-2005 гг. Указ Президента РБ от 14.05.2001 г. № 256.
11. Государственная программа возрождения и развития села на 2005-2010 гг. Указ Президента Республики Беларусь от 25.03.2005 № 150.
12. Анализ экономической эффективности осуществляемого объединения организаций в агропромышленном комплексе... / Препринт / Справка Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь от 25.11.2009. Минск. 2009.
13. Государственная программа устойчивого развития села на 2011–15 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.msdp.gov.by> (дата обращения: 11.07.2020)
14. Государственная программа развития аграрного бизнеса в РБ на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.msdp.gov.by> (дата обращения 12.07.2020)
15. О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document> (дата обращения: 11.07.2020)
16. Типовая учебная программа для учреждений высшего образования для специальностей направления образования 25 «Экономика», Министерство образования РБ. [Электронный ресурс]. https://www.belstu.by/Portals/0/userfiles/101/Tipovaya-programma_1.pdf (дата обращения: 14.07.2020)
17. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития РБ на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.economy.gov.by> (дата обращения 11.07.2020)
18. Государственная Программа социально-экономического развития РБ на 2016–2020 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document> (дата обращения: 11.07.2020)
19. Общегосударственный классификатор Республики Беларусь ОКРБ 005-2011 "Виды экономической деятельности". [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belstat.gov.by/klassifikatory> (дата обращения 15.07.2020)
20. Промышленность РБ – 2020» и «Сельское хозяйство РБ – 2020», «Промышленность РБ – 2012» и «Сельское хозяйство РБ – 2012». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications> (дата обращения: 22.07.2020)
21. Сельское хозяйство РБ – 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika> (дата обращения: 22.07.2020)
22. Минакир П.А. Российское экономическое пространство: стратегические тупики. Экономика региона. [Электронный ресурс]. URL: <https://economyofregion.ru/arhiv/2019-2/nomer-4-2019-2/rossijskoe-ekonomicheskoe-prostranstvo-strategicheskie-tupiki> (дата обращения: 07.08.2020)

-
23. Статистический ежегодник РБ – 2019. [Электронный ресурс] URL: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika> (дата обращения: 17.07.2020)
24. *Mazhar U., Rehman F.* Manufacturing as a Growth Escalator in Low and Middle Income Countries // Journal of Economics and Finance. 2019. [Электронный ресурс] URL: <https://www.springerprofessional.de/en/manufacturing-as-a-growth-escalator-in-low-and-middle-income-cou/17521948> (дата обращения: 25.07.2020)
25. *Чубрик А.* Факторы экономического роста в процессе трансформации экономики / Институт приватизации и менеджмента // Аналитический доклад. 2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/WP2001r09> (дата обращения: 27.07.2020)
26. *Gorzelak G.* Bieda i zamożność regionów: założenia, hipotezy, przykłady // Studia regionalne i lokalne. 2003. № 1(11). C. 36–59. [Электронный ресурс]. URL: http://www.euroreg.uw.edu.pl/dane/web_euroreg_publications_files/3091/bieda_i_zamoznosc_regionow_gorzelak.pdf (дата обращения: 08.08.2020)
27. Country classification / World Economic Situation Prospects – the United Nations. [Электронный ресурс]. URL: https://www.8un.org/en/development/desa/policy/wesp/wesp_current/2014wesp_country_classification.pdf (дата обращения: 28.07.2020)
28. *Синь Л.* Экономический рост и институциональные проблемы в странах СНГ, ЦВЕ и Китае // Проблемы современной экономики. 2006. № 3/4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=1104> (дата обращения: 29.07.2020)
29. *Szczepanowski A.E.* Zmiany w sektorze rolno-żywnościowym w Polsce i polskich regionach po akcesji do Unii Europejskiej. Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymostku. 2020. C. 257–285. [Электронный ресурс]. URL: https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/bitstream/11320/9269/1/AE_Szczepanowski_Zmiany_w_sektorze_rolno.pdf. (дата обращения: 04.08.2020). doi: 10.15290/isarrow.2020.12
30. *Котов А.В.* Оценка эффективности инструментов региональной политики // Экономика региона. 2020. Т. 16. Вып. 2. С. 352–362. [Электронный ресурс]. URL: https://economyofregion.ru/wp-content/uploads/2020/06/02_02_2020.pdf (дата обращения: 22.07.2020) doi.org/10.17059/2020-2-2

Sviatlana Adashkevich (e-mail: sviatlana.adashkevich@gmail.com)

Doctoral Student,

Wroclaw University of Economics and Business, Doctoral School
(Wroclaw, Poland)

AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF BELARUS: ITS ROLE IN THE FORMATION OF THE COUNTRY'S GDP

The article examines the theoretical and practical aspects of the place of the agro-industrial complex in the structure of the economy of Belarus and the methods of state administration of the agro-industrial complex. It is shown that the current practice of analyzing the agro-industrial complex reflects reality only to a limited extent. This creates problems in assessing structural transformations, complicates the choice of "locomotives" of economic growth. Based on the results of the analysis of structural and dynamic transformations, correlations, a conclusion is made about the erroneous

positioning of the agro-industrial complex as a factor in GDP growth and the need to change the policy in the agrifood sector.

Keywords: economic policy, agro-industrial complex, structure, management, analysis, problems, economic growth.

DOI: 10.31857/S020736760014517-7

© 2021

Сергей Большаков

доктор политических наук, профессор Института художественного образования и культурологии Российской академии образования
(г. Санкт-Петербург, Россия)
(e-mail: snbolshakov@mail.ru)

Юлия Большакова

доктор философии, кандидат политических наук,
Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования
(г. Санкт-Петербург, Россия)
(e-mail: academy.prof.com@gmail.com)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ: ВЫБОР ПРИОРИТЕТОВ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ МЕР ПОДДЕРЖКИ

В статье анализируются проблемы, задачи и условия реализации семейной политики в странах Западной Европы. Рассматриваются основные направления политики поддержки занятости, малообеспеченных детей, женщин с детьми. Освещены система социальных трансфертов и проблема бюджетного финансирования современного государства в части выполнения обязательств перед обществом по поддержке семей. В статье на примере экспертных опросов рассматривается оценка эффективности решения социальных задач.

Можно констатировать, что перспектива семейной политики стран Западной Европы органам государственной власти видится в увеличении расходов государства по таким направлениям поддержки как группы малоимущих семей, семей с детьми, одиноких женщин с детьми. Исследование позволяет говорить о сосредоточении усилий государства на поддержке системы начального и профессионального образования.

Ключевые слова: семейная политика, образование, здравоохранение, социальная политика, государство.

DOI: 10.31857/S020736760015395-3

Традиционно во всех европейских странах особое место занимает семейная политика, комплекс мер, принимаемых органами государственной власти в области поддержки семьи, детей и подростков.

Государственная семейная политика традиционно включает в себя оказание соответствующей помощи, предоставление различных семейных пособий, налоговое стимулирование государством социальных мер поддержки семьям. Социальная поддержка семей, детей и подростков рассматривается как

¹ Статья выполнена в рамках НИР «Формирование эффективных моделей и технологий коррекции девиантного поведения подростков в различных учреждениях с использованием художественного образования и культурологии» Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт художественного образования и культурологии Российской академии образования» (ФГБНУ «ИХОиК РАО»)

общественно значимый вопрос, требующий активного государственного вмешательства.

В ХХ веке государственная семейная политика может быть определена прежде всего как политика распределения, когда помочь домохозяйствам, семьям оказывается на основе оценки низких доходов населения, помочи одиноким родителям с детьми.

Государственная семейная политика стала в большей степени носить социальный характер, нежели демографический. Основная задача социальной политики отражает новый вектор борьбы с неравенством и бедностью, направлена на поддержку сокращения неравенства в семьях, профессиональной занятости в семьях с детьми. Среди задач социальной политики возрастает значение нужд профессионального образования и регулирования занятости, рынка труда.

Стратегические цели государственной семейной политики постепенно меняются во всех странах, изменяются и подходы к реализации государственной семейной политики. Стратегическим ориентиром семейной политики государства является озабоченность уровнем рождаемости и состояние демографии страны. Эти факторы особенно актуальны для стран Западной Европы – Франции, Италии, Швеции и др. Демографический фактор является основным мотиватором разработки мер государственной политики, таких как поддержка молодых матерей, находящихся дома, поддержка семей с низким уровнем достатка, вплоть до таких мер, как введение вето на аборты и контрацептивы. Озабоченность состоянием семьи во многих странах связана с показателем бедности (Индия, Китай).

Страны Западной Европы являются идеологами концепции государства всеобщего благосостояния, за этим стоят общепринятые институциональные нормы поддержки семьи и детей. Ранее модель поддержки семьи была нацелена на поддержку семей, где главой семьи является мужчина-кормилец. Современное состояние семейной политики ориентируется в сторону гендерного равенства, поддержки детей, разработана концепция «двойного опекуна», где защищаются интересы ребенка как со стороны матери, так и со стороны отца, активно поддерживается участие отцов в уходе за детьми.

В странах Европы разворачивается концептуальная дискуссия вокруг самих целей семейной политики, отстаиваемых государством. Целевыми ориентирами при решении данной проблемы может быть отношение политики государства к семье как к единому целому либо учет индивидуальных потребностей членов семьи, таких как уход за детьми, поддержка неработающих матерей и пр.

Важным мотиватором разработки государственной семейной политики является формат традиционных семейных ценностей, но и признание сожительства, гражданского брака, гетеросексуальных и гомосексуальных семей и пр.

Некоторые исследователи отмечают, что ориентиры семейной политики смещаются и формируют гендерную политику, сосредоточенную на выделении женских семейных ролей, мужских (отцовских) ролей [19]. Некоторые исследователи отмечают, что политика поддержки пожилых и престарелых тоже является задачей семейной политики, поскольку это формирует межпоколенные связи семей.

Европейские исследователи по-разному рассматривают типы семейных политик. Финские авторы Анттонен и Сипиля выделяют несколько кластеров среди западноевропейских стран в зависимости от того, в какой степени государство несет ответственность за благополучие детей и пожилых. Ими выделяются 4 группы стран в зависимости от ориентации на благополучие тех или иных социальных групп: а) особой поддержки пожилых и престарелых (Нидерланды, Норвегия и Великобритания); б) особой поддержки и заботы о детях, но не пожилой группы населения (Франция, Бельгия и Италия); в) отсутствие активной поддержки и детей, и пожилых представителей общества (Португалия, Греция, Испания, Ирландия и Германия); г) большая поддержка и детей, и пожилых представителей общества (Дания, Финляндия и Швеция) [1].

В отдельных работах [см. 18, 26] авторы приходят к выводу, что разработать подобную типологию достаточно сложно, так как государственная семейная политика сосредоточивается на использовании смешанных инструментов поддержки семей, включает в себя разнообразный пакет поддержки семей, детей, женщин, мигрантов и социально-незащищенных групп.

Гендерные механизмы лежат в основе многочисленных типологий семейной политики. Концепция декомодификации Андерсена расширенно трактует такое понятие гендера, как «социальное гражданство», то есть степень, в которой политика поддерживает женщин в их доступе к оплачиваемой работе, насколько это сбалансировано с семейной жизнью, и делает их финансово независимыми [1].

Ф. Кауфманн в своем исследовании выделяет четыре профиля семейной политики в рамках исследования стран Западной Европы, на основе показателей финансирования социальных расходов, финансовой щедрости государственных бюджетов, то есть поддержки уровня финансовых (денежных льгот) и поддержки социальной инфраструктуры, оказания социальных услуг, которые государства предлагают семьям [12]. Выделенные им типы стран по данным критериям варьируются от «щедрых» с точки зрения предоставления льгот и услуг (страны Северной Европы и Франция) до менее состоятельных в подобной социальной поддержке (менее щедрые) такие страны как Италия и другие страны Южной Европы.

Необходим не только анализ различных аспектов семейной политики, но также и разных целей, которые страны могут при этом преследовать. В странах Западной Европы, в ЕС и ОЭСР в последние годы все больше наблюдается

тенденций к интеграции социального пространства, вследствие активной роли учреждений ЕС. Например, принятая в ЕС директива № 96/34 «Об отпуске по уходу за ребенком», представляет согласованные цели (например, цель относительно трудового участия и занятости женщин, или охвата семей услугами дошкольного ухода).

Проанализируем социальную политику Франции, поскольку социальная система Франции порой вызывает не только научный интерес, но и вызывает определенную критику в части выбранных форм социальной поддержки.

Во Франции важнейшей частью семейной политики является обширная система поддержки семьи, для которой характерно финансирование за счёт предприятий, бизнеса и на основе отчислений фонда заработной платы. Так, для Франции характерна такая система поступающих от государства взносов финансовых средств, которые перераспределяются национальной кассой семейных пособий и которая, соответственно, финансирует различные виды семейных пособий целевого назначения (трудоустройство или оплату жилья) [7].

Исследования демонстрируют сложность мер по сокращению расходов на социальную политику. Социальная политика, институционализированная в период экономического роста вызывает необходимость ее адаптации к новому экономическому и социальному контексту. Для стран Европы, и для Франции в частности, характерен высокий уровень социального обеспечения, традиционно составляющий до 30% расходов ВВП страны. Дело в том, что во Франции в 1980-х и 1990-х годах были разработаны и осуществлены крупные реформы системы социального обеспечения. Предоставление пособий по безработице были реформированы в 1992 и 2001 годах; система пенсионного обеспечения была изменена в 1993 году; система здравоохранения была реорганизована в 1995 году. В 1988 году запущена программа RMI (Revenu Minimum d'Insertion, Revenu Minimum d'Insertion), программа медицинской солидарности, введение года медицинского страхования CSG в 1990 году (CSG – Contribution Sociale Généralisée), реформы здравоохранения CMU в 1999 году (Couverture Maladie Universelle – Всеобщий охват услугами здравоохранения) вместе с законом от 1996 г., предусматривающим ежегодное осуществление Закона о бюджете социального обеспечения (Loi de Financement de la Sécurité Sociale) [3]. Анализ примера Франции вносит три новых элемента в изучение государственной семейной политики и социального обеспечения. Во-первых, он показывает, что реформировать необходимо не только задачи социальной политики, но и особенно сами учреждения социальной защиты. Во-вторых, очевидно, что не все меры социальной политики следует отнести к расходам государства. Наконец, реформы показывают, что основные реформистские усилия государства предполагают глубокие изменения в способах социального обеспечения.

Используемые механизмы обеспечения, по мнению многих исследователей, можно охарактеризовать по четырем характеристикам: 1) доступ к пособиям или право на получение пособия. Это касается а) занятости: пособие частично финансируется за счет взносов сотрудников; б) гражданства: пособие является универсальным для всех граждан страны или по необходимости, право на пособие основано на величине дохода предполагаемого получателя; 2) характер и размер пособия: денежное или натуральное, фиксированное или пропорциональное; 3) источник финансирования: налоги или социальные отчисления (в некоторых случаях называемые налогами на заработную плату); 4) принятие решений, организация и структура управления агентством организующим социальную услугу: централизованное государственное агентство или государственное агентство местного уровня; управление со стороны бюджетного сектора или представителями частного предприятия. Комбинирование этих различных компонентов порождает множество способов поддержки благосостояния населения, которые различаются в зависимости от сформированной системы государственной поддержки или программы.

Стандартная система пенсионного обеспечения во Франции, например, включает схему социального страхования: пенсии работникам выплачиваются в виде пособий пропорционально заработной плате, полученной в течение трудовой жизни, оплачиваются и взносами работников, управляются работодателями финансирующих агентств (касс) во главе с административным советом, состоящим в основном из представителей работников и работодателей (*les partenaires sociaux*), негосударственных ведомств, которые сохраняют за собой право принимать решения по уровням взносов и пособий [12]. Французская система имеет свою собственную институциональную согласованность, которую можно определить следующим образом: привязка большинства льгот к рабочему месту; большинство пособий финансируются за счет взносов и пропорциональны доходу; система финансируется за счет социальных взносов; социальные партнеры имеют и управленческую роль. Для Франции характерно, что уровень бедности и неравенства оценивается по средним показателям ЕС, и социальная поддержка выше этого показателя оценивается экспертами как эффективная [3].

Доступ к услугам здравоохранения и ухода за детьми характеризуется высоким уровнем обслуживания. Однако уровень безработицы во Франции остается выше средних показателей ЕС. Для социально-обездоленных групп по-прежнему трудно интегрироваться в рынок труда. Уровень занятости во Франции составляет 71,4% в 2019 г., в целом потребность в создании новых рабочих мест оставалась на высоком уровне. В 2020 году положительные процессы по созданию новых рабочих мест остановились, поскольку были высоки ожидания замедления роста ВВП и негативный экономический прогноз [10]. Для Франции характерны процессы снижение динамики рынка труда,

опросы предприятий демонстрируют сложности найма с 2015 года. На рынке труда сложилась ситуация структурного разрыва между спросом и предложением соискателей с несоответствующими компетенциями и квалификациями [13].

В 2018 году доля доходов, полученных 20% самых богатых домохозяйств, в 4,2 раза превышала долю доходов 20% наименее обеспеченных домохозяйств. Это соотношение, достигшее в 2011 году максимальной отметки в 4,6 раза, с тех пор постепенно снижается. Относительная доля дохода, получаемого 20% самых богатых семей во Франции ниже, чем в среднем по ЕС, в котором разрыв показателей составляет 5,2 раза [14].

Социальные трансферты снизили риск бедности на 44,4% в 2018 г., что более чем на 10 процентных пункта выше среднего показателя по ЕС. Доля населения, подверженного риску бедности и социальной изоляции (17,4%), также значительно ниже, чем в среднем по ЕС в 2018 году (21,9%) [5].

Традиционно отмечается низкая эффективность французской системы здравоохранения, по таким направлениям, как ориентация на больничную помощь и низкая доля дженериков в фармацевтических продажах, которая хоть и улучшилась в последние годы, но страна по-прежнему отстает от большинства государств-членов ЕС. Общие расходы системы здравоохранения оценивались в 11,3% ВВП в 2017 году, что является самым высоким уровнем в ЕС. Доля расходов на профилактику в системе национального здравоохранения традиционно была одной из самых низких (1,86% в 2017 году по сравнению с 3,1% в ЕС) [4].

По официальным данным доля людей, находящихся в ситуации материальной и социальной депривации, достигла 12,5%, что соответствует среднему показателю по ЕС (12,8%) [4].

В частности, неполные семьи, которые часто возглавляют женщины, подвергаются повышенному риску бедности или социальной изоляции. Доля домохозяйств с детьми-иждивенцами, которые подвержены риску бедности, оставалась на уровне 32,1% в 2018 году. Однако в 2018 году положение домохозяйств с детьми-иждивенцами ухудшилось (уровень риска бедности составил 56,1%, по сравнению с 51,8% в 2017 году). Этот факт отражается в увеличении числа детей (0–18 лет), которым угрожает бедность или социальная изоляция (показатель вырос с 22,1% до 22,9% в 2018 году) [12].

Риск роста этого показателя выше в домохозяйствах с низкой квалификацией и низкой интенсивностью труда, что вызывает беспокойство, поскольку доля детей, живущих в таких домохозяйствах, увеличилась с 24,7% в 2017 году до 29,1% в 2018 году [12].

Недавнее исследование показывает, что бюджетные и социальные меры, включенные в бюджеты стран ЕС на 2018 и 2019 годы, в основном принесут пользу среднему классу. Первый дециль группы с доходами, который включает значительную долю безработных, не получит преимущества от таких мер,

как переоценка страхового взноса или освобождение от налога за сверхурочную работу. Эта категория также пострадает от заниженной индексации жилищных и семейных пособий [18].

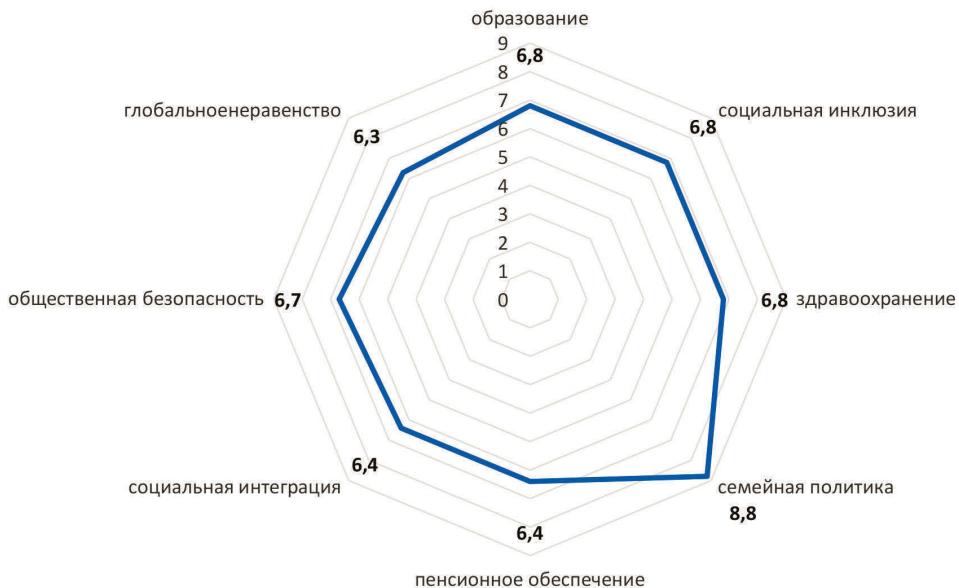

Рис.1. «Способствует ли социальная политика равноправному и справедливому обществу?» Франция

Источник: Фонд Бертельсмана (ФРГ) (https://www.sgi-network.org/2020/Survey_Structure), 2020, экспертная оценка от 1 до 10 [дата посещения 01.03.2021]

Во Франции за счёт национальный кассы семейных пособий финансируются основные направления семейной политики. Эти расходы составляют 2,6% ВВП Франции, а для стран Северной Европы (Швеции, Дании, Финляндии) – 4% ВВП [6].

Необходимо отметить, что кассы семейных пособий широко представлены по всей стране [9].

Семейные пособия после реформы семейных пособий по содержанию малолетних детей объединили в одно пособие по содержанию малышей, чем преследуется цель повышения уровня рождаемости и профессиональной занятости женщин

Семейная политика включает в себя инвестиции в структуру ухода за детьми – детские сады, материнские школы, бесплатные для детей от 3 до 6 лет [10]. Характерно, что если семья имеет ребенка от 3-х до 6 лет, она может выбирать различные формы ухода за ними (содержание в коллективных учреждениях, индивидуальное содержание (уход) или приглашение няни, тем

самым государство пытается предотвратить прекращение профессиональной деятельности молодых мам [8].

Во Франции существуют различные типы социальных учреждений для коллективного содержания детей – это ясли, детские площадки, детские сады, являющиеся объектами государственной семейной политики и государственного регулирования [16]. Они получают разрешение на соответствующее функционирование в генеральном совете департамента. По данным статистики Франции, государственные расходы на детей до 3 лет составляют 1% валового внутреннего продукта, 7% детей пребывают на дому под присмотром и уходом родителей, 10% – посещают ясли, 10% – пользуются услугами нянь, 10% пользуются услугами родственников или бабушек [22].

С 2000-х годов государство активно стимулирует создание детских ясельных групп при предприятиях, предоставляя налоговые льготы [15]. Растет численность сертифицированных нянь, наблюдается рост их заработной платы от государства (также няни могут получать вознаграждение непосредственно и от родителей).

Для стран Европы (Франции, Испании, Италии, Германии) приоритетными направлениями в решении вопросов демографической политики является увеличение трудовой занятости населения, оказание помощи семьям, молодым родителям для того, чтобы они могли успешно сочетать и профессиональную занятость, и воспитание детей [24].

Во Франции, в отличие от других стран Центральной и Северной Европы большое внимание уделяется обеспечению высокой безвозмездной системе ухода за детьми. Более 80% французских женщин в возрасте до 39 лет трудится полный рабочий день. Для Франции характерен высокий уровень рождаемости, более двух третей детей растут в семьях с полной занятостью родителей [17].

Для Франции характерны значительные расходы по поддержанию системы социальных пособий, что в целом способствует предотвращению бедности. Несмотря на это, иммигранты и их семьи часто подвергаются маргинализации. Правительство Франции с 2015 года начало уделять больше внимания обучению и трудоустройству иммигрантов, чем их финансовой поддержке.

Большинство женщин во Франции предпочитают работать. Востребованность на уровне 60% государственной социальной инфраструктуры, в виде яслей или материнских школ, свидетельствует о необходимости дальнейшей поддержки этой инфраструктуры [19].

Важным направлением социальной политики стран Западной Европы, и Франции в частности, является реализация программ образования, в том числе профессионального.

В исследовании Программ международной оценки учащихся (PISA) 2018 года результаты социальной политики в части образования Франции хотя существенно и не улучшились, но остались несколько выше среднего показателя

по ОЭСР, при этом Франция заняла 20-е место из 70 исследованных стран. Общие расходы на образовательные учреждения в 2016 году составили 5,2% ВВП, что немного выше среднего показателя по ОЭСР [14]. Закон, принятый в 2019 году, делает посещение дошкольного учреждения обязательным для всех детей в возрасте от трех лет (*écoles maternelles*). Сейчас уровень государственных расходов на начальную школу во Франции немного ниже среднего по ОЭСР. Однако, по оценке PISA, эти расходы все равно больше, чем в любой другой стране ОЭСР. Индивидуальный успех обучающегося во многом зависит от социально-экономического положения студента. Среднее образование достаточно хорошее, но неравномерное, чрезмерно дорогое и в последние годы уступает другим странам ОЭСР [14]. Высшее образование в формате «бакалавр-магистр» отличается широким спектром элитных учебных заведений (престижные лицеи и высшие школы) и массовой университетской системой, которая плохо финансируется, плохо управляема и плохо готовит студентов к успешности на рынке труда. Расходы на университеты во Франции ниже среднего показателя по ОЭСР. Что еще более важно, процент отсева в университетах значителен: только 40% зарегистрированных студентов получают высшее образование [13].

Переход от образования к профессиональному обучению оставляет желать лучшего. Организованная государственными школами система профессиональной подготовки предлагает лишь несколько альтернативных курсов обучения в сотрудничестве с предприятиями, а дипломы часто не принимаются компаниями, сферой бизнеса. Это основная причина высокого уровня безработицы среди молодежи во Франции.

Уровень рождаемости во Франции является одним из самых высоких в Европе (несмотря на небольшое снижение с 2,0 рождений на женщину в период с 2006 по 2014 год до 1,92 рождений на женщину в 2018 году), но процент женщин, интегрированных на рынок труда, также выгодно отличается от европейских лидеров (скандинавских стран) в сфере семейной политики. Столкнувшись с необходимостью сокращения бюджетного дефицита, правительство в лице Ф. Олланда отменило действие «принципа универсальности», характерного для французского государства всеобщего благосостояния (т.е. отменены социальные пособия для всех нуждающихся, часто это связано с количеством детей в семье, без учета уровня дохода и благосостояния), что привело к сокращению выплат детского пособия для семей в доходами выше среднего [5]. Эта оспариваемая мера привела к более реалистичному подходу к выработке государственной социальной политики, выходящему за рамки формальных принципов.

2020 год стал годом кризиса и вызовов для социальной политики всех стран мира. В странах Западной Европы органы государственного управления разработали пакет многочисленный мер по поддержке семей и домохозяйств.

Так, в Дании министерство социальных дел объявило, что семнадцати организациям и благотворительным организациям будет выделена финансовая помощь – средства для поддержки семей с детьми, направляющихся на летние каникулы. В общей сложности организации получили 9,7 миллионов датских крон (приблизительно 1,3 миллиона евро) в течение 2020–2021 гг., которые были взяты из резервных фондов в социальной сфере после согласования с датским парламентом. В Греции правительство объявило, что работающие родители детей, получающих дошкольное образование и опеку, будут иметь право на финансируемый специальный отпуск для поддержки и заботы о детях, ввиду того, что центры дошкольного образования и опеки (ЕСЕС) закрыты во время пандемии COVID-19. Для родителей, которые работают в частном секторе бизнеса, государство профинансировало треть их заработной платы, а остальное должно выплачиваться работодателем.

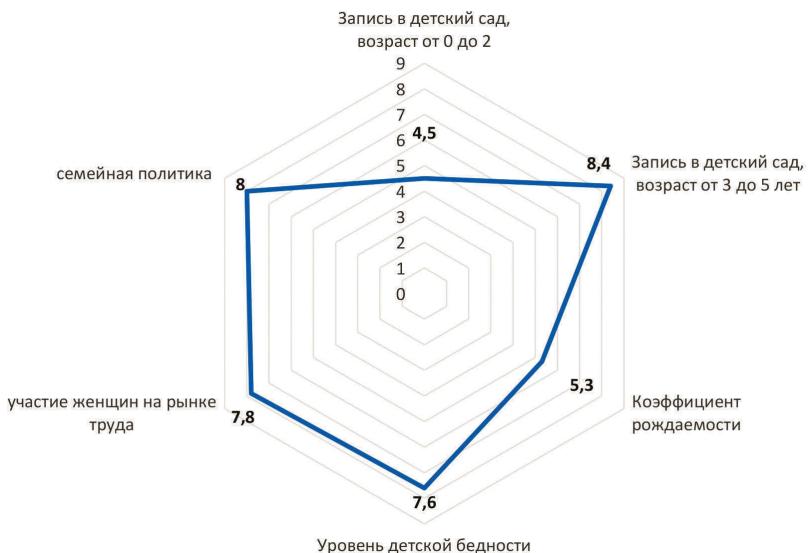

Рис. 2. «Существует ли надежная система поддержки семьи и услуг по уходу за детьми?» Франция

Источник: Фонд Бертельсмана (ФРГ) (https://www.sgi-network.org/2020/Survey_Structure), 2020. экспертная оценка от 1 до 10 [дата посещения 01.03.2021]

Во всех странах ЕС, но не во всех странах ОЭСР налицо весь спектр мер государственной поддержки детей и семей, но обнаруживаются и большие различия между странами в масштабах государственной поддержки и финансирования прямых и косвенных трансфертов, направляемых на снижение затрат на детей как потребителей услуг, на основе нуждаемости в тех или иных услугах и товарах. В Италии, Испании, Португалии, в странах Восточной Европы суммы поддержки семей зависят от возраста ребенка или статуса семьи,

родителей (например, одинокий родитель или дети-инвалиды). Учитывая сложность установленных правил, институциональные ограничения по странам ЕС, особенности взаимодействия выплат с системой налогообложения представляется сложным обобщить и сравнить объемы финансирования в странах Европейского континента. Есть страны несущие большие расходы на помощь одиноким родителям с детьми, бедным домохозяйствам и т.д. Также наблюдаются существенные вариации в части комплекса мер социальной защиты, так во всех странах ЕС установлены пособия для работающих родителей, отпуска по беременности и родам, отпуска по уходу за ребенком, которые могут существенно различаться. Исключения в данной помощи по отдельным странам, могут относиться к краткосрочным работникам, самозанятым, а также ко всем нелегальным работникам. Различна продолжительность выплат по отпуску по уходу за ребенком, степень замещения потерянной зарплатной платы по беременности и по родам.

В странах Северной Европы в последние годы семейная политика поддерживает обязательность отпусков по беременности и послеродовой помощи обоим родителям, поддержка осуществляется в том числе софинансированием программы ухода за детьми на дому. Данные меры представляются важными, так как это гарантирует равные возможности для родителей с детьми, расширяет возможности семейного ухода. Подобный подход в части наиболее полной заботы о детях с раннего возраста, расширение возможностей дошкольного образования является важным средством сокращения социального неравенства среди детей, является вкладом в их когнитивное развитие.

Услуги по уходу за детьми и образованию все больше концептуализируются с точки зрения социальных инвестиций в детей. В этом ракурсе не только доступность, но и качество ухода, оптимум между семейным и несемейным уходом – вот основной фокус семейной политики. Однако этот фокус может частично противоречит тому, что связано с другой целью: увеличением трудового вклада женщин и особенно матерей. Поэтому распространено софинансирование домашнего ухода за детьми неработающими женщинами, так как это возможность одновременно достичь двух целей: создание системы сравнительно дешевого ухода за ребенком при одновременном создании низкооплачиваемой работы для неквалифицированных женщин.

Анализ показывает, что долгое время политики прямо или косвенно поддерживали концепцию ухода и воспитания детей матерями дома, или представляли право выбора в пользу кормильца-мужчины (например, через создание благоприятных стимулов в налогообложении, как система в Германии или семейная политика во Франции, в виде значительных налоговых льгот при наличии супруга-иждивенца, а также пенсия по случаю потери кормильца). Некоторые исследователи отмечают, что семейная политика преобразуется

в инструмент трудовой политики, где фокус смещается с приоритета «материнство» в сторону «родители—источник налогооблагаемого дохода» [23].

Страны, однако, различаются не только степенью активной поддержки политиками этой модели, но и радикальностью, с которой они пытаются ее реализовать. В таких странах, как Нидерланды или Германия, социальное обеспечение законодательно гарантировано и защищено. Активно поддерживается неполный рабочий день (для женщин) как способ уравновешивания оплачиваемой работы и домашнего ухода за детьми, стимулирование модели семьи на получение помощи в течение 1,5 лет. Следует отметить, что наличие помощи, статус получателя помощи из органов социального обеспечения, являются важным средством согласования интересов работника и работодателя.

Поощрение матерей с детьми к трудовой занятости, субсидирование лиц с низкими доходами, а не просто раздача социальных трансфертов как вида доходов, стало наиболее предпочтительным вариантом государственной семейной политики, особенно для бедных, одиноких матерей. Данный подход формирует приоритеты косвенной семейной политики для домохозяйств с низким уровнем доходов через сочетание стимулов и сдерживающих факторов [8]. Подчеркивается возможность стимулирования ответственности бедных одиноких матерей. Такой подход можно обнаружить в Великобритании, в немецкой реформе социальной помощи.

Например, государственная семейная политика Великобритании ориентируется в первую очередь на повышение уровня благосостояния семьи, но приоритетом является создание условий для усиления экономической активности родителей.

В Великобритании обеспечивается медицинское обслуживание женщин в период беременности и родов. Послеродовой период, предоставление оплачиваемого отпуска по беременности, медицинское наблюдение за новорождёнными, детьми дошкольного возраста, выравнивание доходов семей осуществляются посредством предоставления налоговых льгот, помощи в финансировании образования детей [9]. В Великобритании женщина имеет право на 52 недели отпуска по беременности и родам, имеет право выбрать более легкую форму рабочей занятости до выхода в декрет. Оплачивается 39 недель декретного отпуска, при этом размер пособия составляет 90% заработной платы женщин. В Великобритании декретный отпуск оплачивается и самозанятым, неработающим женщинам, выдаётся послеродовое пособие нуждающимся семьям [17].

Не только для Великобритании, но и для других стран важнейшим элементом семейной политики является выплата пособий на ребёнка, которая финансируется в рамках обязательного социального страхования, в том числе, за счет государственного бюджета. В Великобритании пособие получает более 13 млн чел., в отношении учащихся детей выплата пособий может осуществляться

до достижения возраста 21 или 27 лет. Распространен механизм налоговых скидок как прибавки к доходу. Основной целью налоговых льгот является стимулирование занятости родителей. Увеличение дохода в налоговом периоде не всегда приводит к уменьшению налоговых льгот и скидок, подобный подход нацелен на стимулирование родителей искать более высокооплачиваемые рабочие места [23].

Для Великобритании характерно оказание помощи в виде семейных пособий на получение образования, поддержки семей, в которых дети продолжают учебу. Данные меры по поддержке профессионального и качественного образования улучшают структуру предложения на рынке труда.

Также государственная семейная политика предусматривает помочь семьям в виде предоставления пособий на детей, которые продолжают обучение до 18 лет включительно.

Государственная семейная политика современных государств сосредоточена не только на процессах воспроизведения населения, но и на развитии системы профессионального образования, формирования у будущего поколения прикладных профессиональных навыков.

Литература

1. *Anttonen A. and Sipilä J.* European social care services: Is it possible to identify models? // Journal of European Social Policy. 1996. № 6(2). P. 87–100.
2. *Cornelissen T., Dustmann C., Raute A., Schönberg U.* Who Benefits from Universal Child Care? Estimating Marginal Returns to Early Child Care Attendance// Journal of Political Economy, 2017. 126(6). P. 2356–2409.
3. Commission européenne (2019f) Education and Training Monitor 2019 – France. P.10
4. Commission européenne (2019g). European Social Policy Network, Report on national strategies to fight homelessness and housing exclusion (France). P. 13.
5. Commission européenne (2019j), Employment and Social Developments in Europe 2019. P. 14.
6. *Bach L., Bozio A., Fabre B., Guillouzouic A., Leroy C., Malgouyres C.* Évaluation d'impact de la fiscalité des dividendes, Rapport IPP № 25 – octobre 2019. P. 21.
7. *Berger L.M. and Carlson M.J.* Family Policy and Complex Contemporary Families: A Decade in Review and Implications for the Next Decade of Research and Policy Practice. J. Marriage Fam, 2020, 82: 478–507. <https://doi.org/10.1111/jomf.12650>
8. *Bonoli Giuliano.* Pension Politics in France: Patterns of Co-operation and Conflict in Two Recent Reforms// West European Politics. 1997. № 20(4). P. 160–181.
9. *Esping-Andersen G.* The Three Worlds of Welfare Capitalism, Princeton, Princeton University Press// Les trois mondes de l’État-providence. Paris. Presses Universitaires de France. 1990. P. 121.
10. *Ferrera Maurizio, Rhodes Martin (eds.)* Recasting the European Welfare States // West European Politics, Special issue. 2000. April. P. 20.
11. *France Stratégie.* L'impact du crédit d'impôt recherche, Commission nationale d'évaluation des politiques d'innovation. 2019. P. 77.
12. *France Stratégie* La valeur de l'action pour le climat, rapport de la commission présidée par Alain Quinet, France Stratégie, février. 2019. P.120.

-
13. *Kaufmann F. X.* Politics and policies towards the family in Europe. A framework and an inquiry into their differences and convergences, in: Kaufmann, Franz X. ed. Family Life and Family Policies in Europe. Vol. 2: Problems and Issues in Comparative Perspective // Oxford: Clarendon Press. 2002. P. 419–477.
 14. *Hook J.L., Paek E.* National Family Policies and Mothers' Employment: How Earnings Inequality Shapes Policy Effects across and within Countries. *American Sociological Review*. 2020;85(3):381-416. Doi:10.1177/0003122420922505
 15. Ministère des Solidarités et de la Santé (2018). Stratégie nationale de prévention et de lutte contre la pauvreté// https://solidarites-sante.gouv.fr/IMG/pdf/strategie_pauvrete_vfhd.pdf, p. 11. [дата посещения 01.03.2021]
 16. OCDE (2019). Vers un ratrappage ? La mobilité intergénérationnelle et les enfants d'immigré. P.110
 17. OCDE (2019), Individual Learning Accounts: Panacea or Pandora's Box?, Éditions OCDE. Paris. P.141.
 18. *Palier Bruno.* Does Europe Matter? Européanisation et réforme des politiques sociales des pays de l'Union européenne // Politique Européenne. 2000. № 2. P. 7–28.
 19. *Palier Bruno.* La référence aux territoires dans les nouvelles politiques sociaux // Politique et Management Public. 1998. № 3. P. 13–41.
 20. *Pierson P. (ed.)* The New Politics of the Welfare State, Oxford // Oxford University Press. 2001. P. 314–337.
 21. *Rossin-Slater M.* Maternity and Family Leave Policy // Discussion paper. National Bureau of Economic Research. 2017. P. 440–451.
 22. Sustainable governance indicators // https://www.sgi-network.org/2015/France/Social_Policies [дата посещения 01.03.2021]
 23. *Salies E.* (2017). Étude d'impact du crédit d'impôt recherche, une revue de la littérature. L'Observatoire français des conjonctures économiques (OFCE).
 24. *Signorelli S.* Do skilled migrants compete with native workers? // PSE Working Paper. 2019. P. 210.
 25. *Turrini A., Zeugner S.* Benchmarks for net international investment positions // Journal of International Money and Finance. 2019. P. 202.
 26. *Yagan D.* Capital tax reform and the real economy: The effects of the 2003 dividend tax cut // American Economic Review. 2015. № 105(12). P. 3531–63.

Sergey Bolshakov (e-mail: snbolshakov@mail.ru)

Grand Ph.D. Doctor in Political Science, Professor,

Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education
(St. Petersburg, Russia)

Yulia Bolshakova (e-mail: academy.prof.com@gmail.com)

Grand Ph.D. Doctor in Philosophy, Ph.D. in Political Science,

Institute of Art Education and Cultural Studies of the Russian Academy of Education
(St. Petersburg, Russia)

FAMILY POLICY IN EUROPEAN COUNTRIES: SELECTING PRIORITIES AND DIFFERENTIATING SUPPORT MEASURES

The article analyzes the problems, tasks and conditions for the implementation of family policy by Western European governments. The main directions of the policy are considered including the provision of jobs and supporting low-income children, as well as women with children. The system of social transfers and the problems of modern state are scrutinized, such as supporting families with government budgetary financing within the framework of the fulfillment of social obligations.

The article examines the assessment of the effectiveness of solving social problems using the example of expert polls.

It can be stated that governments in Western Europe envisage the future of family policy as coupled with an increase in government spending on supporting low-income families, families with children, single women with children. The study also highlights the concentration of government efforts on supporting the system of primary and vocational education.

Key words: family policy, education, health care, social policy, state.

DOI: 10.31857/S020736760015395-3

Требования к рукописям, представляемым для публикации в журнале «Общество и экономика»

Содержание статьи должно соответствовать тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов по соответствующей проблематике.

Объем рукописи не должен превышать 1,5 авторского листа (60 тыс. знаков).

Текст статьи представляется в формате Microsoft Word в соответствии со следующими параметрами: шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах **tiff, eps**. Отсканированные изображения должны быть с разрешением не менее 300 дпि для тоновых изображений и не менее 600 дпि для штриховых изображений (графики, таблицы, детали, выполненные чертежными инструментами).

Список литературы приводится в конце статьи в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Статью должны сопровождать аннотация (5–10 строк) и ключевые слова на русском и английском языках.

К статье должны прилагаться **сведения об авторе** (авторах) с указанием Ф.И.О. (полностью), ученой степени, ученого звания, места работы, должности, сл. и дом. телефонов, электронного адреса.

Рукописи подлежат рецензированию.

Плата за публикацию с аспирантов не взимается.

Рукописи следует присыпать по адресу: socpol@mail.ru

Приглашаем авторов для быстрой и удобной подачи статей в журналы РАН воспользоваться редакционно-издательским порталом RAS.JES.SU:

1) пройти процедуру регистрации (указать Ф.И.О., e-mail и задать пароль);

2) в меню «**Мои публикации**» станет активна кнопка «**Заявка на публикацию**», нажав на которую, Вы автоматически попадёте на страницу, где будет предложено внести всю необходимую информацию о статье;

3) можно оставить краткий комментарий в поле «**Комментарии для редактора**». Статья будет отправлена в редакцию сразу же после нажатия кнопки «**Отправить редактору**».

Подробная инструкция размещена по ссылке: <https://ras.jes.su/submit-paper-ru.html>

Оформить подписку на журнал “Общество и экономика” можно следующими способами:

1. на печатную версию журнала можно подписаться на сайте ГАУГН-Пресс во вкладке Журналы РАН <https://press.gauhn.ru/journals-ras/oie/>;
2. на электронную pdf-версию журнала оформить подписку можно на сайте журнала <https://oie.jes.su/> или на редакционно-издательском портале Журналы РАН <https://ras.jes.su/oie>;
3. через подписной каталог Почты России.

Подписано к печати 16.06.2021 г.
Тираж 150 экз. Зак. 12/ба. Цена свободная
70*100¹/16. Уч.-изд. л. 17.5

Учредители: Российская академия наук,
Международная ассоциация академий наук

Адрес редакции: 117218, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 32, офис 1027.

Тел. (499)-128-79-16

E-mail: socpol@mail.ru

Издатель: Российская академия наук

20 экз. распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20

ООО «Интеграция: Образование и Наука»

105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314

Отпечатано в ООО «Институт Информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

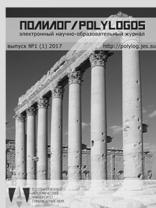
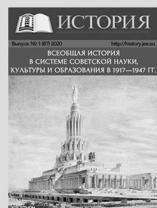
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru